

Центральная Азия:

геоэкономика, геополитика,
безопасность

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:

геоэкономика, геополитика,
безопасность

NAMANGAN DAVLAT
UNIVERSITETI
Axborot-resurs markazi

Namangan Davlat
Universiteti
Ilmiy kutubxonasi

6915

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИПАК «ШАРК»
2002

Редакционная коллегия:

кандидат политических наук Алимов Р.М.,
доктор экон. наук, профессор Арифханов Ш.Р.,
доктор исторических наук Ризаев С.Р.,
кандидат политических наук Толипов Ф.Ф.

Центральная Азия: геэкономика, геополитика, безопасность / Редколл.: Р. М. Алимов, Ш. Р. Арифханов и др. — Т.: «Шарк», 2002.— 208 с.

Данная монография подготовлена группой политологов, экономистов и экспертов в области безопасности и международных отношений в рамках исследовательского проекта «Безопасность и стабильность в Центральной Азии», при содействии Фонда им. Ф. Эберга (Германия).

ББК 65.9(543)

© Авторский коллектив, 2002.

© Главная редакция ИПАК «Шарк»,
2002.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
Глава 1. Геостратегическое положение региона	9
1.1. <i>Роль Центральной Азии в меняющемся мире</i>	9
1.2. <i>Природные богатства и стратегическое значение Каспийской зоны</i>	16
1.3. <i>Инвестиционный климат в регионе</i>	20
1.4. <i>Транспортные коммуникации</i>	26
Глава 2. Геоэкономическая ситуация	41
2.1. <i>Процессы трансформации экономики в странах Центральной Азии</i>	41
2.2. <i>Интеграционные и дезинтеграционные течения в Центральноазиатском регионе</i>	60
2.3. <i>Возможности и перспективы развития внешнеэкономических отношений в регионе</i>	68
2.4. <i>Экологические проблемы региона</i>	74
Глава 3. Геополитический баланс сил в Центральной Азии	87
3.1. <i>Геополитическая трансформация Центральной Азии</i>	87
3.2. <i>Геополитические интересы ведущих мировых и региональных держав</i>	91
<i>США</i>	91
<i>Россия</i>	99
<i>Китай</i>	111
<i>Иран</i>	118
<i>Турция</i>	124
<i>Пакистан</i>	132
<i>Индия</i>	136
<i>Япония</i>	140
<i>Страны ЕС</i>	150
3.3. <i>Афганский фактор в геополитике государств Центральной Азии</i>	157

Глава 4. Политика в области безопасности . . .	164
4.1. <i>Основные вызовы и угрозы безопасности в регионе</i>	164
4.2. <i>Стратегия обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии . . . . .</i>	169
4.3. <i>Об архитектуре безопасности в Центральной Азии . . . . .</i>	179
<i>Заключение . . . . .</i>	192

Введение

В большинстве стран мира сегодня идет интенсивный процесс изучения глобальных изменений, поиск наиболее оптимальных путей адаптации к ним внутренней и внешней государственной политики. Эта задача тем более актуальна для центральноазиатских республик, которые должны одновременно реализовывать курс своих экономических и политических реформ, вписываться в новый мировой порядок, укреплять свою независимость и безопасность. Глобальные, региональные и национальные процессы в силу феномена взаимозависимости, переплетаясь, ставят перед новыми независимыми государствами не встречавшуюся до сих пор задачу осмысления, актуализации, формулирования и защиты своих национальных интересов.

Между тем, десятилетие независимости постсоветских республик символически совпало с потрясшими мир взрывами 11 сентября 2001 года, которые с устрашающей убедительностью продемонстрировали, что традиционные представления о национальной и международной безопасности требуют пересмотра. Акты терроризма случались и раньше, как в Соединенных Штатах, так и в других государствах. Но никогда прежде теракты не приносили единовременно жертв и разрушений такого масштаба, не были столь профессионально подготовлены и скоординированы, не влекли таких тяжелых моральных, материальных, финансовых, политических и экологических последствий.

В одночасье как бы вся система миропорядка получила мощную встряску, побудившую мировое сообщество пересмотреть саму парадигму международных отношений. А в новой парадигме Центральная Азия, бывшая до недавнего времени периферией мировой политики, будет играть одну из стратегически важных ролей в мире.

Интерес к Центральной Азии и проблемам этого региона со стороны ведущих государств и мировых центров, а также ученых и политиков в последние десятилетия постепенно повышался в связи с появлением новых военных, экологических и других серьезных угроз безопасности стран региона, опасности эскалации здесь терроризма, наркобизнеса и религиозного экстремизма.

Сегодня роль Центральной Азии в международной политике все более возрастает благодаря ее важному геостратегическому положению, богатым природным, энергетическим и минерально-сырьевым ресурсам, значительному производственному и научно-техническому потенциалу.

Одновременно государства Центральной Азии заинтересованы в стратегических партнерах, которые рассматривают свою политику в отношении региона как долговременную и способны оказывать реальную поддержку в решении задач региональной безопасности и устойчивого развития.

На встречах и саммитах глав центральноазиатских государств, международных форумах неоднократно подчеркивалось, что регион может и должен стать зоной безопасности, стабильности и устойчивого развития и что достигнуть этого можно коллективными усилиями при всемерной поддержке со стороны мирового сообщества.

Данная книга представляет собой систематизированный анализ становления новых независимых государств Центральной Азии как полноправных участников мировой экономики и политики. В ней рассматриваются основные геоэкономические и геополитические факторы, влияющие на обеспечение безопасности стран региона.

В самом распространенном понимании «геополитика» трактуется как наука, изучающая влияние географических факторов на жизнь и эволюцию государств и формулирующая на этой основе выводы внешнеполитического характера. «Геоэкономика», как известно,

является наукой, которая исследует место определенного государства на экономической карте мира, роль и значение страны в международных экономических отношениях, географическую направленность в освоении рынка, динамизм индустриальной и финансовых систем.

Разумеется, в основе геополитических и геоэкономических устремлений любой страны находится стремление к обеспечению национальных интересов и безопасности государства. Важные методологические и практические положения, раскрывающие сущность региональной безопасности, содержатся в работе И.А. Каримова «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса».

Исследование проблем геоэкономики и геополитики через призму национально-государственных интересов и безопасности требует применения системного подхода, при котором каждый элемент, будь то геополитика, геоэкономика или безопасность, рассматривается, с одной стороны, как элемент более обширной и сложной системы, а с другой, — как самостоятельное звено, состоящее из ряда взаимосвязанных элементов.

С этих позиций раскрываются три основных взаимосвязанных блока вопросов, выбор которых и определил структуру настоящей книги. В первом блоке, наряду с анализом геостратегического положения Центральной Азии с ее усиливающейся ролью в современном мире, богатейшими возможностями и несовпадающими интересами мировых центров сил, дается оценка геоэкономической ситуации в регионе. В частности, охватывается спектр вопросов от реального процесса трансформации с позиции сохранения макроэкономической стабильности и устойчивого развития до изучения подходов и позиций стран Центральной Азии в системе межгосударственных отношений для совместного решения региональных проблем.

Второй блок включает анализ геополитических интересов ведущих мировых держав и баланса сил в

Центральной Азии. Особое внимание уделяется афганскому фактору в регионе. Производится системный анализ стратегических проблем — региональных, конфликтогенных, внутривосточных, страноведческих и транснациональных.

Третий блок вопросов затрагивает политику в области безопасности. Показаны внутренние и внешние угрозы региональной безопасности. Учитывая объективную необходимость интеграции государств Центральной Азии, выявляется механизм их взаимовыгодного сотрудничества, раскрываются проблемы объективного и субъективного характера, которые замедляют процесс сближения между странами.

В подготовке и написании отдельных разделов монографии приняли участие:

Алимов Р.М. — введение, §§ 4.1, 4.2, заключение; Арифханов Ш.Р. — введение, §§1.1, 1.4, 2.1 — 2.3, 4.3; Абдуллаев А.М. — §1.3.; Азизов С.Ш. — §3.2 (Япония); Йигиталиев Ш.М. — §1.2,3.3; Кадыров Р.К. — §3.3; Касымова Н.А. — §3.2 (США); Ньматов Г.Э. — §3.2 (страны ЕС); Рахимов А.А. — §1.4; Сабирджанов А.С. — §3.2 (Япония); Сатиболдиев Т.Б. — §2.4; Толипов Ф.Ф. — §3.1, 3.2 (США, Россия), 4.3, заключение; Уманский Я.С. — §3.2 (США); Хайдаров А.А. — §3.2 (Иран, Турция, Пакистан, Индия); Ходжаев А.Х. — §3.2 (Китай); Шарاپова С.Ш. — 3.2 (Россия).

Авторы не претендуют на полное и всестороннее освещение поставленных вопросов и с благодарностью примут замечания и предложения читателей по существу рассмотренных в книге проблем.

Авторский коллектив выражает свою признательность представительству Фонда им. Фридриха Эберта в странах Центральной Азии и Закавказья во главе с г-ном В. Шнайдер-Детерсом и Бюро представительства этого Фонда в Узбекистане во главе с г-жой Н. Резяповой за помощь, оказанную при издании настоящей книги.

ГЛАВА 1. ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА

1.1. Роль Центральной Азии в меняющемся мире

Центральная Азия представляет собой обширный регион с территорией около 4 млн. км² и населением в 55 млн. человек. Ее геополитическая роль обусловлена промежуточным положением между Хартлэндом и Римлэндом — ареалами перманентного геополитического противоборства мировых держав. С Запада естественная граница проходит по береговой линии Каспия, на востоке по горным системам Джунгарского Алатау Тянь-Шаня, на юге совпадает с Хорасанскими горами, а также реками Амударья, Пяндж и Амрек.

Страны Центральной Азии занимают важнейшее геополитическое и геоэкономическое положение, являясь мостом, соединяющим государства Азии и Европы. Столетия назад через этот регион проходили маршруты Великого шелкового пути из Европы в Китай и Индию, и в настоящее время странами региона и другими заинтересованными государствами мира предпринимаются усилия по восстановлению этих маршрутов — современным автомобильным и железнодорожным транспортом. Дело в том, что в последние годы все большее число стран проявляет повышенный интерес к сухопутному сообщению между Европой и странами Азии и идея создания нового Шелкового пути становится все более популярной.

Помимо указанных факторов, необходимо отметить географическую взаимосвязь Центральноазиатского региона с Афганистаном, с которым имеется общая граница протяженностью более 2000 км. Продолжавшийся свыше 20 лет кровопролитный конф-

ликт в этой стране, огромное количество неконтролируемого оружия и наличие баз вооруженных террористических групп, контрабандный транзит из Афганистана через Центральную Азию гигантских объемов наркотиков создавал и продолжает создавать серьезные угрозы безопасности и стабильности стран региона.

В перспективе роль Центральной Азии еще более возрастет, так как со строительством трансазиатской железнодорожной магистрали, развитием автомобильных дорог и открытием транспортных коммуникаций на территории Афганистана появляются новые возможности выхода через Иран и Пакистан к Персидскому заливу и Индийскому океану. Кроме того, более полное использование транспортного коридора ТРАСЕКА, связывающего в единую сеть национальные железнодорожные и автомобильные дороги пяти центральноазиатских и трех Закавказских государств с выходом в Европу, позволит поднять международное значение региональных транспортных путей, расширить их транзитные возможности, создать прочную основу для привлечения инвестиций и способствовать активизации торгово-экономических и культурных связей.

Геополитический интерес будет представлять решение вопроса относительно энергоресурсов Центральноазиатского и Каспийского регионов: каким путем, через территории каких государств пойдут трубопроводные маршруты доставки нефти и газа на мировой рынок. Все это может усилить стратегическое соперничество ведущих мировых держав, породить новые противоречия и создать проблемы с обеспечением стабильности и безопасности в регионе.

Необходимо учитывать, что Центральная Азия является одним из наиболее конфликтогенных регионов; потенциальные источники конфликтов находятся не только внутри, но и вне региона. Во-первых, он непосредственно граничит с нестабильным Афганистаном, Исламской Республикой Иран, находящейся в

условиях полублокады со стороны США, и имеющими мощный военный потенциал и, прежде всего, ядерные арсеналы, Россией и Китаем, а также находится вблизи конфликтующих между собой двух ядерных стран — Пакистана и Индии. Во-вторых, регион вовлечен в контртеррористические операции международной коалиции, предоставляя свои аэродромы и транспортные коммуникации США и их союзникам, активно участвует в гуманитарном и миротворческом процессе послевоенного обустройства Афганистана. В-третьих, является для наркокурьеров крупным транзитным путем для поставок наркотиков из Афганистана в Россию и Западную Европу. И, в-четвертых, в регионе сталкиваются геополитические интересы ведущих мировых держав и стран мусульманского мира. Происходит постепенное стратегическое проникновение в регион США, Китая, Ирана, а также Японии, стран Европейского союза (ЕС) и Индии. Баланс сил складывается под воздействием новой геополитической ситуации вокруг Афганистана, энергоресурсов Центральной Азии и Каспийской зоны, будущих маршрутов их транспортировки, а также ряда других факторов.

Стратегической задачей центральноазиатских государств является построение новых связей в системе международных отношений с различными государствами с учетом, очевидно, приоритетности решения задачи обеспечения их национальной и региональной безопасности. В числе таких государств США и Россия, Китай и Япония, Иран и Турция, Пакистан и Индия, а также Саудовская Аравия, Южная Корея и страны ЕС.

После известных событий 11 сентября 2001 г. усилился интерес Запада к центральноазиатскому региону. Военно-политическое присутствие США в регионе стало фактом. Центральная Азия стала активным участником меняющегося мирового и регионального порядка. Так, например, о стратегии США в

регионе можно судить и из высказывания, прозвучавшего в конце 2001 года в заявлении помощника госсекретаря США Элизабет Джонс на слушаниях в подкомитете по Центральной Азии и Кавказу Комитета по международным отношениям Сената США: «Когда афганский конфликт завершится, мы не уйдем из Центральной Азии: мы хотим поддержать центральноазиатские страны в их стремлении реформировать экономику и общество так же, как они поддержали нас в войне с терроризмом. Это — долговременные отношения»¹.

Важная роль отводится странами Центральной Азии полноправному участию в различных международных организациях — ООН, ОБСЕ, МВФ, Мировой банк и др. Все пять государств Центральной Азии являются членами Организации Экономического Сотрудничества, созданной Ираном, Пакистаном и Турцией. Особо следует отметить присоединение к программе НАТО «Партнерство ради мира» и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом.

Страны Центральной Азии являются членами Содружества Независимых Государств. СНГ, образовавшись на постсоветском пространстве, стало элементом меняющегося миропорядка. Собственно, его образование и стало началом фундаментальной геополитической трансформации 1/6 части суши планеты, включающей регион Центральной Азии. В государствах СНГ происходят сложные процессы, связанные с национально-государственным строительством и интеграцией в мировую систему. В силу этого, сегодня это образование испытывает объективные трудности, не позволяющие с полной уверенностью утверждать о той или иной его перспективе.

Сейчас внутри СНГ явно вырисовываются две системы или «блока», как это пытаются представить некоторые аналитики: ЕвразЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) и ГУУАМ

(Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова). Однако, как представляется, не следует их противопоставлять друг к другу. На саммите Содружества в Сочи (в августе 2001 года) Президент России В. Путин подчеркнул, что существующие региональные структуры смогут стать «лабораторией обкатки вариантов в рамках взаимодействия всего СНГ»².

Одним из возможных инструментов решения актуальных проблем регионального развития является подписанная 15 июня 2001 г. высшими руководителями Китая, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества» (ШОС). На саммите в Санкт-Петербурге 7 июня 2002 г. главами этих государств были подписаны Хартия, а также Соглашение о создании региональной антитеррористической структуры стран-членов Шанхайской организации сотрудничества.

Значение и роль Центральной Азии в меняющемся мире в решающей степени будет зависеть от характера взаимоотношений между ее странами, степени развития региональных интеграционных процессов. В этой связи преобразование ЦАЭС в организацию Центральноазиатского сотрудничества (ЦАС) в декабре 2001 года символизирует новый этап в эволюции этого регионального объединения. ЦАС должен стать новой формой коллективного поиска не только экономических, но и геополитических решений, которые бы отвечали интересам всех государств центральноазиатского сотрудничества.

Большое значение отводится собственным инициативам государств региона. К ним в первую очередь следует отнести инициативы — о создании в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, возрождении Великого шелкового пути, решении Аральской экологической проблемы, созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, а также проведение саммитов, международных конференций

под эгидой ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС, Давосского Всемирного экономического форума по проблемам региональной безопасности, нормализации обстановки в Афганистане, борьбы с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, наркобизнесом, нелегальной миграцией и бедностью.

1.2. Природные богатства и стратегическое значение Каспийской зоны

Центральноазиатский регион богат полезными ископаемыми, среди них золото, медь, уран, уголь, нефть, газ и др. Богатейшие запасы минеральных ресурсов, в первую очередь, углеводородного сырья, драгоценных и цветных металлов, а также производство хлопка-волокна, каракуля, шерсти, шелка, ковровых изделий, зерна и уникальных по своим вкусовым качествам овощей и фруктов — вызывают большой интерес к региону крупнейших международных инвесторов, фирм и компаний.

К примеру, разведанные запасы природного газа Туркменистана оцениваются от 13 до 20 трлн. куб. метров. В 2001 году в Казахстане добыто 40 млн. тонн нефти, к 2004 году ожидается добыча в объеме 55 млн. тонн. Узбекистан занимает по производству золота 7-е место в мире, а по его запасам 4-ое. Месторождение золота Мурунтау в Кызылкумах является крупнейшим в мире. Очень крупными гидроэнергетическими ресурсами обладают Таджикистан и Кыргызстан.

По запасам и производству углеводородного сырья регион занимает одно из ведущих мест в мире, причем основные запасы углеводородного сырья Центральной Азии находятся в Прикаспии. Запасы углеводородов в Каспийской зоне оцениваются различными экспертами по разному, но все они сходятся во мнении, что в XXI веке этот регион может стать крупнейшим поставщиком нефти и газа на мировой

рынок. Первоначально объем запасов нефти в Каспийском море оценивался около 20 млрд. баррелей, что было сопоставимо с запасами нефти в Персидском заливе. По некоторым данным доказанные углеводородные ресурсы Каспийской зоны оцениваются около 7,8 млрд. баррелей, и к 2010 году здесь будет добываться 3,8 млн. баррелей нефти в день, что составляет примерно 60 процентов сегодняшней добычи в постепенно истощающемся Северном море.

Каспийский регион становится средоточием соперничающих торгово-экономических, предпринимательских, военно-политических устремлений, за каждым из которых стоит цель установить и укрепить свой контроль над месторождениями и коммуникациями. В результате этого наблюдаются тенденции, влияющие на безопасность региона. Они определяются спецификой самого региона, потенциалом его конфликтности и просматриваются в поведении ведущих игроков каспийской политики, в которой активно участвуют не только прикаспийские страны.

Отсутствие единогласия между прикаспийскими государствами по юридическому статусу Каспийского моря приводит к хаосу в использовании ресурсов. Некоторые из них в одностороннем порядке заключают с нефтяными компаниями договоры и начинают разработку месторождений или же заключают двусторонние соглашения и приступают к разделу акватории моря. А другие не признают эти договоры и выражают, и не всегда мирным путем, свой протест.

Разногласия по разделу моря сказываются не только на эксплуатации природных ресурсов, которыми богато морское дно, но и на прохождении стратегически важных коммуникационных путей по разным частям этого пространства. Возможно, что разрешение этой проблемы придется ждать еще долго, так как существующее положение не в равной степени удовлетворяет интересы всех прикаспийских стран. Этим можно объяснить

саммита прикаспийских стран по определению статуса моря (Ашхабад, 23—24 апреля 2002 г.). Например, на сегодняшний день разработка каспийской нефти не является жизненно необходимой для России и Ирана. Эти страны обеспечены источниками и путями транспортировки энергоресурсов. Более того, странам-экспортерам, включая и члена ОПЕК Иран, и независимого поставщика Россию, ради поддержания выгодной ценовой конъюнктуры приходится ограничивать добычу.

Положение, связанное с неопределенностью общего статуса Каспия, дает относительные преимущества некоторым частям моря, которые находятся вне спора. Например, нарастающая напряженность на юге Каспия делает его север более привлекательным для инвестиций и проходов транспортных коммуникаций. В этой части моря Россия достигла взаимопонимания с Азербайджаном и Казахстаном на двусторонней основе, благодаря чему уже начатые крупные проекты не будут затронуты. Россия и Казахстан договорились совместно разрабатывать три месторождения нефти на Каспийском море («Курменгаз», «Центральное» и «Хвалынское»). Таким образом, сохраняются наряду с объективными, также и субъективные барьеры в решении проблемы общего статуса Каспия.

Помимо разногласий в делимитационном процессе, на Каспийском море наблюдается тенденция милитаризации, которая также может осложнить обстановку, разрушая атмосферу взаимопонимания. Все страны региона сегодня наращивают здесь свои военные группировки. Россия за последние пять лет пополнила соединения Каспийской флотилии новыми кораблями, самолетами-амфибиями, вертолетами, доукомплектовала бригаду морских катеров, достроила в Каспийске военный аэродром и разместила там бригаду морской пехоты. Она планирует потратить в ближайшие годы на вооружение флотилии более 300

млн. долл. США. Казахстан также активно усиливает военное присутствие в северной зоне моря. Военные морские формирования Республики Казахстан здесь сегодня включают 3 тыс. военнослужащих, вооружение — 10 катеров береговой охраны и три вертолета. В г. Актау открыто Высшее военно-морское училище. Астана договаривается с Вашингтоном об оказании помощи в развитии своей военной инфраструктуры в Прикаспийском регионе. Для строительства военного городка в Атырау и размещения в нем новой мотострелковой бригады США выделяют 5 млн. долл.

Сейчас самые боеспособные военно-морские силы в Каспийском регионе после России имеет Иран. Военное ведомство Ирана планирует создание на Каспии оперативно-тактического объединения — эскадры. Укрепляет свои вооруженные силы и Азербайджан. До 1992 г. в Баку размещался штаб Каспийской флотилии СССР. В результате ее раздела Азербайджан получил около 25% надводных кораблей и значительную часть инфраструктуры. В военном строительстве Баку также намерены помогать США³ и Великобритания, чьи монополии ведут сейчас разработку нефтяных месторождений. Туркменистан также закупил 20 быстроходных судов на Украине. Половину этой партии составили корабли, снаряженные крупнокалиберными пулеметами.

В указанном выше контексте перед прикаспийскими странами стоит задача не попасть в ловушку «дилеммы безопасности». Очевидно одно — необходимо найти механизмы обеспечения безопасности Каспийского региона и усиления мер взаимопонимания между всеми государствами.

Особенности геостратегического положения привлекают усиленное внимание крупнейших государств, мировых центров сил к этому региону. Будучи сбалансированными, их интересы и позиции могут быть

факторами, способствующими укреплению стабильности и безопасности в регионе.

1.3. Инвестиционный климат в регионе

Развитие экономики центральноазиатских стран и укрепление их позиций на мировом рынке требует интенсивного развития приоритетных отраслей экономики, использования для этого крупных капитальных вложений в реконструкцию и техническое перевооружение действующих, а также в строительство новых предприятий. Государства держат курс на всемерное привлечение иностранного капитала, создание для этого благоприятного инвестиционного климата. Это чрезвычайно важно в условиях, когда во всем мире идет серьезная конкурентная борьба за иностранные инвестиции. Принимаются законы, стимулирующие приток иностранных инвестиций. Основными задачами законодательства в этой сфере являются формирование комплекса мер по гарантиям и защите прав иностранных инвесторов. Немаловажную роль в привлечении иностранного капитала играет инвестиционный потенциал региона, который включает в себя следующие параметры: минерально-сырьевой (объемы добычи основных видов природных ресурсов), трудовой (трудовые ресурсы и их образовательный уровень), производственный (совокупный результат хозяйственной деятельности), потребительский (совокупная покупательная способность населения), финансовый (прибыльность предприятий и доходы населения), инфраструктурный (экономико-географическое положение региона и инфраструктурная обустроенность его территории), институциональный (наличие основных институтов рыночной экономики), инновационный (уровень развития науки и внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе).

Учитывая необходимость привлечения в экономи-

ку стран региона крупномасштабных инвестиционных ресурсов, рационального и эффективного их использования, создаются уполномоченные органы по инвестициям, которые стимулируют и координируют приток иностранного капитала.

Страны Центральной Азии стремятся привлекать, в первую очередь, прямые иностранные инвестиции (ПИИ). ПИИ при разумном их использовании способствуют диверсификации экспорта, созданию дополнительных рабочих мест в стране и по сравнению с иностранными кредитами не увеличивают задолженности страны, тем самым уменьшают отток валюты за рубеж. Основными инвесторами ПИИ являются транснациональные корпорации (ТНК). Именно они определяют основные пути инвестиционных потоков. ТНК прочно заняли центральное место в процессе интернационализации мировой экономики.

На начальном этапе перехода к рыночной экономике высокие инвестиционные риски переходных экономик ограничивают приток иностранного капитала. Однако постепенное снижение уровня рисков на фоне достижения макроэкономической стабильности и реального становления суверенитета в большинстве стран Центральной Азии привело к тому, что во второй половине 90-х годов наметился значительный рост объемов прямых иностранных инвестиций.

За 1994—2000 годы долгосрочные поступления иностранного капитала в Центральную Азию составили более 10 млрд. долларов (таблица 1). Казахстан аккумулировал 77,6% всех потоков ПИИ в регион, Туркменистан и Узбекистан привлекли соответственно 7,2% и 9,2%, Кыргызстан — 4,3%, а Таджикистан — 1,7%.

По оценке журнала *Euromoney*, в сентябре 2000 года по уровню инвестиционной привлекательности Казахстан занимал 81-е место в мире, Россия оказалась на 95-м, Кыргызстан на 106-м, Узбекистан на

Т а б л и ц а 1

Прямые иностранные инвестиции в Центральной Азии в 1994—2000 гг.
(млн. долларов США)

Страна	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	1994-2000
Казахстан	635,0	964,0	1137,0	1320,0	1143,0	1584,0	1335,0	8118,0
Кыргызстан	38,2	96,1	46,8	96,0	101,8	36,0	39,0	453,9
Таджикистан	12,0	20,0	25,0	30,0	24,0	29,0	38,0	178,0
Туркменистан	103,0	233,0	108,0	10,0	62,0	125,0	100,0	741,0
Узбекистан	73,0	-24,0	90,0	167,0	226,0	201,0	231,0	964,0
Центральная Азия	861,2	1289,1	1406,8	1623,0	1556,8	1975,0	1743,0	10454,9

Данные Европейского банка реконструкции и развития (см.: European Bank for Reconstruction and Development. Transition Report Update. London, 2000).

110-м, Туркменистан на 125-м месте. Казахстан занял первое место среди стран СНГ и третье — среди стран Восточной Европы и Балтии (после Польши и Венгрии) по объемам привлекаемых иностранных инвестиций. В последние годы инвестиционная политика Казахстана ориентирована на добывающую промышленность и, в первую очередь, нефтяную и тяжелую промышленность. В Казахстане на сегодняшний день работают ряд транснациональных корпораций. Среди них Chevron (США), British Petroleum (Великобритания), Placer Dome (Канада), Phillip Morris (США) и др.

Для Туркменистана более характерным является сосредоточение инвестиционного потенциала в топливно-энергетическую отрасль и развитие транспортно-коммуникационных путей. В его топливно-энергетическом комплексе работают такие компании, как Dragon Oil (ОАЭ), Итера (Россия) и др.

Одним из крупных совместных предприятий в Кыргызстане с участием иностранного капитала является

«Самесо» (Канада) по добыче золота. «Норокс Майнинг» является британской горнодобывающей компанией, которая уже вложила 7 млн. долларов США в развитие проекта «Джеруй», второе после Кумтора золоторудное месторождение, и выполнила ряд детальных геологических, инженерных и экономических исследований на уровне технико-экономического обоснования.

В Таджикистане также реализуется проект с участием канадских инвестиций «Gulf International Minerals Ltd» по добыче золота. Учитывая, что республика имеет большой энергетический потенциал, намечается ряд крупных иностранных капиталовложений в энергетическую промышленность страны. В частности, предусматривается завершение строительства ГЭС «Памир», восстановление Хорогской, Ванчской и Намангутской ГЭС, а также ремонтные работы на ряде сооружений энергокомплекса.

Реализуется ряд крупных инвестиционных проектов и в Узбекистане, таких как «УзДЭУавто» (Южная Корея) по производству легковых автомобилей, «СамКочАвто» (Турция) по производству малолитражных автобусов и грузовиков, «Марубени» (Япония) по производству текстильной продукции, «УзБАТ» (Великобритания) по производству табачных изделий, «Зарафшан-Ньюмонт» (США) по добыче золота и другие.

Международные финансовые организации также осуществляют финансирование в центральноазиатские страны. Например, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) сотрудничает с Кыргызстаном с 1992 года. За это время он утвердил 17 инвестиционных проектов на общую сумму 172 млн. евро, общий объем кредитного портфеля составляет около 700 млн. евро. Банк инвестирует малое и среднее предпринимательство, горнорудную промышленность, сельское хозяйство, сферу коммуникаций. Он готов инвестировать проект по золоторудному

месторождению «Джеруй», ТЭО которого уже на стадии завершения.

О сотрудничестве Узбекистана и ЕБРР следует отметить, что только в 2001 году банк вложил в экономику страны более 600 млн. евро. При участии банка в Узбекистане создано около 60 тысяч новых рабочих мест⁴. ЕБРР также активно участвует во многих программах по оказанию помощи различным отраслям экономики Узбекистана, в частности, сельскому хозяйству, легкой промышленности, организациям, действующим в горно-металлургической отрасли, создании совместных предприятий, развитии малого и среднего бизнеса.

Вместе с тем, критически оценивая сделанное, следует признать, что в страны региона за период независимости привлечено сравнительно незначительное количество иностранного капитала, хотя правительства стран делают все, чтобы создать более благоприятный климат для иностранных инвесторов и снизить уровень рисков, препятствующих притокам иностранного капитала.

Дело в том, что иностранному инвестору важны не столько льготные условия налогообложения, а их стабильное, предсказуемое и экономически эффективное и для государств, и для инвестора состояние. Кроме того, есть особый интерес к Центральноазиатскому региону как рынку сбыта.

В результате опроса заинтересованных иностранных инвесторов были выявлены основные преграды на пути притока иностранных инвестиций в странах Центральной Азии. В частности, в Казахстане отмечены: бюрократия; финансовый риск; налоговый и финансовый режим Казахстана; правовая инфраструктура и темпы перемен в сфере права.

Тем не менее, Казахстан стремится создать более благоприятный социальный, финансово-экономический, правовой режим для деятельности иностранных инвесторов и соответствующий их интересам инвестици-

онный климат, решать одновременно свои проблемы и достигать поставленных целей. В Казахстане вопросы совершенствования инвестиционного климата обсуждаются на заседаниях Совета иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан.

Международные эксперты отмечают, что для успешного привлечения прямых иностранных инвестиций в Кыргызстан препятствуют бюрократия, коррупция, контрабанда, отсутствие правовой стабильности и недостаточный уровень безопасности в стране и регионе. Тем не менее, многие эксперты в целом высоко оценивают существующую систему по привлечению иностранных инвестиций в республику.

Из года в год зарубежные эксперты отмечают, что способности Узбекистана привлечь дополнительные иностранные инвестиции будут сильно ограничены, если не будут решаться следующие наиболее важные проблемы на пути их привлечения: ограничение в конвертации национальной валюты; регистрации импортных контрактов; ограничение доступа к средствам в счетах местных банков; обязательная продажа части валютной выручки; бюрократия.

В связи с этим Правительство Узбекистана подписало с МВФ Меморандум по вопросам экономической и финансовой политики на период с 1 января по 30 июля 2002 г. По этому документу правительство взяло на себя обязательства по децентрализации экономики. Была принята программа мониторинга, которая предусматривает либерализацию доступа к иностранной валюте по счетам текущих операций и унификацию обменных курсов. Либерализация валютной системы будет гарантировать дальнейший приток инвестиций в Узбекистан.

Для стимулирования притока иностранных инвестиций и эффективного их использования необходимо усовершенствовать механизм и систему страхования рисков, обеспечивать иностранных инвесторов своевременной и качественной информацией. Одной из глав-

ных задач остается совершенствование инвестиционной политики, которая должна быть более гибкой, прагматичной и соответствующей внутренним и внешним экономическим реалиям стран Центральноазиатского региона.

1.4. Транспортные коммуникации

С момента провозглашения независимости во всех странах Центральной Азии возникла потребность пересмотреть многие подходы к развитию транспортной системы. Имеющиеся транспортные пути шли, в основном, на север через Россию и для укрепления своей политической и экономической независимости, странам региона необходимо было создавать новые, альтернативные маршруты.

Для стран Центральной Азии в общих чертах одинаково актуальными и, вместе с тем, соперничающими оказались четыре географических направления развития транспортной системы:

- Россия, страны Европы и Балтии;
- Китай; Япония и страны ЮВА;
- республики Закавказья, Иран, Турция;
- Афганистан и Пакистан.

На трех из этих направлений уже существуют транспортные коридоры, включающие комплекс наземных и водных магистралей. Они имеют современное техническое оснащение и предназначены для концентрации в них международных транзитных перевозок. Кроме того, они открывают самим странам Центральной Азии пути для экспорта и импорта товаров и услуг.

Как отмечалось выше, Европейский союз разработал в рамках программы ТАСИС проект ТРАСЕКА (Транспортный коридор Европа—Кавказ—Азия), призванный соединить Европу и Центральноазиатский регион транспортно-коммуникационным коридором, воз-

рождая тем самым один из маршрутов Великого шелкового пути.

В Бакинском соглашении от 8 сентября 1998 года речь шла прежде всего о расширении транзитных грузоперевозок, осуществляемых по транспортному коридору «Европа—Кавказ—Центральная Азия» (ЕКЦА) через территорию Азербайджана. Тем не менее, пока существуют определенные трудности в выработке общей политики по вопросам транспортных коммуникаций и этот проект пока не может достаточно эффективно конкурировать с другими имеющимися коридорами. Почти 95% грузов, перевозимых в рамках ТРАСЕКА, приходится на осуществляемые по внешнеторговым операциям грузопотоки самих республик, участниц этого проекта. Например, в 1999 году объемы транзитных железнодорожных перевозок по маршруту ЕКЦА, составили в Азербайджане лишь 0,68 млн. т., или 5% от общего объема в 13,55 млн. т. Коридор, заявленный как «новая транспортная артерия, соединяющая Восток и Запад», пока таковым не стал⁵.

В целом, развитие ЕКЦА во многом зависит от дальнейшего развития и характера геополитической ситуации в регионе, позиции каждого государства, через территорию которой проходит данный коридор.

Ярким примером сотрудничества стран региона в области транспортных коммуникаций является открытие в мае 1996 г. железнодорожной ветки Мешхед—Серахс—Теджен (из Туркменистана в Иран). Был сделан крупный шаг к интеграции транспортной инфраструктуры, созданию единой цепи железных дорог Китая, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана и Турции. Тем самым, страны региона получили возможность почти на треть сократить сроки доставки грузов от тихоокеанского побережья Китая до Стамбула по сравнению с морским путем через Персидский залив и Суэцкий канал.

В развитии межгосударственных отношений большой резонанс вызвала договоренность Узбекистана, Кыргызстана и Китая о строительстве автомобильной, а затем и железнодорожной магистралей по линии Андижан—Ош—Торугарт—Кашгар. С вводом в строй этой дороги центральноазиатские страны получают кратчайший выход через Китай к странам Азиатско-тихоокеанского региона и через Каракорумское шоссе в Пакистан, Индию и к Индийскому океану. В свою очередь, Китай получит кратчайший выход ко многим странам Европейского континента.

Другим, не менее важным по значимости, маршрутом, который также проходит через регион, является коридор Север—Юг. Он пролегает по маршруту Россия—Казахстан—Туркменистан—Иран, далее по Аравийскому морю в Индию.

Восстановление стабильного мира в Афганистане может привести к воссозданию великих торговых маршрутов Центральной Азии. Снова возобновится наземная торговля из Индии в Иран и Ближний Восток, а также в Европу. Китай и Индия смогут расширить свою торговлю, так же как и новые государства Центральной Азии и весь Индийский субконтинент. Кроме того, отдаленные регионы Сибири будут иметь доступ к порту Карачи, а российско-пакистанская и российско-индийская торговля получит импульс для дальнейшего развития.

Характеризуя транспортную инфраструктуру каждой страны региона, отметим, что в последние годы его развитие идет чрезвычайно быстро, причем сразу по многим направлениям.

Узбекистан в начале 90-х годов имел четыре основных («традиционных») маршрута транспортировки экспортно-импортных грузов: порты Прибалтики (Рига, Вентспилс, Лиепая, Таллин, Клайпеда, Санкт-Петербург), Черного моря (Одесса, Ильичевск), Тихого океана (Находка, Владивосток), пограничные переходы Чоп и Брест. После обретения независи-

мости освоены и активно используются новые («альтернативные») маршруты перевозки грузов: порты Грузии (Поти, Батуми), Ирана (Бендер-Аббас), Объединенных Арабских Эмиратов (Джебель Али), Китая (Ляньюньган).

В этом ключе, помимо существующих северных маршрутов, рассматриваются четыре основных перспективных альтернативных направления:

а) Международный транспортный коридор ТРАСЕКА.

Одной из самых реальных возможностей выхода Узбекистана к морским портам является развитие маршрута Ташкент—Чарджоу—Туркменбаши—Баку—Поти (Батуми). Этот маршрут представляет собой действующую магистраль, проходящую через Туркменбаши паромом к порту Баку в Азербайджане и далее по железной дороге к грузинским портам Поти или Батуми.

Транспортно-коммуникационный коридор ТРАСЕКА, как известно, возрождает один из маршрутов Великого шелкового пути. В 1998 году в Баку прошла международная конференция, посвященная проблемам возрождения исторического Великого шелкового пути (проект «ТРАСЕКА»). По итогам конференции было подписано Соглашение о развитии транзитного коридора «Европа—Кавказ—Центральная Азия», подписи под которым поставили президенты Азербайджана, Болгарии, Грузии, Кыргызстана, Молдовы, Румынии, Узбекистана, Украины и Турции. Участники Бакинской конференции оценивали ее как историческое событие, способное дать мощный импульс для формирования на евроазиатском пространстве новых экономических центров.

б) Маршрут Узбекистан—Туркменистан—Иран—Турция.

С пуском в эксплуатацию этого коридора в значительной степени сократилось расстояние от китайских портов в Желтом море до Стамбула. Если по

Транссибирской железной дороге это расстояние составляет около 14000 км, то теперь через Центральноазиатский регион — 9500 км. Существенное сокращение протяженности маршрута, соответственно, определяет значительное уменьшение стоимости и сроков доставки грузов. Для Республики Узбекистан особо важен участок Ташкент—Чарджоу—Теджен—Мешхед— Бендер-Аббас протяженностью 4122 км.

Хотя эксплуатация этого железнодорожного коридора для Республики Узбекистан является экономически выгодным, однако, в силу многих причин политического и организационного характера, она сдерживается, прежде всего, из-за недостаточно разработанной договорно-правовой базы, расширение которой позволило бы более активно участвовать республике в эксплуатации этой магистрали.

в) Маршрут Узбекистан—Казахстан—Китай.

Это направление—одно из наиболее реальных альтернативных маршрутов, по которому осуществляется железнодорожное сообщение по линии Ташкент—Алматы—Талдыкурган—Дружба—Алашанькоу—Урумчи и далее к китайским портам Ляньюньган, Циндао и Шанхай. С завершением строительства железнодорожной линии Теджен—Серахс—Мешхед эта линия получила статус Евразийской и рассматривается в качестве дополнения к Транссибирской, связывая Китай и Европу через центральноазиатские страны. Китай, считая эту дорогу частью евроазиатского наземного моста, придает огромное значение его развитию. Следует отметить доминирующее положение железнодорожного транспорта, обусловленное большими расстояниями, неадекватностью автодорожной инфраструктуры в восточном коридоре до портов Китая.

г) Трансафганские маршруты.

В ходе постепенного налаживания мира и стабильности на афганской территории, вновь актуальным стало налаживание движения через территорию Афганистана. Для Узбекистана особый интерес пред-

ставляют маршруты через территории Афганистана и Пакистана к портам Индийского океана. Этот транспортный коридор, будучи реализованным, станет наиболее коротким и является перспективной альтернативой. Строительство магистрали по маршруту Термез—Мазари-Шариф—Шиберган—Герат—Кандагар—Кветта—Карачи (в перспективе предполагается использовать и порт Гвадар) позволило бы радикально изменить геополитическую ситуацию в регионе, придав республике роль центрального звена в осуществлении трансасиатских транспортно-экономических связей, сокращая расстояние грузоперевозок в 1,5—2,0 раза и повышая эффективность различных форм сотрудничества со странами Востока и Запада. Кроме этого, для Узбекистана представляет интерес маршрут через Афганистан в Иран. Проект этого маршрута обсуждался на встрече президентов Ирана и Узбекистана, прошедшей в апреле 2002 года в Ташкенте. Речь шла о дороге, ведущей из Термеза через афганские города Мазари-Шариф и Герат в иранские порты Бендер-Аббас и Чахбехар.

В стратегическом плане реализация любого из перспективных направлений развития транспортно-коммуникационной системы Узбекистана непосредственно затрагивает экономические и политические интересы таких стран как Россия, США, Китай, Иран и др. В этой связи существует угроза, что региональные проблемы безопасности станут инструментом политического воздействия со стороны отдельных стран, стремящихся продвинуть свои интересы или изменить геостратегический баланс в свою пользу. Таким образом, стратегия развития транспортных коммуникаций республики должна разрабатываться с учетом позиций этих стран и на основе баланса их интересов.

Трубопроводы.

Отличительной особенностью газотранспортной системы Узбекистана является то, что она имеет межгосударственное значение. Соседние государства —

Казахстан (юг), Кыргызстан, Таджикистан — снабжаются узбекским газом. Кроме того, Туркменистан использует газотранспортную систему Узбекистана для транзита своего газа на экспорт. В 1997 году введен в эксплуатацию газопровод Газли—Нукус протяженностью 350 км. Этот газопровод обеспечивает надежное газоснабжение потребителей Хорезмской области и Каракалпакстана, а также экспорт узбекского газа. В 1998 году завершено строительство газопровода Пахтакор—Янгиер—Ташкент протяженностью 300 км. Он обеспечивает надежное газоснабжение потребителей Ташкентского региона и Ферганской долины.

По предложению Президента В. Путина в последнее время ведутся переговоры по созданию Евразийского альянса производителей газа между Россией, Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном. Обладая возможностями транзита туркменского газа с юга на север и российского в обратном направлении, и сам же являясь его крупным производителем, Узбекистан в случае создания Евразийского газового альянса сможет расширить свои транзитные возможности.

Благодаря географическому расположению **Казахстана** в центре Евразийского континента, основные действующие и формируемые трансконтинентальные маршруты проходят по его территории. Это — традиционные маршруты, связывающие западные и восточные регионы России, Центральную Азию и Китай, а также формируемые новые: Трансазиатская железная дорога и ТРАСЕКА. Эти маршруты пересекают республику железнодорожными и автомобильными коридорами. В настоящее время казахстанская сторона разрабатывает проект «Восточный ветер» по созданию транспортного коридора Китай—Казахстан—Россия — порты балтийских стран. Существует также намерение по реализации межгосударственного проекта «Северный ветер» в целях создания транзит-

но-транспортного коридора Балтия—Россия—Казахстан—Китай—Юго-Восточная Азия.

Другим важнейшим коридором, пересекающим Казахстан, является Север—Юг, транзитный путь которого пролегает через Бомбей (Индия)—Бендер-Аббас (Иран)—Энзели (Иран)—Каспийское море—Астрахань (Россия). В отличие от широтного транспортного коридора, пересекающего густонаселенные районы Казахстана, меридиональный коридор проходит по его западной окраине, которая только осваивается в хозяйственном отношении, причем добывающая промышленность является здесь ведущей. Рост грузопотоков по этому направлению может послужить стимулятором хозяйственного развития западной части Казахстана. Немалый потенциал для хозяйственного освоения этого района может сформироваться при реализации проекта строительства нефтепровода через Туркменистан в Иран и нефтепровода и газопровода через Афганистан в Пакистан.

Самый яркий результат сотрудничества в области транспортного строительства—достроенная и используемая железная дорога от китайского порта Ляньюньган до Центральной Азии, проходящая через территорию Казахстана, которая является важнейшим звеном Евразийского транспортного коридора⁶.

Трубопроводы

Важным экспортным товаром для Казахстана является нефть, а преобладающим видом транспорта для нее являются нефтепроводы, проходящие по территории России. Вступил в действие нефтепровод Тенгиз (Казахстан)—Новороссийск (Россия), именуемый также Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК), общая протяженность которой составляет—1580 км. На его строительство было затрачено 2,6 млрд. долл. США.

Кроме того, разрабатывается ряд перспективных альтернативных маршрутов транспортировки казах-

ской нефти. К ним можно отнести следующие нефтепроводные маршруты:

Казахстан—Туркменистан—Иран. На встрече глав государств Ирана и Казахстана, состоявшейся в апреле 2002 года, президенты подтвердили экономическую целесообразность данного проекта;

Казахстан—Азербайджан—Турция. В ближайшие годы планируется присоединить транспортировку казахской нефти через Каспийское море к нефтепроводу Баку—Джейхан. Этот проект активно лоббируется США, так как минует территории Ирана и России и в дальнейшем может составить конкуренцию КТК;

Казахстан—Китай. По мнению специалистов, строительство нефтепровода из Западного Казахстана в КНР, протяженностью 2,9 тыс. км обойдется в 3-3,5 млрд. долл. США. При этом минимальная пропускная способность трубы должна составить первоначально 20 млн. тонн нефти в год. Если объем перекачки нефти по этому нефтепроводу окажется меньше, то проект теряет свою экономическую привлекательность;

Казахстан—Туркменистан—Афганистан—Пакистан. В настоящее время строительство этого нефтепровода к Аравийскому морю пока маловероятно.

Таким образом, есть убедительные свидетельства того, что транспортный комплекс Казахстана уже оказался востребованным в ходе экономического подъема страны и роста перевозок и может стать важным инструментом интеграции Казахстана в мировую экономику в качестве поставщика транзитных услуг для перевозчиков грузов между Европой и Азией.

Туркменистан имеет соглашения о сотрудничестве в области транспорта с более чем десятью странами мира. Это создает благоприятные условия для эффективной работы транзитных транспортных коридоров Север—Юг, ТРАСЕКА, из Европы в страны Тихоокеанского региона, трансасиатской магистрали

Пекин—Стамбул и ряда других маршрутов, проходящих через Туркменистан.

Совершенствование транспортных артерий и системы телекоммуникаций в Туркменистане стало одной из приоритетных задач по реформированию экономики, определенной государственной программой «10 лет стабильности». Стратегия первоочередных капиталовложений предусматривает строительство объектов, способствующих дальнейшему развитию воздушного, железнодорожного и автомобильного транспорта, телекоммуникаций.

За счет кредита Европейского банка реконструкции и развития и безвозмездной помощи Европейского Союза осуществляется реконструкция порта в Туркменбаши. Порт будет в скором времени способен ремонтировать и морские суда грузоподъемностью свыше 5 тысяч тонн. Для этих целей ЕС готово оказать содействие туркменской стороне в приобретении нового дока.

Завершено строительство очередного отрезка 585-километровой автомагистрали из Ашхабада к Каспийскому побережью. Как и планировалось, она отвечает параметрам первой технической категории, т.е. является шестирядным автобаном с проезжей частью по 12,25 метра с каждой стороны и 5-метровой разделительной полосой. На улучшение сети автомобильных дорог в середине 90-х годов был направлен другой кредит Европейского банка, за счет которого началась реконструкция автодороги Ашхабад—Мары. В настоящее время финансирование проекта осуществляется кувейтской компанией «Мушриф».

Строится мост через Амударью, который станет важным звеном крупнейшего в Центральной Азии транспортного коридора. Это масштабное инженерное сооружение, в соответствии с контрактом, возводится украинскими специалистами в счет оплаты за туркменский газ.

Другим приоритетным направлением развития транспортной системы является расширение и модернизация сети железных дорог. Введенная в эксплуатацию железнодорожная ветка Теджен—Серахс—Мешхед способствовала прямому выходу из Центральной Азии к Персидскому заливу. Завершена подготовка проекта электрификации железных дорог.

Политика Туркменистана по отношению к развитию собственной транспортной системы, кроме идеи привлечения дополнительных транзитных грузопотоков, преследует попытку избежать транспортной зависимости от соседних государств. Это подтверждает анализ транспортных проектов, которые в настоящее время разрабатываются и уже реализуются. Туркменской стороной ускоренными темпами проводится работа по разработке и строительству новых железнодорожных линий, в целях минимизации транзита через территорию Узбекистана. В первую очередь, это линия Туркменбаши—Эралиево (Казахстан), которая проходит на север вдоль восточного побережья Каспийского моря к Казахстану. Линия Чарджоу—Керки—Керкичи также построена с целью избежания транзита через Узбекистан при осуществлении сообщения между южными и центральными регионами Туркменистана. Планируется проложить железную дорогу от Туркменбаши до Ташауза, что даст возможность закольцевать туркменскую железнодорожную сеть.

Трубопроводы

Строительство международных трубопроводов является главной задачей долгосрочной стратегии Туркменистана, так как он располагает крупнейшими запасами природного газа в мире. К настоящему времени, помимо работающего не первый год «северного» трубопровода, проходящего по территории Узбекистана, Казахстана и России, действует построенный в 1997 г. 200-километровый трубопровод в соседний Иран.

Туркменистан проявляет огромный интерес к раз-

работке Трансафганского трубопроводного маршрута, рассчитанного на поставку туркменского газа в Афганистан, Пакистан и Индию. Заинтересованность Ашхабада в реализации этого проекта объясняется еще и тем, что в настоящее время из открытых в Туркменистане 144 газовых месторождений добыча ведется только на 34. Добычу газа в стране к 2005 году предполагается довести до 100 млрд. кубометров, в том числе 75 млрд. из них пойдут на внешний рынок. Поэтому туркменским руководством разработаны масштабные проекты по выводу туркменского газа и нефти на мировые рынки.

Согласно проекту, общая протяженность газопровода от туркменского города Довлетабад до пакистанского города Мултан составит 1460 км, из них 764 км пройдут по относительно равнинной территории западного и южного Афганистана. Пропускная способность трубопровода может составить 15 млрд. кубометров в год с перспективой расширения до 20 млрд. На строительство требуется 2—2,5 млрд. долларов, а в случае продолжения трассы до Индии — еще 500 млн. долл. США.

Таджикистан имеет все возможности стать транспортным узлом, связующим страны Центральной Азии и всего СНГ с экономически мощным и стремительно развивающимся регионом мира — Юго-Восточной Азией. Строительство участка автодороги через Горный Бадахшан будет способствовать обретению транспортной и экономической независимости. Он берет начало с автодороги Мургаб—Тохтамиш—перевал Кизил—Работ и тянется до перевала Кульма. Высота этого одного из самых высокогорных перевалов мира достигает 4362 метра над уровнем моря.

Строительство Трансконтинентальной автомагистрали через Ташкент—Душанбе или Термез—Душанбе и далее — по территории Горного Бадахшана через перевал Кульма с выходом на Каракорумское шоссе дает Республике Таджикистан возможность, с одной

стороны, выйти на Китай и дальше — к Японии и странам Азиатско-тихоокеанского региона, с другой стороны — к Пакистану, Индии и обеспечивает выход к океану (порт Карачи)⁷.

С началом антитеррористической операции и падения режима талибов появились возможности для строительства новых коммуникаций с выходом на Афганистан и дальше в Пакистан. Помимо действующих коридоров в Таджикистане дополнительно идет строительство моста в Хороге через реку Пяндж в Афганистан. Строительство моста начато согласно трехстороннему соглашению между правительствами Таджикистана, Афганистана и Фонда Ага Хана. Это первый из пяти запланированных мостов через реку Пяндж на территорию Афганистана. Еще четыре моста намечено построить в Дарвазском, Ванчском и Ишкашимском районах Горно-Бадахшанской автономной области.

Железнодорожный транспорт также является для Таджикистана важным фактором развития экономики. Прокладка железной дороги по Хатлонской (ранее — Курган-Тюбинской) области, главной житнице республики, позволила возвести на ее территории целый ряд крупных промышленных предприятий, Вахшскую ГЭС, оросить сотни тысяч гектаров плодороднейших земель. Следующий шаг — дорога от Курган-Тюбе до Куляба. В настоящее время строительство этой железнодорожной линии протяженностью 132 км завершено. В ходе работ построены станции Дангара, Восе, Гулистон, железнодорожный вокзал в Кулябе, 14 мостов, 222 водопропускные трубы.

На юго-восточном направлении целесообразно строительство железной дороги из Таджикистана в Китай по маршруту Орджоникидзебад—Иркештам—Кашгар—Урумчи, которая обеспечит кратчайший путь из Центральной Азии в Китай и даст толчок промышленному развитию близлежащих районов этих стран.

Для Кыргызстана стратегическим маршрутом в

перспективе является коридор Узбекистан–Кыргызстан–Китай, который является важной веткой Трансевразийского пути, связывающего Европу с Азией. В последние годы Кыргызстан, преследуя свои транспортные интересы, активно продвигал северный вариант прокладки железной дороги через Торугарт, который предполагает большее транзитное пересечение через территорию Кыргызстана, нежели при южном варианте через Иркештам.

Стоимость проекта оценена экспертами в 1,1 млрд. долларов США. Железная дорога будет проходить на 165 км китайской, 265 км – кыргызской и приблизительно 17 км – узбекской территории. Самым трудным участком строительства дороги на кыргызском участке является туннель протяженностью 1,4 км. Предлагаемый маршрут должен сократить время доставки грузов в регион Центральной Азии и в обратном направлении в среднем на 15 дней⁸. По оценкам экспертов, железнодорожная магистраль позволит Китаю, Кыргызстану, Узбекистану, а также другим государствам Центральной Азии развить собственную инфраструктуру, интегрироваться в мировые коммуникации и выйти к международным портам и побережьям Тихого океана и Атлантики.

Безусловно, развитие альтернативных транспортных коммуникаций в отдельных странах региона позитивно скажется на всех государствах Центральной Азии, транспортная система которых связана между собой. Россия, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Пакистан, Индия, страны Восточной и Юго-Восточной Азии, а также США и европейские страны также в той или иной мере заинтересованы в успехе транспортных проектов стран Центральной Азии, которые смогут обеспечить потребности их экономик в трансконтинентальных перевозках в XXI веке.

Но также нужно отметить, что чрезмерная конкуренция стран Центральной Азии за транзитные потоки, развитие своей транспортной системы с целью

обхода территории того или иного государства региона, больше по политическим, нежели экономическим соображениям, может привести деструктивный элемент в реализацию транспортных проектов.

Создание единой региональной наземной и трубопроводной транспортной системы поможет преодолеть экономическую изоляцию всей Центральной Азии. Но для этого от стран региона потребуются определенные усилия, которые заключаются в более тесной интеграции, унификации тарифной системы и в совместном привлечении иностранных инвестиций.

ГЛАВА 2. ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

2.1. Процессы трансформации экономики в странах Центральной Азии

За более чем десятилетний период независимого развития центральноазиатские государства прошли трудный этап политических и экономических реформ. Каждая из них в отдельности — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан с учетом специфических условий выбрали свои ориентиры, приоритеты, подходы к реформированию экономики.

В начальный период своей независимости эти страны имели схожие стартовые условия, которые характеризовались разрывом хозяйственных связей, резким падением производства, высокой инфляцией. Кроме того, имелись общие региональные проблемы, в частности, в использовании водных и энергетических ресурсов, делимитации и демаркации границ, интеграции в мировые структуры, транспортные и информационные коммуникации, а также целый ряд экологических, социальных и гуманитарных проблем. К ним добавились проблемы обеспечения стабильности в обществе и безопасности государств.

Главной задачей на начальном этапе было достижение странами самодостаточности, продовольственной и энергетической независимости путем формирования и развития собственной базы добычи и углубленной переработки местного сырья, создания новых экспортноориентированных отраслей и производств.

При этом, многие проблемы, связанные с процессами рыночных преобразований и формированием новых отношений в регионе, вышли за рамки чисто внутрирегиональных и стали носить международный

характер. Страны региона особое внимание уделили опыту построения рыночной экономики в странах Америки, Европы и особенно Восточной и Юго-Восточной Азии — Японии, Китае, Южной Корее, Малайзии. Начала формироваться новая социально-экономическая политика, основывающаяся на многообразии форм собственности и путей перехода каждой страны к качественно новому состоянию с учетом национального, исторического наследия, уклада жизни, традиций, менталитета народов Центральной Азии.

Узбекская модель исключала революционные скачки, «шоковую терапию» и основывалась на концепции активного участия государства в экономике и постепенности осуществляемых рыночных и демократических преобразований. При этом исходили из положения, что становление рыночных отношений является длительным процессом и переходный период, в течение которого осуществляются институциональные и структурные изменения в обществе, будет носить затяжной характер. В этот период значительное большинство населения будет нести огромную социальную нагрузку, связанную с необходимостью приспособляться к новой системе отношений, падением реальных доходов, усилением безработицы, социальной дифференциацией населения по доходам. Объективно сокращаются финансовые возможности государства в связи со спадом производства, оно имеет меньше возможности участвовать в социальных программах.

Появляются проблемы с обеспечением конкурентоспособности произведенной в стране продукции на мировом рынке, опасность роста криминализации общества, усиление религиозного фанатизма, конфликтов между различными социальными группами и слоями общества. Поэтому переходный период с самого начала рассматривался руководством страны как период, потенциально создающий угрозу национальной безопасности нового независимого государства.

Учитывая особенности республики, Президент Уз-

бекистана И. Каримов провозгласил 5 принципов социально-экономических реформ⁹. Основное их содержание в следующем.

Во-первых, полная деидеологизация экономики. Экономика должна иметь приоритет над политикой, быть его внутренним содержанием.

Во-вторых, в сложный переходный период главным реформатором должно быть государство.

В-третьих, весь процесс обновления и прогресса должен строиться на правовой основе.

В-четвертых, учитывая реальное демографическое положение, сложившийся уровень жизни населения, переход к рыночным отношениям должен сопровождаться осуществлением упреждающих сильных мер по социальной защите людей.

И, в-пятых, становление новых экономических, рыночных отношений должно осуществляться взвешенно, продуманно, поэтапно.

Одним из главных результатов функционирования национальной экономики за прошедшее десятилетие явились достижение зерновой и нефтяной независимости, создание новейших предприятий различных отраслей промышленности на основе современных технологий и привлечения иностранных инвестиций. В Узбекистане не произошло обвального спада производства, а с 1996 года начался процесс экономического роста.

Реальный объем валового внутреннего продукта в 1996 г. впервые увеличился на 1,6%, в 1997 г. уже на 5,2%, а в 1998—2001 гг. стабильно на 4—4,5%. Наметилась тенденция роста ВВП на душу населения.

Остановка спада производства и возобновление его роста было обусловлено тем, что в условиях крайней ограниченности инвестиционных ресурсов правительство республики не отказалось от финансовой поддержки отраслевых структурных преобразований, прежде всего ускоренного развития базовых отраслей —

нефтяной, газовой и золотодобывающей промышленности, цветной металлургии, энергетики, самолетостроения, а также создания новых (автомобилестроение и др.) отраслей. В республике завершилась малая приватизация, активно начат процесс акционирования средних и крупных предприятий. Уже приватизировано свыше 90% предприятий и организаций.

Страна подошла к следующему этапу рыночных преобразований — к приоритетам устойчивого экономического роста на базе позитивных изменений структуры экономики, внедрения современных информационно-коммуникационных технологий и активизации международных связей. Эти приоритеты отражают суть нового подхода в обеспечении стратегических преобразований общества в направлении стабильного повышения уровня жизни населения.

Следует заметить, что проводимые в стране реформы могут быть охарактеризованы в рамках концепции модернизации. Процесс трансформации общества всегда сопровождается противоречием между устоявшимися традиционными правилами и образом жизни и возникающими новыми. При этом зачастую можно слышать, что Узбекистан наряду с другими центральноазиатскими странами относится к так называемому Третьему миру развивающихся стран. Мы должны избежать таких стереотипов, поскольку Узбекистан уже продемонстрировал свой экономический и духовный потенциал и доказал свою способность к быстрой модернизации. Для нас «модернизация» — это всеобъемлющий процесс социальных, экономических, политических и культурных изменений, которые приводят к более высокому уровню благосостояния населения, росту индустрии, развитию городов, процветанию наук и искусств, укреплению физического и духовного здоровья нации, а также активной интеграции в мировое сообщество. Концепция модернизации в Узбекистане могла бы быть сформулирована как синтез традиционного и современного.

При этом необходимо учитывать и особенность этнопсихологических стандартов, присущих национальному менталитету народа Узбекистана, который на уровне общественного сознания проявляется в осторожном отношении людей к нововведениям, радикальным преобразованиям, приводящим к изменению системы ценностей, демонтирующим устоявшиеся нормы, правила и стереотипы их поведения.

Одним из основных стратегических задач экономических и политических преобразований в Узбекистане является социальная поддержка населения. 1997 год был объявлен Годом интересов человека, 1998 — Годом семьи, 1999 — Годом женщин, 2000 — Годом здорового поколения, 2001 — Годом матери и ребенка, логическим продолжением которых является 2002 — год, названный — Годом защиты интересов старшего поколения.

Фактически началась реализация обширной социальной программы. Введена принципиально новая система адресной социальной защиты. Приняты конкретные меры по государственной поддержке семей с детьми, неоднократно повышались размеры заработной платы в бюджетных организациях, пенсий, стипендий, создан фонд «Нуроний» по социальной поддержке ветеранов, благотворительный фонд «Махалля», Международный фонд «Соглом авлод учун» («За здоровое поколение») и ряд других.

Революционным шагом в деле подготовки высококвалифицированных специалистов является разработанная и реализуемая по инициативе Президента И. Каримова Национальная программа по подготовке кадров, а также деятельность Фонда Президента Республики Узбекистан «Умид» по поддержке одаренной молодежи в учебе за рубежом, Республиканский Фонд учителей «Устоз», Фонд «Улутбек» по поддержке молодежи и др. Таким образом, образование приобрело приоритетный характер.

Осуществлен ряд крупных проектов, разработанных

ных при участии международных организаций, а также посольств (представительств), аккредитованных в Узбекистане, способствующих развитию в республике малого и среднего бизнеса и финансовому обеспечению приоритетных направлений экономики. Правительство Республики Узбекистан намерено при участии Международного валютного фонда ускорить реализацию программы реформ для достижения экономической либерализации, включая конвертацию национальной валюты по текущим операциям. Изучается вопрос о вступлении Узбекистана во Всемирную торговую организацию, что даст ему прочные правовые основы для широкой и взаимовыгодной торговли с более чем 110 странами-участниками этой организации. За 1991—2000 гг. доля инвестиций по отношению к ВВП республики возросла с 3,6% до 7%. В настоящее время Узбекистан, глазами иностранного инвестора, — это государство, привлекательное не только своим устойчивым экономическим ростом и инвестиционным климатом, но и обеспечившее в стране общественно-политическую стабильность, гражданский мир и межнациональное согласие.

Казахстан в начале своего пути реформирования экономики, как и другие бывшие союзные республики, оказался в системном кризисе. Резко снизились объемы производства, большая часть технологически отсталых и энергоемких производств, неподготовленных и не справившихся с новыми условиями хозяйствования, стали факторами, приведшими к неконкурентоспособности и остановке многих предприятий, потере традиционных рынков сбыта, неплатежам и спаду производства. В результате, в стране нарастала инфляция, происходило падение жизненного уровня основной части населения. Появился большой разрыв между богатыми и бедными. Сократилась прослойка среднего класса — ведущей опоры государства и основного стабилизирующего фактора общества. Начиная с 1992 года, численность населения стало сокращаться.

Из-за недостатка внутренних сбережений Казахстан стал еще более зависим от иностранного капитала, как от частного, так и от международных финансовых институтов. В этих условиях Казахстан, выбравший модель открытой рыночной экономики и демократического развития, целенаправленно предпринимал множество мер по выправлению положения¹⁰.

В 1991–1993 гг. социально-экономическая ситуация в Казахстане во многом зависела от изменений экономического и политического положения в Российской Федерации. Зависимость Казахстана от России, в первую очередь, относилась к денежно-кредитной и бюджетной политике, которая в условиях единой валюты диктовалась Центральным банком РФ. Только после введения национальной валюты в ноябре 1993 г. в республике стала формироваться собственная экономическая политика.

Для достижения макроэкономической стабилизации, создания условий нормализации производства и торговли, оживления инвестиционной деятельности в июле 1994 г. была принята антикризисная программа. В республике был принят ряд программных документов по разгосударствлению и приватизации государственной собственности, развитию и поддержке предпринимательства и другие.

В соответствии с программой действий Правительства с 1995 года последовательно проводился курс ограничительной денежно-кредитной и бюджетной политики, либерализации внешнеэкономической деятельности и формирования рыночной инфраструктуры. Под воздействием либерализации цен, приватизации, коммерциализации практически всех секторов, в том числе и сохраняющихся в управлении государства, экономика приобрела новое качество, сформирована принципиально иная база дальнейшего ее реформирования.

В 1996 году была начата реализация программы действий Правительства Республики Казахстан по уг-

лублению реформ на 1996—1998 гг. В этот период был разработан и принят ряд программ, в том числе среднесрочная программа дальнейшего реформирования банковского сектора, развитию рынка ценных бумаг, страхового рынка, по приватизации и реструктуризации государственной собственности. Эти программы были направлены на закрепление свершившихся институциональных преобразований и создание предпосылок для инвестиционной и деловой активности.

В 1998 г. была разработана и принята программа действий Правительства на 1999—2000 гг., которая была направлена на закрепление достигнутых результатов. В этот период были реализованы программы, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса, в частности микрокредитования, осуществлены реформы социальной сферы — жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения, социального страхования. Приняты законы, которые призваны приблизить казахстанское законодательство к мировым стандартам в рамках мероприятий по подготовке к вступлению во ВТО.

Российский и азиатский финансовый кризисы и снижение цен на сырьевые товары существенно ухудшили экономическую ситуацию в 1998—1999 гг. Искусственное поддержание завышенного курса национальной валюты — тенге до первого квартала 1999 г. привело к сокращению золотовалютных резервов. Естественным следствием такой экономической политики стала девальвация национальной валюты в апреле 1999 года.

В целом руководству Казахстана удалось успешно преодолеть многие проблемы. В 1996 году впервые за пять лет реформ был обеспечен рост валового внутреннего продукта к предыдущему году — 0,5%. В последние годы ВВП страны на душу населения динамично растет и стал одним из наиболее высоких в СНГ. Динамика макроэкономических показателей

свидетельствует, что удалось приостановить процесс сжатия экономики и, в сочетании с практически завершившимися институциональными преобразованиями, возможен переход к новому этапу — оживления экономической активности. Богатые природные ресурсы, социальная и политическая стабильность делают Казахстан одним из наиболее привлекательных для вложения иностранного капитала. Восстанавливаются и создаются новые производства, активно строится сеть важных транспортных коммуникаций. Реализуется крупная общенациональная задача по строительству и обустройству новой столицы — Астаны.

В социальном плане стратегическая задача — обеспечение единства многоэтнического населения — достигнута, идет трансформация общественного сознания, реформы осуществляются с опорой на молодое поколение, которое лучше адаптировалось к новой системе ценностей.

Одной из серьезных задач является реализация Государственной программы развития агропромышленного комплекса на 2002—2005 годы, главными целями которого определены обеспечение продовольственной безопасности страны, формирование эффективной системы агробизнеса, увеличение объемов продажи продукции, рационализация мер государственной поддержки сельскохозяйственного производства.

В Республике Казахстан разработаны Программа «О мерах по реализации стратегического развития Казахстана до 2030 года» и 10-летний стратегический план развития страны с учетом внешних и внутренних угроз безопасности.

Для Туркменистана распад Советского Союза имел вначале наименее негативные последствия. В 1992—1993 гг. условия внешней торговли улучшились, а мировые цены на газ повысились. После обретения Туркменистаном независимости была запланирована переходная экономическая программа «10 лет стабильности», обеспечившая первый этап качественного

реформирования экономики в направлении рынка и частной собственности.

Быстрыми темпами началась приватизация торговых и промышленных предприятий, полностью передана в частное владение сфера бытового обслуживания, земля отдана в аренду или в собственность крестьянам¹¹. В 1994 году в Туркменистане пошли на беспрецедентную меру социальной поддержки граждан: население бесплатно стало пользоваться электроэнергией, газом и питьевой водой.

Однако затем неплатежи со стороны отдельных государств привели к падению объемов экспорта газа и поступлений денежных средств в страну. В результате валовый внутренний продукт (ВВП) снизился на 30% за 1993—1995 годы и на 26% в 1997 году. За 1993—1995 годы реальная минимальная заработная плата упала на 80%.

Эта тенденция наглядно показала зависимость туркменской экономики от экспорта углеводородного сырья. И именно благодаря возобновлению экспорта газа в конце 1997 года социально-экономическая ситуация стала изменяться в лучшую сторону. ВВП в 1998 году, по оценке экспертов, составил 7 млрд. долл. США и вырос по сравнению с предыдущим годом на 5%, а в 1999 году он увеличился на 16%¹².

В 1990 году в Туркменистане перерабатывалось около четырех процентов хлопка-волокна собственного производства. После возведения во всех регионах текстильных комбинатов и фабрик, оснащенных современным оборудованием, появилась возможность переработки половины объема урожая хлопка. В 2000 г. был введен в эксплуатацию текстильный комплекс в Ашхабаде, с выходом которого на проектную мощность здесь будет выпускаться экспортно-ориентированной продукции на 70 млн. долл. в год.

В последние годы на первый план по объему инвестиций вышла нефтегазовая отрасль. В 2000 году завершилось строительство с участием японских ком-

паний «Чиода» и «Ничимен» и турецкой фирмы «Гама» установки гидроочистки и каталитического риформинга на Туркменбашинском нефтеперерабатывающем заводе, что позволяет Туркменистану полностью отказаться от импорта высокооктановых типов бензина.

При проведении аграрной реформы было учтено то обстоятельство, что в Туркменистане с его сравнительно небольшой численностью населения имеется относительно много свободной, неудобной для сельскохозяйственной обработки земли. Тем не менее, передача земли в бессрочную аренду сельским семьям уже принесла результат. В 1999 году Туркменистан впервые полностью обеспечил себя своим хлебом, заготовив 1 млн. 520 тыс. тонн продовольственной пшеницы. При этом сохранены объемы заготовки в 1 млн. 300 тыс. тонн другой стратегической сельскохозяйственной культуры — хлопка.

В конце 1999 года констатировалось, что комплексная программа «10 лет стабильности» в основном выполнена. Принятая на последнем Народном Совете в канун 2000 года «Стратегия социально-экономического развития Туркменистана до 2010 года» — во многом является продолжением вышеназванной программы на новом уровне социально-экономического развития страны.

Если говорить об основных приоритетах, то они следующие: планируется, что добыча газа в 2010 году составит 120 миллиардов кубических метров, из которых 100 миллиардов кубометров пойдет на экспорт; добыча нефти и газоконденсата должна составить к этому времени 48 миллионов тонн, из них 30 миллионов тонн будет экспортироваться; более чем вдвое предполагается увеличить показатели по производству электроэнергии, которые составят 25,5 миллиардов киловатт-часов, в том числе 9 миллиардов киловатт-часов — на экспорт.

В будущем экономические перспективы Туркменистана в значительной степени будут зависеть от на-

хождения альтернативных транспортных маршрутов для экспорта газа, что позволило бы ему диверсифицировать свои экспортные направления.

Кыргызстан предпочел вариант так называемой «шоковой терапии» в реформировании экономики. Для преодоления системного кризиса были предприняты решительные действия по созданию основ рыночной экономики, что позволило сформировать частный сектор, первичную рыночную инфраструктуру, ввести одними из первых среди стран СНГ национальную валюту и проводить независимую денежно-кредитную политику, остановить гиперинфляцию и, как следствие, возобновить с 1996 года экономический рост. Средний темп экономического роста в Кыргызстане в период 1996—2000 гг. составил 5,5% в год. Вместе с тем в ходе острого международного финансового кризиса 1998—1999 гг. стало очевидным, что общая макроэкономическая ситуация в стране остается неустойчивой и весьма чувствительной к внешним воздействиям.

За последние годы темпы инфляции и девальвации национальной валюты — сома — существенно замедлились и рост ВВП несколько ускорился. В осуществлении реформ Кыргызстана наступил этап стабилизации и оживления экономики. Завершены основные институциональные преобразования: осуществлены массовая приватизация государственной собственности — хозяйственных объектов, либерализация внешней торговли, сформирован сектор малого предпринимательства. Наблюдается стабильный рост валового внутреннего продукта, за исключением кризисного 1998 года. Тем не менее, традиционно высокий дефицит государственного бюджета (более 9% к ВВП в 2000 году) является одной из главных экономических проблем страны.

За период с 1996 по 2000 гг. в валовом внутреннем продукте произошли существенные структурные изменения. Так, доля промышленности, составлявшая

в 1996 г. 11,1% к ВВП, в 2000 г. возросла до 23,4%, доля торговли и общественного питания, соответственно, с 10,4 до 12%. Доля сельского хозяйства с 46,2% в 1996 г. снизилась в 2000 г. до 34,2 % к ВВП¹³.

Важнейшей отраслью экономики Кыргызстана является сельское хозяйство, производящее более трети ВВП. В результате проводимой аграрной и земельной реформы удалось остановить спад и добиться подъема производства сельскохозяйственной продукции. В связи с развитием крестьянских (фермерских) хозяйств активизировалось развитие частного сектора, доля которого увеличилась с 78,8% в 1996 г. до 88,8% в 2000 г.

Стратегическое значение имеет водно-энергетический комплекс — второй по значению источник экспортных поступлений. Импортозамещение важно, так как добываемые в Кыргызстане 75—100 тысяч тонн нефти ежегодно покрывают потребности республики в углеводородах в лучшем случае на треть.

В 1996—2000 гг. активизировалась инвестиционная деятельность, на что оказало влияние строительство золотодобывающего комбината «Кумтор Оперейтинг Компани» совместно с канадской «Самесо», которое осуществлялось за счет прямых иностранных инвестиций. Проведена первая фаза реконструкции международного аэропорта «Манас», велось строительство гидроэлектростанций, линий электропередач, восстановление ирригационной и транспортной систем, в том числе по реабилитации автомобильной дороги «Бишкек—Ош». Объем инвестиций в основной капитал в 1996 г. составил 20,4% к ВВП, в 1998 г. — 12,3% (в связи с окончанием строительства золотодобывающего комбината), а в 2000 г. объем инвестиций вновь возрос и составил к ВВП 16,6%. Инвестиции в основном направлялись в отрасли электроэнергетики, транспорта, связи, сельского хозяйства и водохозяйственного строительства. На сегодняшний день в республике остро стоит проблема обслуживания

внешнего долга. Неспособность выполнять внешние кредитные обязательства может вызвать серьезные осложнения для экономики страны.

Наиболее приоритетным направлением государственной политики Кыргызской Республики является социальная сфера, на нужды которой направляется около 60% расходов страны. Развитие социальной сферы в ближайшей перспективе направлено на создание эффективной социальной защиты населения и повышение качества человеческих ресурсов, сокращение и преодоление бедности.

Свыше половины населения страны живет за чертой бедности. За период с 1996 по 1998 гг. уровень бедности резко увеличился (с 43,5% до 54,9%) и достиг 55,3% в 1999 г. В 2000 г. этот показатель несколько снизился, но по-прежнему остается очень высоким — 52%. Количество крайне бедного населения за этот период колебалось от 19,1% в 1996 г., 14,8% — в 1997 г., до 23 % — в 1998 г. В 2000 г. уровень крайне бедного населения составлял 17,8% и был ниже, чем в 1999 г. на 5,5 процентных пункта.

Одним из условий для устойчивого роста экономики республики является развитие внешнеэкономических связей. Кыргызстан всецело поддерживает идею глобальной экономической интеграции, дальнейшей либерализации международной торговли. Республика первой среди стран Центральной Азии вступила в ВТО.

В стране разработаны Комплексные основы развития страны, которые призваны стать руководством к действию в ближайшие 10 лет. В результате выполнения положений этой программы ожидается уменьшение бедности в стране в два раза к 2010 году, планируется резко сократить внешний долг, намного улучшить инвестиционный климат, создать правовую базу для развития частного сектора.

Таджикистан на начальном этапе реформирования в силу межклановой и местнической междоусобицы оказался в состоянии гражданской войны, которая

нанесла значительный удар по экономике и социальному положению населения страны (материальный ущерб оценивается в 7 млрд. долларов США). Война в Афганистане и огромные масштабы наркобизнеса, в который были вовлечены тысячи граждан Таджикистана, в свою очередь, создали предпосылки афганизации страны. Сегодня республика является одной из наиболее слабых в СНГ и находится в сильной зависимости от международной гуманитарной помощи.

На конец 1996 г. валовой национальный продукт Таджикистана достигал лишь 40% от уровня 1991 г., а среднемесячная заработная плата составляла примерно 9,6 доллара США. По подсчетам Всемирного банка, уровень безработицы в стране составляет 40% и является самым высоким в СНГ. По данным ООН, все социальные службы в Таджикистане находятся в состоянии полного краха, не менее 70% всех медикаментов поставляется гуманитарными организациями, а доступ к чистой питьевой воде имеет лишь одна треть населения.

После гражданской войны, начиная с 1997 года, Республика Таджикистан добилась некоторого прогресса в обеспечении макроэкономической стабильности, борьбе с бедностью и в проведении курса рыночных реформ. Но финансовый кризис, который произошёл в России в 1999 г., вновь негативно повлиял на динамику экономического роста в Таджикистане¹⁴.

Известно, что 70% населения республики проживает в сельской местности, при этом на душу населения приходится всего лишь 0,11 га земли — наименьший показатель в Центральноазиатском регионе. Поэтому одной из приоритетных задач является развитие сельского хозяйства. Для того, чтобы поступательно решать проблемы села, руководство Таджикистана разработало и приняло программу развития сельскохозяйственного производства до 2005 года.

Программа реформирования экономики была при-

нята в 1995 году. В декабре 1999 года была реализована государственная Программа по приватизации малых предприятий. Завершена приватизация малых и средних объектов хозяйствования.

В Таджикистане, несмотря на отсутствие хороших дорог, автотранспорт является самым развитым видом передвижения. На его долю приходится около 90% от общего объема перевозок пассажиров и более 80% внутренних грузоперевозок. Государство ведет широкое дорожное строительство, чтобы обеспечить надежную транспортную связь между регионами. В конечном счете это откроет возможности для выравнивания их экономического потенциала, что для Таджикистана крайне важно и в геополитическом плане.

Ведутся работы на Сангудинской и Рогунской ГЭС, хотя без привлечения серьезных инвестиций из-за рубежа пустить эти электростанции в строй в ближайшие годы вряд ли удастся. По оценкам влиятельного издания — атласа мировой гидроэнергетики HYDROPOWER & DAMS — Таджикистан по удельным показателям запасов гидроэнергоресурсов занимает первое место в мире, а по абсолютным показателям (300 млрд. кВт./час в год) восьмое. В случае полного их использования республика может стать крупнейшим экспортером электроэнергии в регионе.

В 2001 году в Таджикистане собрано около 400 тыс. тонн хлопка, произведено 320 тыс. тонн алюминия, который составляет основную экспортную часть внешнеторгового оборота. По официальным данным, в 2001 г. по сравнению с 2000 годом в Таджикистане отмечен рост ВВП на 10%.

В оживлении экономического развития Таджикистана основную роль играет кредитно-инвестиционная помощь зарубежных стран, международных организаций, банков и фондов. Крупными инвесторами являются США, Россия, Великобритания. Примером

кредитной помощи может служить намерения правительства КНР выделить Таджикистану кредит в 20 млн. юаней, большая часть которого пойдет на разработку месторождения природного газа в 20 км юго-восточнее Душанбе. Имеются также намерения о дальнейшем сотрудничестве Таджикистана с Китаем в строительстве Рогунской ГЭС.

Мировой опыт показывает, что основополагающим фактором в успешном экономическом развитии является гибкая и прагматическая роль правительств в решении задач в сфере внешнеэкономических связей.

В целом на ближайшую перспективу во внешнеэкономической деятельности стран региона стоят относительно общие задачи:

- достичь активного внешнеторгового сальдо и создать предпосылки для экономического подъема;

- последовательно снимать административные ограничения с внешнеэкономической деятельности и добиваться либерализации внешней торговли;

- обеспечить равновесие платежного баланса и устойчивость национальных валют;

- преодоление структурных деформаций, обеспечение приоритетного развития экспортоориентированных и импортозамещающих производств;

- создать предпосылки для дальнейшего развития иностранного туризма, активного вхождения в международный туристический бизнес и т.д.

С целью реализации этих задач необходимо:

- внести изменения в действующее законодательство и выходить на формирование общих правил и условий сотрудничества стран региона с внешним миром;

- создать схожую систему правовых гарантий для предпринимательской деятельности и страхования иностранных инвестиций и граждан, прибывающих в Центральную Азию;

- восстановить и поддержать жизненно важные для стран региона традиционные товаропотоки, при-

нимаемая меры по их реализации с учетом структурных преобразований;

— предусмотреть мероприятия по закреплению благоприятной среды для развития рекреационной базы в сфере туристических услуг.

Увеличение экспорта за счет изменения товарной структуры уже происходит на предприятиях цветной металлургии, химии и нефтегазовой отрасли, легкой промышленности, самолето- и автомобилестроения. Увеличить экспорт электроэнергии и полностью покрыть внутрирегиональные потребности в ней можно при условии строительства новых мощностей и реконструкции действующих гидроэлектростанций. Основным направлением повышения экспортного потенциала в сельском хозяйстве и перерабатывающих его отраслях должно стать создание инфраструктуры по хранению, транспортировке и повышению качества свежих и консервированных овощей, фруктов, бахчевых, винограда.

Развитие собственных импортозамещающих производств создаст условия для определенных изменений в структуре импорта. Так, увеличение добычи нефти и ее промышленная переработка на месте позволят полностью обеспечить потребности стран региона и отказаться от ввоза этого сырья из России. Развитие импортозамещающих производств в химической промышленности даст возможность уменьшить ввоз таких важных сырьевых ресурсов, как фосфорная мука, толуол, пищевой спирт из России и Украины. Расширение посевных площадей под зерновыми и повышение их урожайности создадут условия для полного отказа от импорта зерна из стран дальнего зарубежья. Развитие производства автомобилей, радио- и сложной бытовой техники, предметов народного потребления обеспечат заметное уменьшение импорта этой группы товаров. Сократится импорт таких важных видов продукции, как черные металлы, резинотехнические изделия, лес, деловая древесина,

пиломатериалы, фанера, бумага, сахар, продукты детского питания, сухое молоко, сыр, крупы. Приоритетным является импорт прогрессивных технологий, машин и оборудования.

Успешная деятельность в области экспорта зависит от двух главных факторов. Первый из них — принятие мер к выходу на мировые рынки. Для этого необходимо, прежде всего, приложить усилия, чтобы все государства Центральной Азии стали членами Всемирной торговой организации (ВТО), создающей участникам условия для свободной торговли. Кыргызстан, как известно, уже является членом ВТО, а Казахстан получил статус страны с рыночной экономикой.

Второй фактор заключается в обеспечении конкурентоспособности продукции на внутреннем региональном рынке. Предприятия должны стремиться производить товары и услуги хорошего качества с минимальными затратами, чтобы иметь доступ к потенциальным рынкам, в отношении которых достигнута договоренность с другими странами. В этих условиях либеральный торговый режим для импорта будет оказывать влияние на местных производителей с тем, чтобы они постоянно поддерживали конкурентоспособность своей продукции. Роль правительств здесь состоит, прежде всего, в осуществлении общей экономической политики в области обменных курсов, являющихся важным инструментом достижения равновесия между импортом и экспортом.

Должны в полной мере действовать такие элементы внешнеэкономической политики, как финансирование, страхование и налогообложение. Наиболее распространенной формой финансирования экспорта остается кредитование. Однако условия предоставления кредита не всегда привлекательны для экспортеров. Целесообразно расширить круг банков, на которые распространяются функции финансирования экспорта, а также

своевременно изменять ставки и сроки кредитования в зависимости от видов и объектов экспорта.

Система страхования внешнеэкономических операций, обеспечивая благоприятные предпосылки для заключения торговых сделок и инвестирования, должна становиться все более важным средством стимулирования зарубежной деятельности своих предприятий. При этом функции страхования могут выполнять государственные и коммерческие банки, а также специально созданные организации, гарантирующие покрытие возможных потерь экспортеров в том или ином страховом случае, предусмотренном законодательством. В рамках стимулирования воздействия государств Центральной Азии на развитие экспорта возможен избирательный подход к экспортерам, не исключающий применение мер ограничительного характера в случае нарушения международных и национальных норм в области внешней торговли.

Успех внешнеэкономической деятельности во многом зависит от системы сбора маркетинговой информации как внутри государств Центральной Азии, так и на мировом рынке. Создание современных систем коммуникаций и связи, развитие информационных технологий, адаптация к ценностям современного мира, Интернету сопряжен, прежде всего, с необходимостью иметь достаточно полную информацию о потребностях рынка. Поэтому на новом этапе экономических реформ вопрос об информационном обеспечении состояния дел на внешних рынках должен быть первоочередным.

2.2. Интеграционные и дезинтеграционные течения в Центральноазиатском регионе

Согласно классической теории, в основе интеграционных процессов в Центральной Азии лежат, прежде всего, экономические императивы. Новой формой коллективного поиска теоретических и практических

решений, отвечающих интересам государств региона должно было стать Центральноеазиатское Экономическое Сообщество (ЦАЭС). На заседании Межгосударственного Совета ЦАЭС в Душанбе 14 июня 2000 года был принят важнейший документ «Стратегия интеграционного развития ЦАЭС» на период до 2005 года. В нем отмечалось, что годы, прошедшие после подписания 30 апреля 1994 г. Договора о создании единого экономического пространства между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Республикой Узбекистан, к которому в марте 1998 года присоединилась Республика Таджикистан, свидетельствуют, что интеграция экономик государств-участников — объективный и естественный процесс, обусловленный жизненно важными интересами и потребностями безопасности каждой страны. Президентом Узбекистана И.А. Каримовым предложена формула, характеризующая эти процессы, что «угроза безопасности обратно пропорциональна уровню интегрированности стран»¹⁵. Опыт государств-участников по формированию единого экономического пространства за прошедшие годы показал, что к реализации этой задачи необходимо подходить поэтапно, с учетом готовности участвующих сторон принять на себя определенные обязательства, исходя из внутренних возможностей.

В условиях, когда государства региона связывают общие границы, совместно используемые речные бассейны, энергосистема, сеть автомобильных и железных дорог, традиционный внутренний рынок, альтернативы интеграции не существует. В связи с этим все государства ЦАЭС на основе интересов друг друга должны формировать эффективную, взаимовыгодную систему межгосударственного сотрудничества. Главным содержанием данного этапа должно стать создание экономических предпосылок для углубления интеграционных процессов. Достижение этой цели предполагает сосредоточение усилий государств-

участников на наиболее приоритетных направлениях экономического взаимодействия, к которым относятся:

- активизация торгово-экономических связей путем обеспечения режима свободной торговли;
- проведение согласованной политики в области развития и использования транспортно-коммуникационной системы регионального значения;
- укрепление производственной кооперации и развитие прямых хозяйственных связей;
- координация антимонопольной политики, обеспечение добросовестной конкуренции, развитие сети совместных предприятий;
- создание общего научно-технологического пространства;
- дальнейшее укрепление сотрудничества и координация действий в сфере борьбы против терроризма, религиозного и политического экстремизма, незаконного распространения и сбыта наркотических и психотропных веществ, оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов;
- объединение усилий по улучшению экологической обстановки в регионе, предотвращению стихийных бедствий.

Успешная реализация вышеуказанных приоритетов позволит странам Центральной Азии в среднесрочной перспективе перейти к более углубленным формам межгосударственного сотрудничества.

В ходе встречи в Ташкенте 28 декабря 2001 года главы центральноазиатских государств приняли решение преобразовать Центральноазиатское Экономическое Сообщество в Организацию «Центральноазиатское Сотрудничество» (ЦАС). Одновременно они высказались за совершенствование форм и механизмов региональной экономической интеграции, преемственность обязательств сторон, вытекающих из действующих международно-правовых документов ЦАЭС.

«Для народов Центральной Азии, — подчеркнул

Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, — как и в древние времена, выгодны и необходимы единая внешняя экономическая политика, единый таможенный, налоговый контроль, единая система безопасности»¹⁶.

К настоящему времени контуры экономической структуры будущего «регионального рынка» в Центральной Азии, благодаря усилиям глав государств, правительств, а также внешнеполитических и других министерств, ведомств, вырисовываются довольно четко. В двустороннем порядке подписаны соглашения об избежании двойного налогообложения между всеми государствами-участниками, а также соглашения о взаимной защите инвестиций, расширяется область информационного сотрудничества. Приняты межгосударственные документы по формированию общего научно-технологического пространства и утверждена Программа сотрудничества в области миграции населения и др.

Вместе с тем, процесс интеграции центральноазиатских государств, несмотря на достигнутые успехи в рамках многостороннего и двухстороннего сотрудничества, происходит довольно сложно и противоречиво, подписанные соглашения зачастую не выполняются. В исполнении принятых решений не всегда последовательную позицию занимают отдельные страны, мешают незавершенность экономических реформ, несопряженность их содержания и темпов проведения. В числе недостатков можно отметить отсутствие унификации законодательства в области ценовой, налоговой и бюджетной политики, необходимой для выравнивания экономических и правовых условий товаропроизводителей стран-участниц ЦАС.

Отсутствие четкого соглашения по вопросу валютного регулирования и межбанковских отношений сдерживает развитие свободной торговли в регионе, создание общего товарного рынка, становление прямых связей предприятий и беспрепятственного прохождения расчетов и платежей. Таможенные тарифы не-

редко пересматриваются из-за существующих различий в законодательных и нормативных актах, регулирующих таможенную политику стран региона. Острой остается проблема использования межгосударственной транспортной инфраструктуры и объединенной водно-энергосистемы стран Центральной Азии.

Переориентация товарных потоков из региона в страны дальнего зарубежья усиливает позиции иностранного капитала. Все это усугубляет негативные последствия разрыва кооперационных связей государств Центральноазиатского региона. Создание различного рода региональных структур также отражает позицию и реакцию отдельных стран Центральной Азии, оказавшихся одновременно как внутри ЦАС и ШОС, так и в разных объединениях на пространстве СНГ — ЕврАзЭС (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) и ГУУАМ (Узбекистан).

Некоторые зарубежные эксперты считают, что восприятие политики друг друга через призму существующих отрицательных стереотипов зачастую порождает попытки сваливать на соседей невыполнение собственных обязательств по уже заключенным многосторонним и двусторонним договорам. Значительной проблемой, по мнению Ш. Акинер, является скрытое соперничество между государствами-членами и тенденция настаивать на предлагаемой каждым из них повестке дня¹⁷. Отдельные эксперты делают пессимистические прогнозы, предсказывая, что в перспективе центральноазиатские государства будут все дальше дистанцироваться друг от друга¹⁸.

Так, со стороны Казахстана проводится активное использование в собственных целях «транзитного» характера своей территории (транспорт, связь, линии электропередач); со стороны Кыргызстана — использование водно-энергетических ресурсов в качестве «ограничительно-запретительного» фактора; принимаются некоторые законодательные акты, ущемляющие интересы соседних государств. Со своей стороны, Кыр-

гызстан и Таджикистан, являющиеся импортерами узбекских энергетических ресурсов, зачастую выражают свое несогласие с ценовой политикой поставщика газа. Соперничество между странами региона наблюдается также в сфере использования транспортных коммуникаций, когда каждая страна стремится строить новые маршруты железнодорожных и других коммуникаций, чтобы быть независимым от соседних стран региона и его тарифной политики. Положение усугубляется наличием нерешенных вопросов делимитации и демаркации границ, которые ведут к снижению уровня взаимного доверия.

Напряженность создает, в частности, проблема распределения водных ресурсов, которые в условиях региона имеют стратегическое значение и могут быть использованы в качестве рычага давления в межгосударственных отношениях. Проблема водообеспечения и совместного использования трансграничных водных ресурсов является одним из основных конфликтных узлов, создающих реальную угрозу безопасности государств Центральной Азии. На сегодня состояние межгосударственных отношений Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана в значительной мере зависит именно от степени решаемости вопросов обеспечения этих стран водными и энергетическими ресурсами.

Особенность гидрогеографии Центральной Азии заключается в том, что водные ресурсы распределены здесь неравномерно. Основные гидроресурсы в этом регионе расположены в его юго-восточной (горной) части. Главные реки Центральной Азии — Сырдарья и Амударья, как известно, берут свое начало в горах Кыргызстана и Таджикистана. Маловодные и безводные пространства занимают в Центральной Азии территориально большую часть, чем благополучные в этом отношении районы. После обретения независимости бывшими союзными республиками Центральной Азии, все «водные диспропорции» сразу же вылезли наружу

и стали источником регионального напряжения. Более того, обстановка в области водопользования и вододеления все больше политизируется.

На ситуацию с водопользованием негативно воздействует ряд факторов:

— отсутствие постоянной общей правовой базы совместного использования водных ресурсов;

— гипертрофированное восприятие национальных интересов и отсутствие поиска взаимных интересов в этой сфере;

— различный характер общественно-политического и экономического развития в странах региона;

— постоянно возрастающие потребности в водных ресурсах.

Межгосударственное водораспределение между центральноазиатскими республиками было узаконено соглашением от 14 июня 1981 г. и от 22 августа 1989 г. В феврале 1992 г. в Алма-Ате премьер-министры пяти центральноазиатских государств подписали декларацию об оставлении в силе существующего порядка межгосударственных водораспределений. В 1993 г. в г. Нукусе данная декларация была подтверждена Президентами государств Центральной Азии.

Тем временем, 23 июля 2001 г. парламентом Кыргызстана принят Закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». Согласно этому Закону при осуществлении государственной политики в сфере использования водных ресурсов Кыргызстан будет следовать принципам: а) признания воды как вида природных ресурсов, имеющего свою экономическую стоимость при всех ее конкурирующих видах использования и являющегося товаром; б) платности водопользования в межгосударственных водных отношениях и др. Казахстан и Узбекистан, как непосредственные, вслед за Кыргызстаном, потребители воды неоднократно выражали свою позицию по этому вопросу, которая заключается в

том, что цивилизованное решение вопроса возможно только при соблюдении норм современного международного права об использовании трансграничных вод, которые предусматривают равноправное взаимовыгодное сотрудничество сторон. С этой точки зрения, с одной стороны, нужно понять позицию Кыргызской Республики, нуждающейся в тепле в зимнее время (что означает сброс накапливаемой летом для работы гидроэлектростанций воды), но, с другой стороны, нельзя не видеть возникающего при подобных действиях ущерба землям Узбекистана и Казахстана (которые, наоборот, нуждаются в сбросе воды летом, а не зимой). Кроме того, надо учитывать, что орошаемое земледелие для жителей низовий — единственный источник их жизнеобеспечения. Очевидно, нужен компромисс с учетом положения и запросов всех заинтересованных сторон с одновременным признанием общности и неразрывности трансграничных вод и необходимости единого управления водами бассейна Сырдарьи и Амударьи.

Создание региональных экономических структур есть яркое проявление глобальной тенденции к интеграции стран в различных регионах мира и отражает реакцию этих государств на усложняющиеся условия существования и развития в рамках мирового экономического и политического пространства. Центральная Азия — один из таких регионов. Думается, в условиях Организации «ЦАС» многостороннее экономическое сотрудничество позволит более эффективно решать задачи сближения центральноазиатских стран и преодолевать совместными усилиями препятствия на пути интеграции.

При этом необходимо отметить, что для иностранных инвесторов представляет интерес прежде всего объединенный рынок государств Центральной Азии, нежели каждой из стран в отдельности и представители зарубежных деловых кругов определяют степень

своего участия в реализации совместных проектов в контексте интеграционных процессов, происходящих в регионе.

2.3. Возможности и перспективы развития внешнеэкономических отношений в регионе

Одним из важных элементов дальнейшей интеграции должна стать согласованная стратегия структурной перестройки экономики каждой страны. Следует использовать положительный эффект территориального разделения труда путем сокращения затрат на создание импортозамещающих производств на основе организации транснациональных корпораций, совместных предприятий акционерного типа.

Формирование единого экономического пространства открывает перед государствами Центральной Азии реальную перспективу выхода на мировой рынок с продукцией основных отраслей их специализации. Наряду с этим появится возможность проведения скоординированной ценовой политики относительно важнейших видов товаров народного потребления, а также регулирования цен на продукцию предприятий-монополистов. Кроме того, можно будет устранить ограничения при подписании договоров территориальными органами управления, предприятиями и другими хозяйственными субъектами на поставку продукции, за исключением тех ее видов, по которым необходимо осуществлять контроль взаимопоставок. В перспективе видится целесообразным проводить совместные исследования проблем использования производственного потенциала, минерально-сырьевых и водно-энергетических ресурсов региона. Особую важность будет иметь проблема водообеспечения и его регулирования на основе создания водно-энергетического консорциума. Стратегическим направлением здесь могут быть сокращение водоемких производств, ис-

пользование прогрессивных технологий в ирригационных и мелиоративных сооружениях, введение взаимоприемлемого экономического механизма в водопользовании.

При формировании единого рынка Центрально-азиатского региона на современном этапе требуется не просто укрепление хозяйственных связей, а разработка новой схемы сотрудничества с учетом интересов каждой страны. Для этого необходимо:

- согласовать общие цели и задачи экономической интеграции, в том числе в выборе единой стратегической линии в решении экологических проблем в бассейне Аральского моря, Сарезского озера, реки Маилуу-Суу и др.;

- оценить объемы общих ресурсов и производственного потенциала;

- выявить потенциальные угрозы экономической безопасности на канале внешнеэкономических связей;

- наметить главные направления и структуру торговых отношений на основе анализа спроса и предложения каждой страны;

- выработать общие принципы регулирования межгосударственного товарообмена и порядок расчетов между субъектами.

Следует установить согласованные ввозные и вывозные пошлины, унифицировать нормативные акты в области нетарифного регулирования, составить единый перечень товаров, подпадающих под систему экспортного контроля, привести заключенные торгово-экономические договора с третьими странами в соответствие с торговым режимом, принятым в регионе.

Для углубления интеграционных процессов важно решить вопросы финансов и взаиморасчетов. В этом направлении требуется разработка предложений по унификации механизма валютного регулирования и контроля.

С целью создания равных условий для товаропр-

изводителей следует унифицировать основные виды налогов и их размеры, согласовать методологию и нормативные акты по ценообразованию, порядок регулирования цен и тарифов на продукцию субъектов естественных монополий, меры по обеспечению взаимной конвертируемости национальных валют, созданию широкой сети обменных пунктов.

Необходимо осуществлять мероприятия по поддержке производства и предпринимательства, а также провести унификацию инвестиционного режима, разработать предложения по приобретению недвижимости и обеспечению защиты инвестиций, реализации совместных инвестиционных программ.

В основе организации регионального рынка должен быть механизм поддержания единого уровня цен на важнейшие виды товаров народного потребления. В рамках этого механизма нужно предусмотреть меры по предохранению от влияния на единые цены нарушений равновесия спроса и предложения на внутреннем рынке и по изоляции единого рынка товаров от колебаний мировых цен.

Таким образом, для формирования единого рынка центральноазиатских стран на основе межгосударственных экономических связей нужна целенаправленная, систематическая совместная работа, в рамках которой необходимо:

— обновить программу экономической интеграции в рамках ЦАС, дополнить ее новыми видами сотрудничества, в том числе с Туркменистаном;

— отрегулировать валютно-расчетные операции между национальными, коммерческими банками и хозяйствующими субъектами;

— повысить роль и увеличить уставной капитал Центральноазиатского банка сотрудничества и развития для участия в инвестировании крупных совместных проектов;

— разработать прогноз социально-экономического развития государств региона на среднесрочную и дол-

госрочную перспективу с целью проведения общей согласованной структурной перестройки их экономик, оптимизации межгосударственных поставок товаров и услуг, определения приоритетных отраслей и сфер, имеющих важное значение для всего единого экономического пространства;

— жестко контролировать выполнение подписанных соглашений;

— наладить информационный обмен сведениями государственной статистики, а также информационно-аналитическими данными, характеризующими степень стабильности и устойчивого развития стран региона.

Действенными мерами в области экономической интеграции будут выбор и реализация направлений по созданию специальных экономических зон (СЭЗ) на приграничных территориях государств Центральной Азии. Создание таких зон на приграничных территориях — перспективная инициатива, направленная на ускоренное развитие отдельных районов и обеспечивающая достижение широкого спектра социально-экономических и политических целей в регионе. Поэтому прежде всего необходимо определить, что представляют собой основные варианты свободных экономических зон и о каких специальных приграничных зонах может идти речь в перспективе.

На первый план выдвигаются задачи, связанные с межрегиональным внутренним и внешним товарообменом. К примеру, весьма перспективным для условий Узбекистана и сопредельных с ним Казахстана и Кыргызстана являются создание внешнеторговых зон (свободные таможенные зоны, транзитные зоны, экспортно-производственные зоны). Заслуживают внимания Актауский порт (его статус как специальной экономической зоны уже определен), территории, сосредоточенные в пределах границ Шимкентской (Казахстан) и Ташкентской (Узбекистан) областей, а также Ошской (Кыргызстан) и Андижанской (Узбекистан) областей.

Здесь просматриваются несколько следующих направлений создания экспортно-производственных и таможенных зон, как территориальных анклавов:

создание сети экспортоориентированных зон с формированием в них необходимой производственной и бытовой инфраструктуры, включая обеспечение водой, электроэнергией и т.п. В зонах такого рода могут получить развитие агропромышленная сфера, производство (на основе местного сырья) нефтепродуктов, продукции химии и нефтехимии, цветной и черной металлургии, кожевенных, меховых и шерстяных изделий, строительных материалов.

В ближайшей перспективе наиболее реальным может быть создание агрополисов. Здесь представляет интерес ряд направлений на основе контрактного соглашения, который открывает доступ к новым технологиям и источникам кредита:

— организация в приграничных районах совместного экспериментального агрополиса по выращиванию сахарной свеклы с производствами по ее переработке;

— создание в приграничных районах, к примеру, Ташкентской и Шимкентской областей агрополиса (зоны) по выращиванию ранних овощей и картофеля по интенсивной технологии.

Возможно использовать также долгосрочную аренду земель Казахстана для выращивания на ней зерновых культур и пастбищных земель Алайской долины Ошской области хозяйствами Ферганской долины Узбекистана.

Развитие свободных таможенных зон в районах приграничных железнодорожных переходов, аэропортах. В таких зонах прежде всего необходимо создание мощной складской и транспортной инфраструктуры, обеспечивающей возможность осуществления консигнационных и других торговых операций.

Одним из приоритетных направлений является создание зоны совместного предпринимательства в границах водохозяйственного бассейна Аральского моря.

Приоритетным направлением углубления интеграции является подготовка условий и подписание соглашения об объявлении водных ресурсов межгосударственных речных бассейнов в Аральском регионе общим достоянием (совместной собственностью) всех государств, расположенных в пределах данной зоны.

Центральноазиатские страны могут заинтересовать иностранных партнеров в совместном участии на взаимовыгодной основе также в сфере развития иностранного туризма с посещением памятников мировой культуры в Самарканде, Бухаре, Хиве, Термезе, Туркестане, Мерве и др.

На приграничных территориях можно организовать ряд туристических зон:

— по «Великому шелковому пути», пролегающему через территории сопредельных государств (туристический экспресс);

— по «Золотому кольцу» (Самарканд—Бухара—Хива—Мерв) не только через Ташкент, но и столицы других государств Центральной Азии;

— по местам религиозного паломничества: мемориалы Аль-Бухари (Самарканд), Ат-Термези (Термез), Бахоудина Накшбанди (Бухара), Ахмада Яссави (Туркестан).

Наиболее перспективным в регионе является создание спортивно-оздоровительных зон (отдых, охота, рыбалка, альпинизм, горные лыжи, коньки, купанье и лечение). Особый интерес для посещения туристов представляют достопримечательности региона, в т. ч. Шахимардан, Заамин, Акташ, Хумсан, Шахрисабз, Чимган (Узбекистан), Балхаш, Боровое, Чардара, Медео (Казахстан), Арслонбоб, Иссык-Куль (Кыргызстан), Красноводск, Байрам-Али (Туркменистан), Канибадом, Памир (Таджикистан).

В целом, новый механизм углубления межгосударственных связей следует рассматривать с позиций целесообразности использования зонального «шлюза»

между внутрирегиональной экономикой и мировым рынком, включая рынок СНГ. Потенциал имеется огромный, надо лишь ускорить экономическую интеграцию, отказавшись от абсолютизации принципа самодостаточности. Центральная Азия не может ждать 30—50 лет, пока, как в случае с европейскими странами, сложатся все экономические предопосылки и институты для полноценной интеграции. Поэтому полностью правы казахстанские авторы А. Кошанов и Б. Хусаинов, когда пишут, что «промедление с формированием полноценного интеграционного сотрудничества чревато дальнейшим отставанием от мировых процессов, угрозой надолго остаться на задворках мировой хозяйственной системы. В этом случае их уделом будет вхождение в глобальные рынки в качестве сырьевых и потребительско-обслуживающих зон и они могут утратить перспективы собственного исторического развития. Только на основе собственных ресурсов и внутрирегиональной интеграции можно проложить путь к национально-государственному развитию и созданию устойчивой геостратегической транснациональной целостности»¹⁹.

2.4. Экологические проблемы региона

Центральная Азия, как и многие регионы планеты, сталкивается сегодня с серьезными экологическими проблемами. Повышение эффективности взаимодействия с мировым сообществом путем четкого определения внутренних, внешних и трансграничных экологических угроз безопасности региона становится насущной необходимостью.

Очаги нарушения экосистемы региона оказались в состоянии, близком к кризисному, антропогенные факторы воздействия на окружающую среду приводят к масштабной ее деградации. Положение усугубляется тем, что география экологических угроз охватывает обширные зоны, расположенные на территориях раз-

личных государств. В число особо проблемных узлов экологической опасности входят регионы бассейна Арала, горного Тянь-Шаня, Прикаспия, Семипалатинского ядерного полигона, космодрома Байконур, Иртыша и т.д.

Рассмотрим наиболее актуальные из них с точки зрения потенциальных угроз, которые они создают для региональной безопасности.

Аральский кризис, проблемы, связанные с водными ресурсами

Острейшей трансграничной экологической угрозой для Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, трагические последствия которой приобретают сегодня глобальные масштабы, является высыхание Аральского моря. Некогда богатый флорой и фауной ареал Аральского моря до начала 70-х годов был житницей не только Приаралья, но и имел важное экономическое значение далеко за его пределами, в основном, благодаря производству рыбной продукции и пушнины. Здесь существовала бумажно-целлюлозная промышленность на базе местного возобновляемого сырья — камыша.

Аральский кризис — это самая крупная экологическая и гуманитарная катастрофа в новейшей истории человечества. Под его воздействие попали около 35 млн. человек, проживающих в бассейне моря. Сейчас высохшее дно Аральского моря простирается на 28 000 квадратных километров. Две трети этой территории занимают солончаки, засоленные пески. Ежегодно ветрами отсюда уносится 75 миллионов тонн песка и пыли, а также 65 миллионов тонн мелкодисперсных солей, которые распространяются и выпадают на площади с радиусом тысячи километров. Высохшее дно Арала становится одним из основных источников аэрозолей пестицидов и гербицидов в атмосферу Земли. Сегодня известны многочисленные факты пагубного влияния этих солей и аэро-

золей на здоровье населения, окружающую среду, и даже на процессы таяния высокогорных ледников Тянь-Шаня, откуда берут начало реки Сырдарья и Амударья.

Подчеркнем, что масштабы и сложность проблемы Аральского моря связаны с общей проблематикой водных ресурсов, которые требуют комплексного, многоотраслевого подхода к сотрудничеству государств региона.

Сложность проблем, которые предстоит решать странам региона по смягчению экологического кризиса в Приаралье, напрямую зависит от того, насколько согласованно и полно все государства Центральной Азии проявят понимание первопричин экологических проблем, насколько они активизируют свою деятельность на преодоление кризисной ситуации, принятие адекватных мер на региональном и национальном уровнях.

В сентябре 1991 г. центральноазиатские республики объявили о необходимости создания специального органа для регулирования водораспределения в бассейне Аральского моря. В феврале 1992 г. была организована Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия, которая разработала «Программу действий по улучшению ситуации в бассейне Аральского моря». В 1994 году главы Центральноазиатских стран учредили Международный фонд спасения Аральского моря (МФСА) и Международный Совет Аральского моря (МГСА). На совещании в г. Нукусе в январе 1994 г. были приняты Программа действий и Основные положения по улучшению экологической и социально-экономической ситуации в бассейне Аральского моря. Отвечая на просьбы государств о помощи в реализации этого плана, Программа развития ООН (ПРООН), Программа окружающей среды ООН (ЮНЕП) и Всемирный банк обеспечили фонды для поддержки Программы бассейна Аральского моря.

Пристальное внимание государств региона и мировой общественности к проблеме позволило начать конструктивные действия. В результате удалось даже добиться некоторого увеличения сброса воды в Приаралье и Аральское море с 3—4 куб. км в середине 70-х годов до 10—15 куб. км и более в 1992—1998 гг. Однако высыхание Аральского моря продолжалось.

Глубоко осознавая складывающуюся экологическую ситуацию, Узбекистан инициировал принятие в 1999 году проекта GEF (Global Environmental Facility) под названием «Управление водными ресурсами и окружающей среды в бассейне Аральского моря», основным исполнителем и донором которого стал Глобальный экологический Фонд ООН.

Целью проекта является оказание технической и финансовой помощи государствам Центральной Азии в организации долгосрочной программы стратегических действий в бассейне Аральского моря. Главным направлением проекта является рациональное использование воды за счет снижения ее расходов, создание ресурсов для устойчивого развития стран и улучшения экологической обстановки в регионе.

Для достижения целей проекта планировалось сформировать общую стратегию и тактику посредством реализации следующих компонентов программы:

- управление водными ресурсами, разработка комплексной стратегии, тактики и основы программы действий;
- обеспечение безопасности плотин и повышение ответственности за их надежность;
- мониторинг трансграничных вод, оценка количества и качества трансграничных вод;
- восстановление увлажненных зон, создание в дельте Амударьи зоны сохранения биоразнообразия и аналога для тиражирования экосистем;

— поддержка управления проектом, предоставление возможности МФСА осуществлять проект.

За истекший период проведены многие международные научно-практические форумы, конференции и семинары, посвященные поиску путей спасения Арала. Последняя такая международная конференция на тему: «Узбекистан: экологическая безопасность на пороге XXI века» состоялась в феврале 2000 г. в г. Ташкенте. Вместе с тем, многочисленные обсуждения и меры не привели к ожидаемому улучшению экологической и социально-экономической ситуации в Приаралье, кризис не остановлен. К тому же засуха 2000 и 2001 годов больно ударила по Центрально-азиатскому региону.

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), Центральная Азия испытывает нехватку воды третий год подряд. Хотя весна 2002 года отличилась обилием осадков по сравнению с прежними годами, эксперты прогнозируют усиление дефицита воды в регионе.

В регионе за последнее время образовался дисбаланс в водопользовании, заключающийся в нерациональном использовании водных ресурсов. С одной стороны, из-за несовершенства ирригационных систем до поля доходит до 80% поливной воды, и всего 45% получают растения из-за несовершенства способов орошения и технологий полива. С другой стороны, в результате несогласованных экономических отношений стран региона оказалась разрушенной прежняя единая система регулирования водопользования. Гидротехнические сооружения в Центральной Азии в советский период сооружались коллективными усилиями стран для эффективного развития сельского хозяйства и гидроэнергетики. При этом в водохранилищах в зимний сезон накапливалась вода, а в вегетационный период она сбрасывалась через плотины ГЭС для полива сельхозкультур с одновременной выработ-

кой электроэнергии, которая подавалась в единую энергосистему.

После обретения независимости страны Центральной Азии разделились на две группы: в одной — Республика Кыргызстан и Таджикистан, где формируется 86 процентов водных ресурсов, в другой — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Интересами государств первой группы стало стремление развивать свою экономику за счет выработки дешевой электроэнергии, а второй — путем развития сельского хозяйства и промышленности, что, в свою очередь, предполагает совершенно различные графики водоподачи. Проблема дефицита воды усугубляется и тем, что в регионе отсутствует эффективная система учета потребления воды.

Надо полагать, что в скором будущем урегулирование афганского кризиса, с последующим восстановлением экономики, развитием сельского хозяйства страны в прибрежных с Амударьей районах выдвинет проблему дополнительного сокращения стока воды в низовья этой реки.

По оценкам международных экспертов²⁰ для изменения сложившейся ситуации и принятия экстренно необходимых мер пока нет ни политических, ни социальных, ни экономических предпосылок. Правительства стран, расположенных в Приаралье, пока не смогли договориться о создании системы управления водными ресурсами Амударьи. По мнению экологов, с каждым годом ситуация ухудшается и скоро может принять характер катастрофы, ползущей вверх по течению Амударьи.

Катаклизмы природного и техногенного характера. Горные объекты добычи урана, хвостохранилища

Сегодня большую опасность для стран Центральной Азии представляют такие природные явления, как землетрясения, паводковые затопления, оползни и

селевые потоки, а также возможность осуществления террористических актов, которые могут привести к разрушению дамб, ограничивающих хвостохранилища, прорыву плотин высокогорных озер.

В случае загрязнения водных артерий Кыргызстана и Таджикистана радиоактивными и токсичными отходами уранового производства загрязнение может распространиться на территорию Узбекистана, Казахстана и Туркменистана, охватывая огромные территории и массы населения региона.

Подобная ситуация может привести к необратимым изменениям окружающей среды в локальном и региональном масштабе, политической напряженности, экономической дестабилизации и ущербу, выводу из оборота обширных сельскохозяйственных угодий, которые будут в течение ряда десятилетий содержать радионуклиды и токсичные примеси.

Потенциальную угрозу радиоактивного загрязнения окружающей среды, включая водные бассейны и подземные воды, представляют объекты и территории, на которых осуществлялись и продолжает осуществляться разработка, производство, испытание, хранение ядерных и других радиоактивных материалов. В их числе хвостохранилища горной добычи урана (Майлуу-Суу в Кыргызстане, Чкаловск, Табошар в Таджикистане и ряд уже закрытых урановых рудников на территории Ферганской долины).

Потенциально экологически опасный комплекс хвостохранилищ рудников и сами шахты урановых разработок, включая места захоронения радиоактивных отходов в бассейне реки Майлуу-Суу на территории Кыргызстана располагаются в горной местности и подвержены оползневому явлениям во время паводков или землетрясений.

Здесь, на границе Узбекистана и Кыргызстана, на горных склонах Тянь-Шаня, в выработанных шахтах уранового рудника, начиная с 1946 года, складировались отходы ядерных производств бывшего Советско-

го Союза, Чехословакии и Восточной Германии. Общая площадь поверхности ядерного могильника составляет 1000 гектаров. По самым приблизительным оценкам, за 40 лет накопления радиоактивных веществ здесь скопилось около 2 млн. куб. метров смертельно опасных отходов. Наспех захороненные по технологиям 50-х годов прошлого века, ядерные отходы излучают до 4 тыс. микрорентген в час, что значительно выше предельно допустимых норм.

Захоронения отходов переработки урановой руды и 23 хвостохранилища угрожают перерасти в региональную экологическую катастрофу. В результате селеобразования и оползневых процессов радиоактивные отходы могут попасть в реки Майлуу-Суу, Карадарья и Сырдарья. При попадании радиоактивных отходов хвостохранилищ урановых рудников и высокоактивных захоронений в воды рек, протекающих через густонаселенные районы, региону будет нанесен непоправимый ущерб.

Проблема Майлуу-Суу является одной из злободневных не только для Узбекистана и Кыргызстана. В 1995 г. Государственным комитетом Республики Узбекистан по безопасному ведению работ в горном деле и промышленности был поднят вопрос об угрозе радиоактивного загрязнения вод реки Карадарья, впадающей в Сырдарью. Вслед за этим в апреле 1996 года под эгидой Международного фонда экологии и здоровья была проведена первая встреча представителей и экспертов ряда государств, посвященная этой проблеме.

На второй сессии Подготовительного комитета Конференции 2000 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия (Женева, 1998 г.) делегациями Узбекистана и Кыргызстана был поставлен вопрос об экологической реабилитации территории мест разработки и захоронения радиоактивных отходов. Со стороны ООН и Международного агентства по атомной энергии эти заявления были поддер-

жаны. В настоящее время МАГАТЭ осуществляет экспертную оценку потенциальной угрозы объектов захоронения радиоактивных отходов. Всемирный банк уже выделил на эту программу 1 млн. долларов, а Германский фонд международного сотрудничества предоставил систему предупреждения оползневой опасности.

Высокогорное озеро Сарез

Экологически потенциально опасным для региона трансграничным объектом является расположенное на территории Таджикистана высокогорное озеро Сарез. Проблема заключается в опасности прорыва его вод через природную плотину, т.к. уровень воды в озере все время повышается. В случае прорыва может возникнуть катастрофический паводок в долинах рек Бартанг, Пяндж и Амударья. Согласно расчетам, катастрофа может охватить территорию около 69 тыс. кв. км в Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане и Афганистане с населением около 6 млн. человек.

Наиболее трудно предсказуемая ситуация может возникнуть в случае прорыва завала Сарезского озера и обрушения 0,9 млрд. куб. м горных пород в результате землетрясения или возможного террористического подрыва плотины. Прорыв Сарезского озера, помимо человеческих жертв, повлечет за собой разрушение тысяч гидротехнических сооружений, мостов, автомобильных дорог, линий электропередач, объектов промышленного и гражданского строительства, смост и выведет из оборота десятки тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, уничтожив огромное количество представителей флоры и фауны. В результате разрушения различных объектов произойдет загрязнение водных ресурсов, почвы и самого Аральского моря.

Преодоление экологического кризиса бассейна Аральского моря нельзя рассматривать отдельно от вопроса по приведению Сарезского озера в безопас-

ное состояние. Сарезское озеро возможно также рассматривать в качестве альтернативного источника наполнения Арала или как естественный природный резервуар источника питьевой воды.

Несмотря на угрозу потенциальной опасности Сарезского озера и его уникального значения, за его состоянием ведется в настоящее время недостаточное гидрогеологическое наблюдение, хотя мониторинг состояния Сарезского озера является одной из актуальных задач безопасности, относящихся ко всей совокупности проблем бассейна Аральского моря.

На прошедшем в сентябре 1997 г. в Ташкенте совещании стран-доноров по проблеме бассейна Аральского моря были представлены технические задания на реализацию различных проектов по приоритетным направлениям на территории государств Центральной Азии. В одном из проектов по приведению Сарезского озера в безопасное состояние приводится ориентировочная стоимость его реализации — около 25 млн. долл. США.

Радиоактивное и химическое загрязнение

В последнее время отмечают факты резкого изменения минерального состава или даже обнаружения радиоактивных заражений в артезианской воде. Артезианская вода, как известно, формируется в глубинных подземных озерах (водных линзах), которые простираются на десятки или сотни километров. В то же время в регионе при добыче урана широко используют метод подземного выщелачивания. Данный метод добычи урана считается экономически эффективным, однако его влияние на экологию подземных вод может быть пагубным, если допускается халатность или нарушения технологического процесса.

Осуществление проектов центральноазиатских государств в области опасных для экологического состояния региона технологий добычи и переработки урана, в особенности в условиях реальной угрозы круп-

номасштабных террористических актов, следует проводить при полномасштабной всесторонней международной экспертизе с учетом насущных интересов населения региона.

Существует еще одна потенциальная экологическая опасность, которая обусловлена возможным прорывом моренных озер, расположенных в трансграничных высокогорных районах. Согласно полученным результатам экспертизы и оценки на местах опасности прорыва селевых потоков из горных приграничных районов Ферганской долины было обнаружено, что некоторые горные моренные озера в Кыргызской Республике, в районе Кадамжай, использовались как хвостохранилища особо опасных отходов ртутно-сурьмяной химической промышленности. Конечным результатом дренажа этих отходов через горный грунт может стать загрязнение расположенного здесь второго по величине в мире подземного озера (линзы) пресной воды.

Остров «Возрождение» на Аральском море

В конце 1940-х годов на о-ве «Возрождение» был размещен самый крупный в бывшем СССР полигон Минобороны «Бархан», где испытывали бактериологическое оружие на основе сибирской язвы, чумы, туляремии, лихорадки-Кю, бруцеллеза и других особо опасных инфекций. После развала союзного государства полигон был закрыт, а приборы и оборудование — либо частично вывезены в Россию, либо оставлены без соответствующей охраны. На месте полигона остались захоронения подопытных животных. В результате, в акватории Аральского моря возник очаг опаснейших инфекционных заболеваний. До настоящего времени он в какой-то мере нейтрализовывался тем, что был окружен водным пространством.

В связи с усыханием моря, в ближайшее время Возрождения может примкнуть к полуострову Тигровый хвост и соединиться с материковой частью

Узбекистана и Казахстана. Неизбежное нашествие зараженных сибирской язвой и другими болезнями грызунов или случайное посещение людьми неохраваемой территории может создать угрозу безопасности населения Приаралья.

Проведенные узбекскими специалистами в 1995—1999 годах исследования острова Возрождения выявили значительные территории, пораженные спорами сибирской язвы. Были обнаружены 6 могильников, содержащих отходы производства бактериологического оружия не установленной до конца этиологии. Обращения руководства Минобороны Узбекистана в Минобороны Российской Федерации с просьбой об оказании содействия и предоставлении карты полигона и мест захоронений были оставлены без должного ответа.

Кстати заметить, военное ведомство США выразило свою заинтересованность и готовность помочь Узбекистану в полной ликвидации остатков бывшего полигона. Возможно совместными усилиями распространение особо опасных инфекций удастся предотвратить и, в частности, устранить возможность их попадания в руки террористов, которые могут их использовать в качестве оружия массового поражения.

Экологический терроризм

Под технологическим терроризмом эксперты понимают, в первую очередь, использование или угрозу использования ядерного, химического и бактериологического оружия, радиоактивных и высокотоксичных химических и биологических веществ, а также попытки захвата экстремистами ядерных и иных промышленных объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, ради достижения целей политического или материального характера.

С учетом доступности технологического оборудования, необходимого для производства отравляющего

вещества, а также возможности их приобретения или самостоятельного изготовления, вероятность подобного рода преступлений выше, чем угроза ядерного терроризма. Ведь подготовка и осуществление актов химического и бактериологического терроризма могут быть реализованы одним лицом.

О вероятности возможной внешней или трансграничной экологической диверсии в регионе свидетельствует анализ социально-политической и оперативной обстановки в государствах СНГ и Южной Азии, который показывает, что не только для ядерного, но и для технологического терроризма в некоторых странах имеются достаточные предпосылки. При дальнейшем обострении социально-политической обстановки, расслоении общества, обнищании масс, а также усилении деструктивных факторов геополитики технологический терроризм из потенциальной угрозы может перерасти в действительную.

Экологическое благополучие в регионе невозможно обеспечить усилиями одной страны. Становится императивом коллективное взаимодействие и принятие совместных экстренных мер для ликвидации последствий экологических катастроф, возникновение которых может быть обусловлена как природными катаклизмами (землетрясения, оползни, сели, наводнения, засухи, лесные пожары, др.), так и террористическо-диверсионными актами. В этой связи возрастает значение проведения единой экологической политики и комплексного решения экологических проблем в регионе.

ГЛАВА 3. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ БАЛАНС СИЛ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

3.1. Геополитическая трансформация Центральной Азии

Геополитическая подоплека присутствует в большинстве исследований по Центральной Азии. Видимо, она предопределена самим историческим процессом эволюции данного региона. Британский географ Х. Макиндер был первым, кто заметил потенциальное могущество обширного региона, который он назвал Хартлэндом Евразии (Центральная Азия составляет неотъемлемую и важную часть Хартлэнда). Это могущество проистекает из такого «огромного количества населения, пшеницы, хлопка, энергоресурсов, металлов, что, неизбежно, этот обширный экономический мир, более или менее удаленный, способен развиваться вдали от океанской торговли»²².

Согласно макиндеровской концепции, железные дороги определяют будущее Хартлэнда. Несмотря на недоступность морских портов, Центральная Азия способна развить сухопутный транспорт и систему газо- и нефтепроводных коммуникаций до степени, позволяющей удовлетворять стратегические интересы в расширении экономических, политических, культурных и других связей не только с соседними странами, но и по всему миру. Предсказание Макиндера звучало следующим образом: «Кто правит Хартлэндом, правит и мировым островом (Евразией и Африкой), а кто правит мировым островом, тот правит миром».

Причинно-следственная связь между геополитикой и национальной идентификацией в Центральной Азии хорошо охарактеризована А. Бануазизи и М. Вейнером. По их мнению, «причина для анализа развития Центральной Азии в рамках геополитики заключается

в том, что способ определения каждой республикой своей идентичности — отдельно или совместно с одним или более соседями, или с представителями своего этноса в соседних странах — очевидно будет иметь значительные последствия для геополитики всего региона»²³. И дело здесь не только в том, что собственно процесс национального самоопределения приобрел геополитическую составляющую, но и само историческое развитие данного региона предопределило его геополитические параметры, значимость и статус. Действительно, если обозначить макрорегионы, окружающие регион Центральной Азии, включая сам этот регион, символическими кольцами, то можно заметить, что Центральноазиатское кольцо, находясь в середине, пересекает такие кольца, как СНГ, пространство «Шанхайского форума», ЭКО, Кавказ — т.е. Центральная Азия, оправдывая свое название, становится Хартлэндом в Хартлэнде.

Если вспомнить историю, воды Индийского океана всегда находились в центре российской стратегии в отношении ее южных соседей. Поэтому именно геополитическими соображениями можно объяснить ту или иную форму подчиненного положения Центральноазиатского региона, будь то колония России или советская республика. Хотя ханства и эмираты Центральной Азии сохраняли определенную автономию, будучи в составе Российской империи, советские республики Центральной Азии уже фактически полностью потеряли свою независимость.

Кто же сегодня центральноазиаты? Является ли Центральная Азия единым регионом или дезинтегрированным? Является ли этот регион все еще буферной зоной или его статус-кво меняется? Каковы вызовы и угрозы безопасности региона и как страны Центральной Азии будут реагировать на них? Все эти и другие вопросы определяют линию научного поиска, равно как и ограничивают в значительной степени выбор стратегии.

Среди множества публикаций по Центральноазиатской геополитике обращают на себя внимание две работы, в которых в полной мере находит свое отражение перманентная геополитическая борьба между сухопутной и морской державами. Одна работа принадлежит американскому политологу и бывшему помощнику Президента США по национальной безопасности Зб. Бжезинскому. Она называется «Большая шахматная доска. Американское превосходство и его геополитические императивы». В этой книге автор утверждает, что Соединенные Штаты не могут не быть вовлеченными в Евразийские процессы в целях поддержания формирующегося геополитического плюрализма и баланса. Более того, он предсказывает т.н. «балканизацию» Центральной Азии и Кавказа. «Доступ к ресурсам [региона — авторы] и получение доли его потенциального богатства, — пишет Бжезинский, — представляют собой те цели, которые возбуждают национальные амбиции, обуславливают корпоративные интересы, оживляют исторические требования, возрождают имперские устремления и разжигают международное соперничество... Геостратегические импликации для Америки ясны: Америка слишком далека, чтобы доминировать в этой части Евразии, но слишком могущественна, чтобы не быть вовлеченной... Россия слишком слаба, чтобы восстановить свое имперское доминирование над регионом либо исключить такое доминирование других держав, но она слишком близка и сильна, чтобы ее исключать»²⁴.

Другой автор, российский ученый А. Дугин, в своей книге «Основы геополитики» схожую идею «балканизации» обосновывает на свой манер. Так, он, в частности, политически, геополитически и расово разделяет весь регион Центральной Азии на три части — Центральный Казахстан; пустынные Туркмения и Узбекистан и горная Киргизия; Иран—Афганистан—Пакистан—Индия. Теллурократия, т.е. «Россия—Евразия», как считает автор, должна воспользоваться

таким «естественным» разделением для того, чтобы выиграть позиционную войну с талассократией, т.е. «атлантизмом». Уделяя ключевую роль в этой геополитической войне в Центральной Азии Таджикистану, который «вмещает в себе все важнейшие аспекты всего русского «Drang nach Süden», т.е. «рывка на Юг», Дугин пишет: «Фактическая граница между Таджикистаном и Афганистаном не должна восприниматься как строгая линия. Это не историческая данность, но геополитическое задание, так как в интересах Хартлэнда было бы вообще отменить здесь какие бы то ни было строгие ограничения, перенеся стратегический рубеж далеко на юг, а всю промежуточную область перестроив на основании этнокультурных, племенных и региональных границ»²⁵.

Как заметил Зб. Бжезинский, «коллапс Советского Союза трансформировал «хартлэнд» Евразии в геополитический вакуум... Поэтому, хотя и по-разному, для России и Америки геополитический вакуум может превратиться в опасный водоворот... Первая (Россия) не сможет самоустраниться из-за своих соотечественников и из-за того, что она будет вынуждена вести борьбу против вторжения в Центральную Азию южных мусульманских государств; вторая (Америка) — также рискуя встретить растущую враждебность — не сможет самоустраниться из-за своего интереса в нефти и из-за своих моральных обязательств перед Израилем»²⁶.

Сегодня мы можем с уверенностью утверждать, что являемся свидетелями, условно говоря, третьей Большой игры после первой — между Россией и Великобританией в начале XX века и второй — между Россией/Советским Союзом и США в 1979—1989 гг. в Афганистане.

Нынешняя Большая игра имеет несколько измерений: одно и, возможно, самое важное из них, связано с проблемой разрыва той цепи, которая туго сжи-

мала Центральноазиатские страны, не позволяя им избавиться от статуса буферной зоны. Несмотря на свою относительную слабость, они, очевидно, больше не намерены соглашаться с этим статусом. Чтобы решить эту проблему, они намерены, в частности, с одной стороны — развивать свои связи с крупными мировыми и региональными державами и, с другой стороны, — строить широкую сеть коммуникационных систем, таких как автомобильные и железные дороги, нефте- и газопроводы с целью получить таким образом доступ к морским торговым путям.

Тем временем можно ожидать теперь постоянного сопротивления стран Центральной Азии попыткам установления гегемонии или доминирования какой бы то ни было державы в этом регионе.

3.2. Геополитические интересы ведущих мировых и региональных держав

США

В последнее время Соединенные Штаты Америки столкнулись с необходимостью пересмотра старых и выработкой новых подходов к межгосударственным отношениям, механизмам урегулирования международных противоречий²⁷. События 11 сентября 2001 г. изменили отношение Вашингтона к проблеме региональной безопасности в Центральной Азии. Достаточно четко осознается: новые независимые государства определяют возникновение и новых геополитических тенденций, в свою очередь, оказывающих влияние на формирование стратегического баланса сил на Евразийском континенте. «Соединенные Штаты теперь в состоянии распространить свое политическое присутствие на новые государства Евразии, однако они не играют решающей роли в Центральной Азии», — подчеркивал в свое время Зб. Бжезинский²⁸. Однако он же впоследствии признал, что становится императивом не допустить доминирования в Евразии какой бы

то ни было державы, способной бросить вызов Америке²⁹.

При разработке внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии США учитываются следующие факторы: состояние политической и экономической стабильности региона, государств, его составляющих; геополитическая ситуация, возможность распространения исламского фундаментализма и экстремизма; сырьевые ресурсы, потенциал как рынка для американских товаров и сферы приложения американского капитала, возможность формирования условий беспрепятственного экономического и финансового доступа³⁰.

Ряд американских специалистов продолжает выделять проблемы, которые можно рассматривать как барьеры на пути развития процесса Центральноазиатского сотрудничества и успешной интеграции в мировое сообщество: военно-стратегические, экономические разногласия, наличие нерешенных проблем, связанных с делимитацией и демаркацией государственных границ³¹. В частности, отмечается наличие множества этнических групп, языков и возможность политизации ислама, угроза межэтнических и межклановых конфликтов; уменьшение товарооборота между республиками; отсутствие в регионе общих экономических предпосылок для экспортной специализации; разный экономический потенциал республик, особенно в ресурсах: с одной стороны — богатые ими Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, с другой — Таджикистан и Кыргызстан; наконец, водоснабжение региона и существование основного спорного вопроса распределения водных ресурсов. С другой стороны, подчеркивается, что в регионе существуют и факторы, способствующие созданию благоприятных условий для успешного развития: взаимосвязанность экономик, региональная система транспорта и коммуникаций, общие стандарты и менталитет. Определенные условия для координации политики государств регио-

на могут создать общие интересы в установлении безопасности и стабильности, предотвращении межэтнических столкновений, распространения исламского фундаментализма³². Эксперты обращают внимание на то, что не следует рассматривать Центральную Азию как «часть бывшего Советского Союза», «ближнее зарубежье» России или «часть мусульманского мира»³³, а как часть мира, где США имеют значительные интересы, «исходя из того, что регион представляет собой сейчас и какой потенциал он имеет в будущем»³⁴.

По мнению специалистов, ситуацию в регионе, в первую очередь, определяют следующие факторы:

— сохранение стабильности в Центральной Азии, и с этой целью необходимость усиления консолидации государств;

— экономическое развитие;

— устранение опасности со стороны радикальных исламских движений;

— взаимодействие и баланс интересов США, России и Китая, которые, в свою очередь, зависят от перемен в странах региона.

С точки зрения многих мозговых центров, обслуживающих нынешнюю республиканскую администрацию, следует активно использовать стратегические возможности, т.к. США «имеют большую свободу для маневра в Евразии, чем когда-либо раньше и впервые в истории доступ в глубь Евразии и к ее богатым экономическим ресурсам»³⁵.

Обращает на себя внимание, что во многих своих официальных выступлениях и публикациях в зарубежных СМИ представители США последовательно пытаются закрепить в общественном сознании представление об американских целях и интересах в Центральной Азии, которые укладываются в формулу из следующих тезисов: 1) создание демократических политических институтов; 2) осуществление рыночных экономических реформ с целью ускорения экономи-

ческого развития; 3) развитие регионального сотрудничества между центральноазиатскими странами и их интеграция в мировое сообщество; 4) проведение эффективной политики в области безопасности, включая борьбу против терроризма и торговли наркотиками. Символически эти направления можно представлять как стратегический проект администрации Буша в отношении Центральной Азии.

В США сегодня растет понимание того, что содействие экономическому росту Центральной Азии способствует политической стабильности и может стать эффективной силой противодействия радикальному исламскому влиянию. Регион все больше приобретает привлекательность с точки зрения разработки богатых сырьевых ресурсов, освоения потенциального рынка и сферы приложения американского бизнеса.

В экономической сфере взаимоотношений региона с США вопрос энергетических ресурсов, вероятно, один из самых основных. Геополитические цели Вашингтона в этом ракурсе состоят в поддержке развития нефтегазовой промышленности в странах Центральной Азии. Особое значение приобретает развитие энергетического транспортного коридора Восток—Запад, который может обеспечить надежный и эффективный способ экспортирования энергетических ресурсов региона для удовлетворения растущих мировых потребностей в нефти и продуктах нефтепереработки. Главное ударение в этой связи американская дипломатия делает на региональное сотрудничество, в отсутствии которого инвесторы не решаются активно финансировать строительство трубопроводов. Это первостепенное необходимое условие ускорения развития многосторонних транзитных путей для доставки энергетических ресурсов региона на международные рынки.

Активно действуют в регионе Экспортно-импортный банк США (Export-Import Bank), Корпорация

зарубежных частных инвестиций (Overseas Private Investment Corporation) и Агентство по торговле и развитию (Trade and Development Agency), программы которых поддерживают участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры: коммуникаций и транспорта, включая воздушный транспорт, дороги, железные дороги, порты; энергоснабжения и торговли; банковской системы; системы страхования; телекоммуникационных сетей; нефтепроводов и газопроводов.

США стремятся оказать поддержку процессам реформ, структурного преобразования экономики, развития инфраструктуры в регионе, преодоления торговых барьеров, включая создание всех условий, необходимых для экономического регионального сотрудничества. В этих целях они оказывают более активное содействие в разработке политических решений, законов и норм регулирования, способствующих развитию центральноазиатских республик в направлении рыночной экономики, в том числе их вступлению в ВТО. Рассматривается возможность установления «нулевого» тарифа с США и сокращения нетарифных барьеров для торговли.

Таким образом, Соединенные Штаты продолжают содействовать созданию благоприятного делового климата в регионе, считая, что установление определенных норм, ясного налогового законодательства, честной практики ведения бизнеса, развитие инфраструктуры и региональной кооперации обеспечат условия для активного проникновения американского капитала.

Особой сферой американской внешней политики является поддержка процессов демократизации и развития гражданского общества в регионе, которая предусматривает помощь демократическим институтам, неправительственным организациям, средствам массовой информации, международным программам обмена

и профессиональной подготовки. Вместе с тем отмечается, что американская поддержка не должна основываться на приоритете идеи распространения демократии, важно признание всей сложности имеющихся задач и необходимости определенного периода для принятия демократических ценностей обществами региона. Крайне значимо содействие различного рода программам в здравоохранении, технической подготовке, финансовое обеспечение проектов в области экологии и распределения водных ресурсов, проведения судебной и правовой реформы, проектов гражданского образования и развития сети Интернет. Зб. Бжезинский отмечает: «Проблема прав человека важна как долгосрочное устремление, как цель, которая должна быть признана и преследуема. Но это также подразумевает признание того факта, что движение к этой цели не означает немедленного достижения. Нам надо понимать, что эти государства вышли по сути из колониальных взаимоотношений, которые не способствовали созданию демократической политической культуры. Выращивание демократической политической культуры требует времени, но это должно быть тем, к чему следует сознательно стремиться. Так что, на данном этапе наших отношений с этими странами, я бы сказал, цель сохранения их независимости должна преобладать над целью реализации всей совокупности прав человека»³⁶.

В то же время, особую озабоченность ряда экспертов вызывает вопрос эффективной реализации американских программ в республиках Центральной Азии, частое их несоответствие реальной ситуации, иногда слабая координация³⁷. Подчеркивается, что не уделяется должного внимания особенностям развития стран, недостаточно глубоко рассматриваются первостепенные проблемы региона, не развит последующий мониторинг.

Тем временем на современном этапе развития сотрудничества с США особое значение имеют пробле-

мы глобальной и региональной безопасности, взаимодействие в рамках международных организаций, сотрудничество в области конверсии оборонной промышленности, борьба с международным терроризмом и наркобизнесом, распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), ядерных технологий, сотрудничество по программе НАТО «Партнерство ради мира».

Согласно взглядам многих американских аналитиков, наиболее надежным партнером США в регионе является Узбекистан как наиболее эффективный в экономическом и стабильный в политическом плане³⁸. При этом принимается во внимание, что республика активно отстаивает свою независимость, разработав эффективную программу, принимающую во внимание экономическую структуру, ресурсный потенциал, этнические, демографические особенности и традиции. Подчеркивается факт наличия огромных людских ресурсов, сырьевой базы, выгодного геостратегического положения, а также способность играть конструктивную роль в сохранении стабильности в регионе и потенциал стать союзником.

Следует отметить, что в своей стратегии оказания помощи странам региона Вашингтон обращает первостепенное внимание на внешнеполитический курс этих стран, степень его соответствия международному праву, насколько руководство конкретной страны стремится поддержать усилия США по недопущению разработки оружия массового уничтожения, экспорта материалов, запрещенных законами экспортного контроля за оружием и контроля за химическим и бактериологическим оружием³⁹. Но оговаривается, что в некоторых случаях могут быть исключения, если такая помощь отвечает национальным интересам США, способствует установлению стабильности и порядка⁴⁰.

В целом, американские исследователи считают, что США должны сфокусировать внимание на развитии прочных экономических связей, дипломатического сотрудничества, военной подготовки (обучения), что не-

обходимо усилить координацию между правительством и компаниями, включенными в проекты развития энергоресурсов и транспортных коридоров региона⁴¹.

Вместе с тем, США допускают, что развитие событий в данном конфликтогенном регионе и вокруг него может в будущем неожиданно стать фактором международной нестабильности и напряженности. В этой связи, видимо, не случайна передача региона Центральной Азии с 1998 года в зону ответственности Центрального командования Вооруженных сил США в мирное и военное время, которая, по мнению специалистов, резервирует возможность американского участия в сохранении стабильности и безопасности в этом регионе и тем самым обеспечения долгосрочных интересов США. В частности, главный специалист Американского совета внешней политики в Вашингтоне Уэйн Мерри считает, что «Центральная Азия представляет собой скорее долгосрочную, чем непосредственную задачу для американских интересов, аналогичное же отношение необходимо выработать и в плане стратегии»⁴².

Обращает на себя внимание стратегия национальной безопасности США, принятая администрацией Дж. Буша в сентябре 2002 года, в которой на основе новых стратегических подходов к международным отношениям после 11 сентября 2001 года, диалектически развиваются традиционные направления американской внешней политики. «Соединенные Штаты должны инвестировать время и ресурсы в строительство международных отношений и институтов, которые могут способствовать разрешению локальных кризисов, когда они возникают. Соединенные Штаты должны быть реалистичны относительно своей возможности помогать тем, кто не желает или не готов помочь самим себе. Где и когда люди будут готовы сделать свою часть работы, там и тогда мы будем стремиться действовать решительно»⁴³.

Как видим, антитеррористическое направление

внешней политики США, занимающее центральное место в новой стратегии национальной безопасности, не заслонило традиционной установки на обусловленность американской поддержки странам действительными и решительными усилиями последних в направлении укрепления демократических институтов и рыночной экономики. Вашингтон остается приверженным своим доктринам, обосновывающим цель распространения демократии и поддержки свобод и в этом вопросе консервативное направление американской внешнеполитической мысли пересекается в определенной мере с либеральным направлением.

Теперь самое важное для стран данного региона — сохранить тенденцию сближения с Соединенными Штатами и сделать это, избегая возобновления традиционного геополитического соперничества мировых и региональных держав в Центральной Азии по модели «игры с нулевой суммой». Американское военно-политическое присутствие в регионе в связи с антитеррористической операцией в Афганистане стало своеобразным тестом как для США, РФ, КНР и других внерегиональных субъектов центральноазиатской геополитики, так и собственно для внутрирегиональных субъектов.

Как новые независимые государства региона строят свои отношения с США — на основе индивидуальных национальных интересов или с учетом факта существования общерегиональных интересов — вот главный вопрос сегодняшней повестки дня американо-центральноазиатских отношений.

РОССИЯ

Россия занимает огромную площадь на суше и имеет наиболее выгодное геополитическое положение («Хартлэнд») в мире, позволяющее ей гибко и в широких масштабах осуществлять геостратегический маневр. Хотя Российская Федерация, как это следует из ее Концепции внешней политики, воспринима-

ет себя как евроазиатская держава, в цивилизационном отношении классические представления о евразийской природе России в нынешних условиях формирования нового мирового порядка в определенной мере модифицируются. В частности, вновь оживились дискуссии о соотношении западного и восточного как в менталитете российского общества, так и во внешнеполитических ориентациях российского государства. Ярким примером этого могут служить дебаты в российских политических кругах по вопросу об отношении к расширению НАТО на Восток и перспективах сотрудничества со структурами этой североатлантической организации.

Следует отметить, что новая российская геополитика находится в стадии формирования и еще подвержена определенным колебаниям. В частности, это объясняется тем, что постсоветская политическая, экономическая, социальная и культурная трансформация в странах СНГ еще не завершилась. Это неизбежно будет сказываться на характере и динамике российской политики по отношению к ним (в том числе в центральноазиатском направлении). В российском истеблишменте с переменным успехом соперничают различные подчас альтернативные подходы к выработке стратегии РФ по отношению к странам СНГ.

Несмотря на то, что в России преодолен экономический спад и наступил этап подъема, во многом противоречивым является внутривнутриполитический процесс. Наблюдается коренной пересмотр основ политической системы и экономической модели, созданных в ельцинский период. В последние годы заметно усилился процесс поиска национальной идеи, создания так называемой национальной идеологии. От всех этих процессов во многом будет зависеть новый международный имидж России, что отразится и на отношении к ней других государств, прежде всего в рамках СНГ.

Более того, центральноазиатская геостратегия РФ,

несомненно, включает в себя и позицию России в афганском вопросе. Поскольку геополитические процессы в регионе Южной Азии всегда формировались в ходе соперничества между Россией/СССР/Россией и Великобританией/США, то и теперь афганская проблема во многом решается в плоскости российско-американских стратегических взаимоотношений в макрорегионе Центральной-Южной Азии.

В центральноазиатском направлении у России в начальный период провозглашения независимости стран региона доминировала традиционная российская геополитика. После развала бывшего союзного государства продолжительное время Москва не имела четко выраженной линии в отношении постсоветской Центральной Азии.

На начальном этапе Россия смогла обеспечить для себя определенные стратегические позиции в рамках Договора о коллективной безопасности, сохранив за собой базы на территории Таджикистана и организовав, при участии Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, миротворческую операцию в Таджикистане. Москва предпринимает энергичные усилия по продолжению интеграции постсоветских стран в рамках Содружества независимых государств, она выступила инициатором создания Таможенного Союза (переименованного позже в ЕврАзЭС), стала наблюдателем в ЦАС (Организации Центральноазиатского сотрудничества). Иначе говоря, она стремится создать постсоветскую интеграционную институциональную систему. Остается открытым вопрос — какие возможности имеются у России для сохранения доминирующего влияния на постсоветское пространство. Ряд российских аналитиков считает, что России пора отказаться от претензий на военно-политическую монополию и привести свою политику в соответствие с действительными интересами и возможностями. По мнению профессора МГИМО С. Солодовникова, про-

цесс сворачивания присутствия и влияния России на постсоветском пространстве заметно ускорился вследствие присоединения стран СНГ, прежде всего Центральной Азии, к военным программам США и «в значительной степени этот процесс развивался и в предшествующие годы. Основой данной негативной для интересов России динамики послужило явное несоответствие между постулированием внешнеполитических целей РФ в СНГ, с одной стороны, и ресурсным обеспечением соответствующей политической линии на практике, с другой. В течение последних десяти лет Москва постоянно стремилась к недопущению влияния Запада в рамках СНГ. В то же время Россия не смогла заменить Запад не только с точки зрения экономического ресурса, но и в плане гарантий внутривнутриполитической безопасности существующих режимов и элит в странах СНГ»⁴⁴.

Известно, что Россия сохраняет за собой второе место в мире по средствам, выделяемым на развитие и поддержание вооруженных сил и вооружений по отношению к ВВП. Однако уровень ее ВВП составляет 10% американского, Россия выбыла из «десятки» крупнейших экономических держав мира. Постоянные займы, высокая задолженность вели ко все большей финансовой зависимости от Запада, на основе чего некоторые аналитики высказывали даже предположения о возможности подчинения РФ западному диктату в решении актуальных международных проблем⁴⁵.

Приход В. Путина к власти в России обусловил начало нового курса, своеобразной новой перестройки как во внутренней, так и во внешней политике. Обращает на себя внимание, что центральноазиатское направление признается нынешним руководством РФ как стратегически важное для российского государства. Однако России приходится переживать сложный и болезненный процесс переоценки своего статуса и реорганизации своей стратегии именно в отноше-

нии Центральной Азии. Более того, как отмечалось, геополитическая трансформация Центральной Азии поставила Россию перед неизбежностью и необходимостью корреляции своих интересов с интересами «вошедших» в регион США, КНР, ЕС, Турции, Ирана, Пакистана, Индии, Японии.

Так, в частности, относительно новым фактором для российских стратегов стало возобновление соперничества Турции и Ирана за влияние в регионе на основе использования этнической и конфессиональной близости с народами Центральной Азии. Значительная идеологическая компонента этого соперничества не просто служит инструментом влияния на тюркские и персоязычные народы этого ареала, но и, в определенной степени, заполняет идеологический вакуум, который образовался здесь после прекращения советской гегемонии.

Несомненно, с геополитической точки зрения, российский фактор всегда будет весомым в Центрально-азиатском регионе, прежде всего в силу географического расположения региона между Россией и Китаем, которые неизбежно будут стремиться выступать в качестве центров экономического и политического притяжения для государств региона.

Однако, отношение к данному региону в рамках концепции «историческая зона влияния» вряд ли будет сегодня адекватным. Правда, новое прочтение этой концепции отразилось в таких тезисах, как «формирование пояса добрососедства по периметру российских границ», «содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения потенциальных очагов напряженности и конфликтов», а также «всесторонняя защита прав и интересов российских граждан и соотечественников за рубежом»⁴⁶. Тем временем, реликтовые проявления имперского подхода к новым независимым государствам в российском истеблишменте наблюдаются и по сей день. Подтверждением тому стала позиция различных политических сил в

РФ по вопросу участия России в антитеррористической коалиции, а также их реакция на американское военно-политическое присутствие в Центральной Азии.

Так, через три дня после террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне министр обороны России С. Иванов заявил, что Средняя Азия находится в пределах юрисдикции ДКБ СНГ и нет никаких причин, даже гипотетических, для предположений о том, что НАТО могла бы проводить операции с территории государств Средней Азии, членов СНГ.

Председатель государственной Думы Г. Селезнев заявил, что России «не хотелось бы, чтобы в Центральной Азии появились постоянные военные базы США... Нужно сделать все для того, чтобы Центральная Азия стала зоной интересов России, а не США»⁴⁷.

В связи с этим обращает на себя внимание аргументация ведущего аналитика американского Фонда «Наследие»: «Ввод американских вооруженных сил в Среднюю Азию является очевидным источником раздражения для Москвы. Однако, испытывая недовольство в отношении недавнего геополитического поворота событий, российские политические и военные деятели должны признать, что они сами отчасти ответственны за военное присутствие США в регионе»⁴⁸. По его мнению, неспособность России ответить на возникшие за последнее десятилетие такие важнейшие угрозы, как наркоторговля и расширение исламского фундаментализма в Средней Азии, стала одним из факторов, вызвавших цепочку событий, которые привели к антитеррористической операции в Афганистане.

В последнее время, в свете изменившегося международного положения, российское руководство демонстрирует прагматичный подход в отношении стран СНГ, в том числе Центральной Азии. Одновременно наблюдается явное стремление РФ улучшить свои отношения с Западом и прежде всего с США, что в некоторой степени может сгладить «дискомфорт», воз-

никший в связи с американским «вхождением» в Центральную Азию и «вытеснением» из нее России. Стремление Москвы создать представление о согласованности российско-американских позиций на основе *rapprochement* в центральноазиатском вопросе, видимо, направлено на достижение следующих целей:

во-первых, это создает в мировом сообществе представление о том, что Россия отказывается от бывших притязаний советской империи, что негативно влияло на имидж постсоветского руководства РФ, особенно при контактах с развитыми государствами;

во-вторых, переход на статус региональной державы дает России возможность сохранять влияние на глобальные процессы более продуктивно и с гораздо меньшими для себя издержками;

в-третьих, это позволяет Москве укрепить политический диалог с Вашингтоном и рассчитывать на определенные преимущества в отношениях с США;

в-четвертых, это придает новое качество отношениям России с традиционными союзниками Вашингтона в Западной Европе, что усиливает позиции России на Евразийском континенте.

Ряд ведущих российских экспертов подчеркивают, что военно-политическое присутствие США в Центральной Азии создает выгодные для России условия для обеспечения ее безопасности благодаря возможности уменьшения угроз исламского экстремизма, терроризма и потока наркотиков с юга, а, следовательно, для более активного проведения социально-экономических реформ в стране.

При этом основным требованием Москвы к западным странам, разумеется, остается учет ими российских интересов в Центральной Азии. В свою очередь, в настоящее время Вашингтон демонстрирует, что интересы России в регионе соблюдаются. В частности, ряд совместных заявлений об антитеррористическом сотрудничестве, о ситуации на Ближнем Востоке, о развитии российско-американских экономических

связей, о новом российско-американском энергетическом диалоге, о российско-американских контактах между людьми, а также совместная российско-американская Декларация о новых стратегических отношениях между РФ и США, принятые во время официального визита президента США Дж. Буша в Москву в мае 2002 года, обозначили заметный поворот в отношениях двух государств не только в вопросах обеспечения глобальной стратегической стабильности, но и в так называемом центральноазиатском вопросе.

В совместном заявлении об антитеррористическом сотрудничестве говорится: «Считая, что суверенитет, долговременная стабильность, процветание и дальнейшее демократическое развитие государств Центральной Азии отвечают стратегическим интересам России и США, мы обязуемся придерживаться транспарентности и сотрудничества в наших отношениях с государствами Центральной Азии»⁴⁹.

Видимо, Москва не должна препятствовать, как того могут желать некоторые политические силы в России, ею же инициированному процессу создания государственности и современных наций в Центральной Азии. В противном случае, неизбежно усиление и распространение антироссийских настроений как на общественном, так и на политическом уровнях.

В среднесрочной перспективе в интересах РФ даже не усиливать, а уменьшать свое военно-политическое присутствие в регионе, с учетом неизбежности, в противном случае, возникновения подозрений о неоимперских амбициях России. Хотя в последнее время морально-политическая инициатива поддержки независимости и суверенитета центральноазиатских стран перешла к Западу, первоначально в мировом общественном мнении преобладало представление о том, что эта инициатива принадлежала именно России. Однако, в конечном счете, наилучшей формулой для Центральной Азии было бы всестороннее содействие со стороны мировых держав в создании и укреплении

в этой части мира системы региональной безопасности.

В этих условиях основные усилия России на центральноазиатском направлении, как представляется, будут сфокусированы на защите российских экономических, особенно энергетических интересов и развитии сотрудничества в сферах безопасности, бизнеса, военной, культурных связей.

Среди основных механизмов реализации подобной политики следует отметить активизацию усилий России по повышению статуса ДКБ и ЕврАзЭС. В частности, на сессии Совета коллективной безопасности, прошедшей в Москве 14 мая 2002 года, принято решение о преобразовании Договора о коллективной безопасности в международную региональную организацию — ОДКБ и начата разработка уставных документов.

В рамках ЕврАзЭС идет обсуждение проектов подписания в мае 2003 года договора о сотрудничестве в вопросах охраны внешних границ, а также договоров, определяющих механизм защиты внутреннего рынка евроазиатского экономического сообщества и неприменения специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер во взаимной торговле. Рассматривается также вопрос создания единого транспортного и энергетического пространства. Помимо проведения политики в рамках ЕврАзЭС, Россия идет на активизацию своей политики в отношении каждого центральноазиатского государства-члена этого Сообщества.

С **Казахстаном** подписано двустороннее соглашение на транзит 15 млн. тонн казахской нефти в год по нефтепроводу Атырау—Самара и увеличение казахского нефтяного экспорта по нефтепроводу КТК до запланированных 67 млн. тонн в год. В результате Россия сможет оставаться главным партнером Казахстана в области транспортировки нефти как минимум до 2010—2012 гг., когда добыча нефти в этой

стране, предположительно, возрастет до 150 млн. тонн в год, что потребует ввода новых транспортных магистралей. России также удалось достигнуть договоренности с Казахстаном о совместной разработке спорных месторождений северной части каспийского шельфа «Хвалышское» и «Курмангазы», в качестве российских операторов которых выступают компании «Лукойл», «Роснефть» и «Зарубежнефть». Наряду с этим, Москва смогла договориться с Астаной о сотрудничестве в освоении казахских газовых месторождений.

С Кыргызстаном был достигнут значительный прорыв в области военно-технического сотрудничества, характеризующийся достижением 16 июня 2002 года соглашения о размещении военного контингента КСБР на аэродроме Кант. Кыргызская сторона также согласилась продлить на срок от 7 до 15 лет договор об аренде земельных участков под российские военные базы — полигон «Озеро» на берегу Иссык-Куля и узел связи ВМФ под Бишкеком. В свою очередь Москва подтвердила готовность выделить 4,1 млн. рублей на модернизацию кыргызской системы ПВО, которая входит в Объединенную систему противовоздушной обороны стран СНГ, а также согласилась готовить национальные военные кадры на безвозмездной основе.

С Таджикистаном России удалось вновь нормализовать свои отношения, некоторое обострение которых было отмечено после того, как Душанбе дал свое согласие на базирование американской авиации на аэродроме в Кулябе, а также стал демонстрировать стремление на сближение с США.

Помимо стран, входящих в ЕврАзЭС, Россия активизировала свою политику и в отношении **Туркменистана**, основным элементом которой стал вопрос закупки и транспортировки туркменского газа. Возобновлены переговоры между Газпромом и корпорацией «Туркменнефтегаз» о закупках в течение ближайших 10 лет 30—60 млрд. кубометров туркменского газа

в год. Россия является основным партнером Туркменистана в области транспортировки газа (70% операций с природным газом).

В политике РФ по отношению к Узбекистану, с точки зрения геополитических интересов, первоочередной целью, по-видимому, станет стремление к обеспечению «прозрачности» узбекско-американского сотрудничества. На нынешнем этапе в Москве, как отмечалось выше, достаточно сдержанно относятся к американскому присутствию в республике. В то же время, как представляется, именно от характера отношений между Москвой и Ташкентом зависит не только форма и содержание российского влияния в Центральной Азии, но и во многом собственно судьба СНГ.

Исходя из такого расклада, думается, можно сделать определенный вывод о наличии достаточного резерва прочности позиций РФ в Центральной Азии. Поэтому вряд ли обоснованны расхожие суждения о вытеснении России из Центральноазиатской политической и экономической арены, якобы, за счет вступления на эту арену Запада и прежде всего США.

В этой связи упомянутый выше российско-американский саммит в мае 2002 года многое прояснил для мирового сообщества. Он свидетельствует о выходе этих держав на новый уровень стратегических отношений. Это нашло свое отражение также в создании российско-американской комиссии по Афганистану, которая, как подчеркивается в совместном российско-американском заявлении, переименована в Рабочую группу по борьбе с терроризмом. Судя по всему, Москва и Вашингтон постепенно выходят на действительно взаимоприемлемые варианты своих стратегий в Центральной Азии.

Исследователи российской геополитики сталкиваются с очевидным дуализмом в отношении Центральной Азии. С одной стороны, Россия стремится усилить свое присутствие в регионе и создать пророссийские блоки из постсоветских стран Центральной Азии с

привлечением к участию Китая, Ирана — в классическом представлении противников атлантизма. С другой стороны, она в последнее время все более интегрируется и склонна действовать сообща с атлантическим миром (например, странами НАТО). Последнее выражается в победе западной линии в российском истеблишменте — образовании так называемой «двадцатки» в рамках процесса «Россия—НАТО». Наконец, в нынешних условиях самым важным инструментом геополитического влияния России в Центральной Азии, очевидно, является СНГ.

Еще одним рычагом проведения российской геополитики и обеспечения своего стратегического влияния в Центральной Азии является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Но все же центральное место в так называемом центральноазиатском вопросе в ближайшей и среднесрочной перспективе будет занимать собственно перспектива регионального объединения этих государств. Каким же будет отношение России вообще к интеграционным процессам в этом регионе? Думается, это фундаментальный вопрос — он одновременно и геополитический, и стратегический, и идеологический. Именно отношение РФ к объединению региона по сути может служить лакмусовой бумажкой для проверки содержания ее новой постсоветской стратегии.

Можно согласиться с Д. Трениным, который, анализируя российскую стратегию в XXI-м веке, приходит к выводу: «России выгоднее стать успешной страной XXI века, чем оставаться архаичной великой державой XIX столетия. Но для этого нужно изменить самовосприятие, перестать обижаться на превратности судьбы и более удачливых соперников, отказаться от мистики и миссионерства. Необходимо понять, что в эпоху глобализации преобладают игры с ненулевой суммой, а право вето — это далеко не единственная и не самая эффективная гарантия защиты интересов.

Надо перенести акцент с традиционной геополитики на приспособление к глобализации...»⁵⁰.

КИТАЙ

После признания независимости государств Центральной Азии Китайская Народная Республика уделяет большое внимание изучению их политических, экономических и социальных условий, создав ряд центров по исследованию региона в ведущих университетах и научно-исследовательских институтах Академии Общественных наук при Государственном Совете КНР, а также обращает большое внимание на подготовку специалистов. Эти меры оказались весьма результативными. Китайскими учеными был внесен весомый вклад в процесс выработки новой концепции политики КНР в Центральной Азии.

КНР достигла больших успехов в своем развитии, однако она находится под сильным давлением таких внутренних факторов, как перенаселенность, проблематичность обеспечения занятости населения и реализации продукции, потребность в модернизации предприятий в условиях наполнения внутреннего рынка, наличие больших трудностей в реформировании государственных предприятий, самообеспечение некоторыми природными ресурсами и т.д.

Несмотря на усиление в стране политики ограничения рождаемости, численность населения неуклонно растет, в 2010 году она составит около 1.4 млрд. Нехватка земель остается важной проблемой, ценой больших затрат государство направляет свои усилия на освоение пустынных земель. Тем не менее, объемы освоенных земель отстают от постоянного роста численности сельского населения. В настоящее время в плотно населенных регионах Китая на душу населения приходится менее 0,15 га посевных площадей⁵¹. В области занятости населения спрос опережает предложение. Эта проблема усугубляется постепенной механизацией процесса промышленного и

аграрного производства, а также банкротством нерентабельных предприятий.

Наполнение внутреннего рынка и перепроизводство некоторых видов продукции, особенно товаров народного потребления, порождают в КНР новые проблемы, экспорт становится важнейшим фактором в их решении. В этих условиях для КНР использование рынка Центральной Азии стало актуальной задачей.

После провозглашения независимости странами Центральной Азии у КНР появилась возможность создания альтернативных транспортных коридоров в Европу через территорию Центральной Азии. А это, в свою очередь, связано с тем, что в условиях жесткой конкуренции перед Китаем встала проблема выхода на мировые рынки с конкурентоспособными товарами. Решение этой проблемы требовало, помимо прочего, снижения стоимости перевозок ввозимого сырья и оборудования, а также экспорта готовых изделий. В этом плане создание кратчайших железнодорожных и автомобильных маршрутов в Европу, Южную Азию и Ближний Восток имело большое значение. В этой связи возрождение Великого Шелкового Пути стало необходимостью для КНР, что еще больше усилило ее интерес к Центральной Азии.

Заинтересованность Пекина в этом плане еще больше повысилась после открытия межконтинентальной железной дороги через регион в Европу и Ближний Восток, так как это предоставило Китаю некоторую транспортную независимость от России. Кроме того, эта дорога объединяет интересы многих стран, которые будут взаимодействовать и проявят заинтересованность в защите общей безопасности и стабильности.

После распада бывшего СССР изменились основы политических и экономических взаимоотношений Китая с Россией. Длительные пограничные споры с СССР в регионе утратили свое значение. Исчезло формировавшееся в период царской России и разви-

вавшееся при СССР военное давление на Китай, которое влияло на его внешнюю политику. Опасным для Пекина вопросом, оставшимся от прежних времен, был вопрос о ядерном потенциале в Центральной Азии⁵².

Граница КНР с Россией стала намного короче, что существенно сокращает расходы на ее охрану, между двумя странами образовалось буферное пространство из сравнительно небольших государств (Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана), которые не представляют для Китая угрозу. Это создает благоприятные условия для развития Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) путем крупных капиталовложений, повышения роли района в освоении рынка ЦА.

«Современное установление КНР дипломатических отношений с государствами ЦА создало возможность предотвращения планов проникновения Тайваня в этот регион различными способами»⁵³.

Все эти моменты в совокупности влияют на геополитику КНР в Центральной Азии, которая рассматривается Пекином как жизненно-важный для КНР регион⁵⁴. Китайские ученые, подчеркивая значение региона для Пекина, отмечают, что «Китай не может без Центральной Азии, а регион — без Китая», и что «государства Центральной Азии не смогут обходиться без помощи и поддержки Китая в обеспечении собственной безопасности»⁵⁵.

Еще в мае 1996 г. во время своего визита в Казахстан, председатель КНР Цзян Цзэминь, подчеркивая особое значение Центральной Азии для Китая, отметил необходимость поднятия отношений Китая с государствами региона на «высокий стратегический уровень»⁵⁶. Активность КНР в развитии Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) является конкретным примером воплощения указания китайского лидера.

После начала антитеррористической операции США

в Афганистане не только возросло значение Центральной Азии для всего мира, но и изменилась ситуация в самом регионе. Это нашло свое отражение, главным образом, в усилении сотрудничества отдельных государств региона с США в борьбе против международного терроризма и установлении мира в Афганистане. Разумеется, это сотрудничество дает импульс развитию связей региона не только с США, но и их союзниками в различных сферах. Это обстоятельство в Китае рассматривается как дальнейшее усиление позиции США и их союзников в ЦА. Некоторые китайские аналитики выражают озабоченность таким развитием событий. В частности, заведующий отделом «Восточной Европы и Центральной Азии» Института исследования международных проблем КНР Ци Хао отмечает, что «США активизируют свои действия в Центральной Азии, регион выбран американцами как важная база для осуществления военных действий в Афганистане, американские вооруженные силы, войдя в регион под предлогом антитеррористической борьбы, изменили ситуацию»⁵⁷.

Более тревожный тон чувствуется в статье Чжан Тегана⁵⁸, который отмечает, что «США, создавая вокруг Афганистана базы, в определенной форме смогут укрепиться в Центральной Азии и в военном отношении на востоке препятствовать Китаю, на севере сдерживать Россию, на юге контролировать Индию, а в плане энергоресурсов получить еще большие выгоды».

По мнению китайских аналитиков, обретение независимости государств Центральной Азии породило некоторые «негативные для КНР» факторы. По мнению Син Гуанчэна⁵⁹, эти факторы, главным образом, заключаются в следующем:

— Центральная Азия вновь стала местом взаимовлияния и столкновения различных идей, политико-экономических взглядов, религиозных течений, культур. Возникла благоприятная почва для распростра-

нения фундаментализма и развития идеи объединения тюркских народов и государств на новой основе, что может повлиять на стабильность западных национальных районов КНР;

— ядерный потенциал региона может стать серьезной угрозой для Китая;

— возникла задача изоляции СУАР от влияния фундаментализма и «пантюркизма» путем укрепления границ с соседними центральноазиатскими государствами;

— Центральная Азия стала объектом геостратегических и геополитических интересов крупных держав, с которыми трудно соперничать, а страны региона имеют тесное сотрудничество с этими державами;

— усиление позиций США в Центральной Азии несет определенную угрозу Китаю.

Отмеченные выше факторы, как считает китайский аналитик, вынуждают Китай учитывать интересы всех заинтересованных государств и вести гибкую политику в отношении стран региона и вокруг него. Вместе с тем, в Китае понимают роль российского фактора, которая может повлиять на стабильность региона и сохранять контроль над ним. Однако Китай не заинтересован в восстановлении прежнего влияния России в Центральной Азии⁶⁰.

Кроме того, китайские аналитики считают, что Центральноазиатский регион стал носителем фактора риска для Китая, связанного с тем, что в республиках Центральной Азии живут народы, часть которых проживает на территории КНР. После обретения независимости этими республиками в регионе развивается национальное самосознание, влияющее на умы жителей западных районов КНР. Поэтому перед Китаем встала проблема изоляции жителей западных районов страны от родственных народов республик Центральной Азии и предотвращения проникновения идей независимости в эти районы.

На базе анализа положительных и негативных

факторов складывающейся ситуации в Центральной Азии в Китае приходят к выводу, что новая ситуация в постсоветской Центральной Азии в целом является благоприятной для КНР⁶¹. Однако, не все государства Центральной Азии могут быть объектом связей с одинаковым значением⁶².

В определении своей геополитики в отношении Центральной Азии, в Китае учитывают также перспективы развития региона. С точки зрения возможного развития ситуации, в новом столетии регион будет приобретать более важное значение, окажет большое влияние на развитие мировых процессов и международных отношений. С экономической точки зрения, в перспективе Центральная Азия и окружающие страны станут крупным источником энергоресурсов для всего мира, а с политической — прочная и сильная система президентской власти может создать в странах Центральной Азии условия для развития экономики и процветания общественных систем. Возможно, в этом регионе формируются государства с новой политической моделью⁶³. Республики региона вместе могут стать отдельным крупным центром экономического развития и интегрируют в мировую систему в качестве политического и экономического полюса мира⁶⁴.

Характеризуя политику КНР в отношении республик Центральной Азии, китайские ученые отмечают, что в будущем регион не будет сферой влияния той или иной международной силы. Он сохранит свою внешнеполитическую самостоятельность и трансформируется в единый организм. Учитывая возможность такого развития, Китай рассматривает регион как постепенно набирающий силу отдельный политический полюс, что обуславливает выработку своеобразной и гибкой политики по отношению к нему и поощрительных мер для активизации их участия в азиатских делах.

Китай рассматривает Центральную Азию как пе-

рекресток политических, экономических и культурных связей Запада с Востоком. Разрушение этой роли в результате возникновения внутренних противоречий и внешних воздействий может нанести серьезный ущерб процессу развития трансконтинентального сотрудничества стран Евразии. В силу этого, Китай демонстрирует готовность поддержать любую инициативу по защите стабильности и развития Центральной Азии. Вместе с этим заверяет мировую общественность в том, что «Китай не изыскивает какой-то особой выгоды в Центральной Азии и не собирается соперничать с другими государствами»⁶⁵.

КНР придает важное значение развитию экономических связей с республиками Центральной Азии. В апреле 1994 г. в одном из своих выступлений, сделанных во время визита в страны Центральной Азии, премьер-министр (ныне председатель китайского парламента) Ли Пэн отметил, что в межгосударственных отношениях «развитие торгово-экономического сотрудничества занимает приоритетное место»⁶⁶. Китайское руководство уверяет, что в этом плане КНР не собирается вступать в противоборство с Россией или другими государствами в освоении рынков республик Центральной Азии, не выступает против интересов России, если формы ее присутствия не создадут угрозу безопасности Китая и стабильности в регионе. Китай также не выступает против любого выбора республик в рамках СНГ и на международной арене, если такой выбор будет способствовать упрочению стабильности и процветания в регионе⁶⁷.

Согласно новой стратегии энергоресурсов КНР добыча и переработка нефти и газа Центральной Азии стали ее составной частью⁶⁸. Поэтому можно предположить, что именно эта область экономики региона может быть объектом крупного капиталовложения КНР. Первым примером этого может служить подписание китайско-казахского соглашения от 4 июня 1997 г. о покупке 60% акций у Актюбинской нефте-

газовой компании Казахстана Главным управлением нефтегазовых компаний КНР⁶⁹.

Таким образом, сформированные геополитические интересы КНР в Центральной Азии имеют стабильный, долгосрочный и последовательный характер. Они обуславливают постановку следующих задач:

— открытие и освоение рынков региона в пользу китайского экспорта товаров и импорта сырья, создание условий для свободного действия китайского капитала и бизнесменов, противостояние всем факторам, которые могли бы препятствовать освоению Китаем рынка региона;

— снижение вероятности превращения российских позиций в регионе в фактор угрозы центрально-азиатской политике КНР, установление с Россией партнерских отношений в центральноазиатском направлении, превращение региона в положительный фактор влияния на стабильность и безопасность КНР;

— использование Центральной Азии для усиления социального и политико-экономического авторитета КНР на мировой арене и решения стратегических внутри- и внешнеполитических задач.

ИРАН

За сравнительно короткий срок, прошедший с момента образования новых независимых государств Центральной Азии, Иран смог наладить политические и экономические взаимоотношения со всеми странами этого региона, хотя эти отношения носили и продолжают носить неравномерный и неоднозначный характер.

После распада СССР Иран предпринял серьезные усилия с целью оказания своего политического, экономического и идеологического влияния в странах Центральной Азии. В Тегеране, по всей видимости, исходили из ошибочного тезиса о том, что им удастся заполнить, образовавшийся после краха социалистической системы идеологический вакуум религиозным

мировосприятием по иранскому образцу. Официальный Тегеран так оценивал ситуацию: «Исламская Республика Иран стала центром политических и экономических международных отношений для стран Центральной Азии и Кавказа. Это обуславливается двумя моментами: страны Центральной Азии не имеют выхода в мировой океан, путь экономических отношений этих стран с внешним миром проходит через Иран»⁷⁰.

Советник министра иностранных дел Франции и эксперт Центра аналитических исследований МИД Франции О.Руа считает, что «Иран не стремится стать региональным исламским центром. Стратегическая цель Ирана — региональная держава»⁷¹. Идентичного мнения придерживается и эксперт по исламским проблемам американской корпорации «Рэнд» Г.Фуллер: «Поведение Ирана в Средней Азии весьма осторожное и учитывает его долгосрочные интересы. Иран хотел бы стать силовым центром в регионе, но пока это далеко не так»⁷².

Стремление Ирана сблизиться с новообразовавшимися государствами Центральноазиатского региона выразилось и в обращении тогдашнего министра иностранных дел страны Али Акбара Велаяти к руководителям стран региона с призывом вернуться к историческим связям, существовавшим со времен персидской империи.

К настоящему времени Ираном установлены и развиваются с разной степенью динамизма отношения со всеми государствами Центральной Азии. Наиболее тесные отношения имеются с Туркменистаном, с которым, по оценкам экспертов различных стран, поддерживаются постоянные многоуровневые контакты практически во всех сферах двустороннего сотрудничества и, прежде всего, в области транспортировки туркменского газа через территорию Ирана. Вместе с тем, серьезные расхождения двух стран до событий 11 сентября 2001 года проявлялись в противоположности их позиций по афганской проблеме, в частности,

в отношении к режиму Движения Талибан. Туркменистан был единственной страной, не подписавшей Ташкентскую Декларацию по Афганистану 1999 года.

С Казахстаном Иран стремится развивать сотрудничество по двум главным направлениям — развитие транспортной инфраструктуры в целях установления транзита казахстанских товаров и энергоносителей через иранскую территорию, а также нефте-, газодобыча и их переработка.

Таджикистан и Кыргызстан пока слабо представлены в торгово-экономических приоритетах ИРИ в Центральной Азии. Вместе с тем, согласно точке зрения многих аналитиков, персоязычный Таджикистан является для ИРИ страной, с которой у нее имеется этническая близость и, несмотря на экономическую слабость РТ, ее стратегическое значение для Ирана очевидно⁷³.

С Узбекистаном у Ирана также динамично развиваются торгово-экономические и культурные связи. Эта линия, например, прослеживалась и в ходе майского 2002 года визита в Узбекистан президента ИРИ С.М.Хатами.

Свои геополитические интересы в Центральной Азии Иран стремится отстаивать и в рамках многосторонней дипломатии. Именно по инициативе Ирана была возрождена Организация регионального экономического сотрудничества (ОРЭС), в которую входили Турция, Иран и Пакистан, ныне известная как Организация экономического сотрудничества (ОЭС) или ЭКО. В 1992 году ее членами стали Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан. Иранское руководство полагало, что ЭКО послужит базой для создания некоего «Исламского общего рынка», в котором Тегеран будет играть роль регионального лидера, в связи с чем он всячески стремится ее политизировать, что вызывает негативную реакцию со стороны других членов этой организации.

Далее, Иран, стремясь к расширению своего влия-

ния, выходящего за пределы Центральноазиатского региона, по существу повторил «Черноморские инициативы» Турции в зоне Каспийского моря. По его предложению, в 1992 году создана Организация сотрудничества прикаспийских государств со штаб-квартирой в Тегеране. Главные ее цели сформулированы таким образом: укрепление сотрудничества в области рыболовства, судоходства, защиты окружающей среды, разведки и добычи нефти и газа на Каспии и прибрежном шельфе. Членами этой организации стали Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Россия.

Сотрудничество в рамках Организации Экономического Сотрудничества (ЭКО), Организации стран бассейна Каспийского моря (CASCO), инициатором создания которых является Иран, предоставило ему определенные экономические и политические дивиденды и, несомненно, повысило его роль в регионе. Иран, по сути дела, стал приобретать роль важного геоэкономического узла для транзита нефти и газа сопредельных стран в южном и западном направлениях, а также альтернативным выходом для других государств Центральной Азии к морским коммуникациям, что предопределяет определенный учет последними интересов Тегерана.

Следует заметить, что в последние годы Иран действует в Центральной Азии с возрастающим уровнем прагматизма. В отличие от революционной риторики прежних лет, он стремится без особого шума обеспечить развитие экономических и культурных связей, уклониться от открытой пропаганды исламской идеологии в своей внешней политике, которая была присуща Ирану в первые годы после исламской революции 1979 года и создала отрицательный имидж страны. Одной из причин такой трансформации внешней политики Ирана, по всей видимости, является стремление Тегерана выйти из тупика изоляции и застоя в экономике, в котором оказалась страна в результате

такой политики. На это же, как представляется, нацелена и новая концепция «Диалога цивилизаций», выдвинутая нынешним президентом страны С.М.Хатами в 1997 году на тегеранском саммите стран-членов ОИК и получившая в целом позитивный отклик в мире.

Все это обуславливает политику «осторожной открытости» в отношении Ирана со стороны отдельных государств Центральноазиатского региона. К тому же и возможности самого Ирана оказывать влияние в регионе существенно ограничиваются сегодня его внутривнутриполитическими и экономическими проблемами.

Взаимоотношения Ирана с государствами Центральной Азии, особенно после событий 11 сентября 2001 года, следует рассматривать в контексте новой геополитической ситуации, сложившейся в регионе, а именно через призму присутствия США в Афганистане и Центральной Азии. Это присутствие вызывает определенную обеспокоенность Тегерана и предопределяет тенденцию сближения с Россией, Индией и КНР, которые также не испытывают особого восторга от американского присутствия в этой части мира. По всей видимости, вопрос американского присутствия в Афганистане и Центральной Азии будет присутствовать во внешнеполитической повестке дня высшего руководства Ирана в ходе будущих контактов и встреч с лидерами стран этого региона.

Развитие регионального сотрудничества выступает сегодня как основная линия современной геополитики Ирана. В Тегеране считают, что успех в построении тесных связей с Центральноазиатскими странами будет способствовать защите региональных интересов Ирана и ослаблению его международной изоляции. Иран, у которого не так много союзников в мире, рассматривает Центральную Азию как реальный шанс для ослабления продолжающейся изоляции.

Между тем, ставшая перманентной внешнеполити-

ческая линия Тегерана на выход из изоляции предопределяет и особый характер ирано-российских отношений. Применительно к Центральноазиатскому региону эти «особые отношения» имеют и серьезное геостратегическое измерение: «сдерживание» американского присутствия в одном из важнейших регионов мира с опорой на влиятельные региональные силы в лице России, Индии и КНР.

Геополитика Ирана в Центральноазиатском регионе с начала 90-х годов претерпела существенные изменения, условно пройдя в своем развитии два этапа.

Первый этап, охватывающий короткий период с момента развала СССР в 1991 году в течение первых двух лет становления государственности Центральноазиатских государств, характеризовался попытками политико-идеологического проникновения Ирана в регион. Он сопровождался готовностью ИРИ к экономической поддержке новых независимых государств. Этот период нес на себе сильный отпечаток влияния идей и отношения покойного аятоллы Р.Хомейни к мусульманским республикам бывшего Советского Союза.

Второй этап условно можно назвать этапом «прагматического» развития двусторонних отношений Ирана с государствами Центральной Азии, характеризующийся тенденцией отказа от открытой пропаганды лозунга времен Р.Хомейни «экспорта исламской революции» и переносом акцента с политико-идеологического направления на расширение торгово-экономических связей. Однако и при такой трансформации отношений и переноса акцента на торгово-экономическое сотрудничество, укрепление политических отношений со всеми странами Центральной Азии, как ареала распространения ислама, на основе принадлежности к единой мусульманской цивилизации, остается ключевым звеном геополитики Ирана в отношении государств этого региона.

В целом, несмотря на разный уровень развития отношений ИРИ с государствами Центральной Азии, достигнутый за прошедший более чем десятилетний период, иранская внешняя политика добилась и определенных результатов:

1. Развивающееся сотрудничество с государствами региона позволяет частично ослабить изоляцию Ирана на международной арене.

2. Окончание строительства железнодорожной ветки Мешхед—Теджен—Серахс в 1996 году и, как следствие, открытие доступа странам региона через территорию Ирана к морским терминалам в Персидском заливе дает Тегерану дополнительный аргумент при отстаивании своих интересов в Центральной Азии.

3. Иран осознает возросший интерес сопредельных и мировых держав к Центральной Азии и стремится к усилению своего влияния, одновременно пытаясь использовать свои двусторонние отношения со странами региона для противостояния интересам и противодействия проникновению США в эту ранее закрытую для них часть мира.

ТУРЦИЯ

В начале 90-х годов XX века в период серьезных геополитических изменений в Евразии, приведших к появлению новых независимых государств, турецкая модель экономического и политического развития рассматривалась западными политологами в качестве своеобразного «щита» против исламского фундаментализма. Идея «щита» пользовалась большой поддержкой в политических кругах Запада, обеспокоенных возможностью распространения исламского фундаментализма на Центральноазиатские страны СНГ. Поэтому не случайно на начальном этапе развития этих государств «турецкая секулярная модель» в определенной степени была популярна в странах Центральной Азии. В свою очередь, Турция не была исключе-

нием в ряду государств, стремившихся заполнить образовавшийся после развала СССР идеологический вакуум.

Бывший президент Турецкой Республики Тургут Озал так охарактеризовал задачи своей страны в государствах Центральной Азии: «Главные надежды среднеазиатских государств бывшего СССР связаны с возможностью последовать примеру Турции в том, что касается государственного устройства. Естественно, турецкая модель не может быть использована всеми государствами. Будет необходимо привести в нее ряд изменений. Эти вопросы должны будут решать новые государства самостоятельно. Однако мы можем оказать помощь и в налаживании системы государственного управления по турецкому образцу»⁷⁴.

В целом условия для Анкары в борьбе за влияние в Центральноазиатских государствах были благоприятные. Во-первых, Турция предлагала развитие по светскому пути, последовательно выступая за отделение религии от политики и экономики. Во-вторых, турецкая модель экономического и политического развития в отличие от иранской доказала свою жизнеспособность. Турция за последние десять лет перешла к экономике свободного рынка, отказавшись от централизованного планирования, сумела укрепить свои позиции в странах Ближнего Востока, претендуя на роль финансового центра региона. В-третьих, этническая, языковая и культурно-религиозная близость народов Турции и Центральной Азии, за исключением Таджикистана, в целом создавала благоприятные предпосылки для успешного продвижения геополитических интересов Анкары в этом регионе.

Основная сфера турецкого проникновения в Центральную Азию — легкая, прежде всего, текстильная, промышленность и туризм. В сфере туризма приоритетное внимание уделяется осуществлению проекта «Шелковый путь», объединяющего в той или иной степени все центральноазиатские республики. Реализа-

ция этого проекта предусматривает, в частности, создание современной инфраструктуры туризма. В настоящее время турецкая сторона ведет строительство туристических комплексов практически во всех государствах Центральной Азии, участвует в разработке и налаживании производства готовой продукции, переработке сельскохозяйственной продукции, добыче и переработке цветных металлов и т.д.

Немаловажным фактором, воздействующим на развитие геополитических устремлений Турции в Центральноазиатском регионе, являются ирано-турецкие отношения, развитие которых, по оценке ряда западных аналитиков, проходит под знаком довольно острого соперничества в этом регионе. Турция и Иран представляют собой две противоположные модели государственного устройства в регионе.

С обретением независимости государствами Центральноазиатского региона началось соперничество между Анкарой и Тегераном за влияние на новые независимые государства. Кроме того, после Второй мировой войны Турция выполняла функцию стратегической опорной точки США как в регионе своих жизненно важных интересов — на Ближнем Востоке, так и в непосредственной близости от границ бывшего Советского Союза. Значение Турции, как форпоста западной демократии, особенно возросло после исламской революции в Иране в 1979 году.

Вхождение центральноазиатских государств в мировую политику стало существенным элементом нового баланса сил не только в исламском мире, но и за его пределами. И, разумеется, руководство Турции хорошо понимало, что ее усилия по укреплению влияния в Центральной Азии будут наталкиваться на незримое сопротивление Ирана. В этой связи, как отмечают западные исследователи, «американцы рассматривали пантюркизм как полезную альтернативу исламу Хомейнийского типа»⁷⁵.

В феврале 1992 года в ходе визита в Вашингтон

бывший премьер-министр Турции Сулейман Демирель публично предложил свои услуги по противостоянию Ирану в Центральной Азии, а тогдашний президент США Дж.Буш старший назвал Турцию «моделью» для мусульманских республик бывшего Советского Союза⁷⁶.

После установления прямого политического диалога и обмена визитами на высшем уровне в 1991—1992 годах между Турцией и республиками Центральной Азии сразу же выделились три основных направления сотрудничества — политика, экономика, культура. Особенностью геополитики Анкары на начальном этапе развития отношений являлось то, что в ходе многочисленных встреч на различных уровнях она при продвижении своих интересов неизменно подчеркивала важность этнического фактора, исторической и культурной общности с народами Центральной Азии.

В турецких средствах массовой информации настойчиво культивировалась идея укрепления культурного и языкового единства тюркских народов. Большое значение в связи с этим турецкая сторона придавала вопросам организации подготовки кадров в различных сферах. На начало 1994 года в Турции обучалось свыше 12 тысяч студентов из пяти республик Центральной Азии⁷⁷.

Свидетельством огромного значения, придаваемого Турцией двусторонним связям с государствами Центральной Азии, явилось создание в январе 1992 года в Анкаре Турецкого агентства по международному сотрудничеству (ТИКА), представляющего собой юридически независимую организацию с автономным бюджетом. ТИКА призвано координировать предоставляемую Турцией помощь новым независимым странам. Особое внимание в деятельности Агентства уделяется государствам Центральной Азии, для которых выделены кредитные линии на реализацию различных программ. Общая величина оказываемой технической и

гуманитарной помощи с продажей продовольственных товаров в рассрочку составляет 1,2 миллиарда долларов⁷⁸.

С мая 1992 года на государства Центральной Азии началась трансляция программ турецкого телевидения. В сентябре 1991 года турецким институтом стандартов была инициирована серия встреч, нацеленная на координацию работы по согласованию общего алфавита для всех тюркоговорящих народов⁷⁹. В отдельных государствах Центральной Азии, в частности, в Узбекистане и Туркменистане, были приняты законы о переходе на латинский алфавит. Западные аналитики усматривали в этом попытку выхода государств региона из сферы культурного влияния России⁸⁰.

Успешное развитие культурного сотрудничества между Турцией и государствами Центральной Азии на первоначальном этапе, сопровождавшееся высказываниями руководителей Турции о появлении «гигантского тюркского мира, простирающегося от Адриатики до великой китайской стены»⁸¹, способствовало появлению в политических кругах этой страны мнения, что Турция несет особую ответственность перед тюркоязычными народами и усилению идей пантюркизма. Однако, справедливости ради следует отметить, что высшее руководство Турции, как подчеркивали и западные аналитики, не поддерживало подобные подходы, называя идеи пантюркизма утопичными⁸².

Тем не менее, активность Турции по расширению и углублению культурного сотрудничества с государствами Центральной Азии дает повод многим исследователям, как турецким, так и зарубежным, говорить о ее усилиях по созданию единого культурного пространства. Эта тема, в частности, была довольно подробно рассмотрена в работе турецкого профессора Тарета М. Винроя «Турция и бывшая советская Центральная Азия: создается ли тюркское культурное пространство?», опубликованной в книге «Централь-

ная Азия: появление нового порядка», вышедшей в Индии в 1995 году, а также в статье российского ученого В. Данилова «Турция и постсоветская Центральная Азия», напечатанная во втором номере журнала «Азия и Африка сегодня» за 1995 год.

Как представляется, геополитические устремления турецкой стороны в этом направлении преследовали несколько целей. Во-первых, создание единого культурного пространства могло стать основой и катализатором для более глубоких политических и торгово-экономических отношений. Во-вторых, общетюркское пространство, несомненно, потребовало бы и развития более доверительных и близких отношений Турции и государств Центральной Азии в военно-политической сфере. Достижение этих целей позволило бы Турции стать своего рода лидером на этом пространстве, повысить ее авторитет как в европейских структурах, в частности, НАТО, так и в глобальном масштабе.

Идея лидирующей роли Турции в новом тюркском мире, возникшая после образования новых государств в Центральной Азии, во многом развеялась после Стамбульского саммита тюркоязычных государств в октябре 1994 года. Начиная с этого времени, политика Турции в Центральной Азии принимает более реалистичный и прагматичный характер.

Турция официально заявляет, что она не рассматривает Центральноазиатский регион как будущую арену влияния или же региональной борьбы. В свою очередь, важным аргументом, исключающим возможность возобладания пантюркистских мотивов в развитии отношений Турции с государствами данного региона, являются позиции самих Центральноазиатских республик. Кроме того, ввиду экономических трудностей, финансовые возможности Турции для поддержки на государственном уровне социально-экономических преобразований, проводимых в странах Центральной Азии, оказались несколько ограниченными.

Следует также отметить, что стержневым звеном

внешнеэкономической концепции правительства Турции становится задача по превращению страны в надежный и оптимальный мост между Центральной Азией и Западной Европой. Вступление Турции в европейский таможенный союз (ЕТС) 1 января 1996 года открыло новые перспективы и каналы интенсификации деловых контактов Центральноазиатских республик со странами Европейского Союза. Надеясь приобрести от членства в ЕТС экономические рычаги влияния на западноевропейский рынок и ЕС в целом, в официальных кругах Турции открыто заявляют, что Анкара «будет лоббировать экономические интересы братских тюркоязычных стран» на европейском рынке. Открывается также дополнительный канал привлечения западноевропейских инвестиций в страны Центральной Азии через Турцию.

В целом, тесный культурный обмен с тюркскими странами и идея создания единого общетюркского пространства рассматриваются Анкарой как своеобразный катализатор интенсификации контактов и в других сферах, прежде всего экономической и политической.

Одной из актуальных задач в рамках геополитических интересов Анкары в Центральноазиатском регионе является максимальное содействие государствам этого региона в создании эффективных транспортных маршрутов для их выхода к открытым морским коммуникациям через территорию Турции, с предоставлением соответствующих льгот в турецких портах, расположенных в свободных экономических зонах. В частности, магистраль, создаваемая по проекту ТРАСЕКА, пройдет через Баку, Тбилиси и далее по турецкой территории до Анкары, которая, в свою очередь, соединена со Стамбулом — крупнейшим средиземноморским портом и узлом коммуникации.

Как отмечалось, геополитика Турции в регионе во многом исходит из посылки об «исторической ответственности», которая лежит на самой крупной тюрко-

язычной стране за сохранение и укрепление политической и экономической независимости центральноазиатских государств. В соответствии с этой посылкой, Турция будет стремиться поддерживать усилия этих государств, направленные на вхождение в мирохозяйственные и политические отношения. При этом турецкая сторона, в свою очередь, будет ожидать потенциальную поддержку центральноазиатских государств в отношении различных инициатив Турции по проблемам Кипра и курдскому вопросу или в крайнем случае, рассчитывать на их нейтральную позицию.

В двусторонних отношениях со странами Центральной Азии турецкое руководство и впредь будет продолжать линию на укрепление всестороннего сотрудничества с учетом накопленного опыта и своих возможностей. Наличие тесных и эффективных связей с государствами Центральной Азии должно, по оценкам турецкого руководства, параллельно служить росту значимости и авторитета Турции перед развитыми странами Запада, также стремящимися продвигать свои интересы в Центральноазиатском регионе.

При осуществлении общего стратегического курса Турции по отношению к центральноазиатским республикам важное место, видимо, будет отводиться экономическому аспекту. Ключевым положением, лежащим в основе такого подхода, является вывод о том, что экономическое процветание тюркоязычных стран, укрепление их экономической, а значит и политической независимости, всецело отвечает государственным интересам Турции и, в силу этого, она должна оказывать многоплановое содействие в развитии их экономики в рамках имеющихся у нее возможностей.

Данный вывод, выработанный официальной Анкарой, базируется на прагматических расчетах и с учетом того, что экономический прогресс и стабильность в Центральноазиатском регионе является ключевым условием для развития долгосрочного и стабильного

торгово-экономического сотрудничества Турции с многообещающими и перспективными партнерами, в первую очередь — Узбекистаном, Казахстаном, Туркменистаном.

ПАКИСТАН

Логика развития событий после окончания «холодной войны» и появления новой группы независимых государств в Центральной Азии в непосредственной близости от Пакистана подтолкнули его руководство к активизации усилий по установлению и расширению двусторонних отношений с государствами этого региона. Уже в феврале 1991 года правительственная делегация Пакистана во главе с бывшим государственным министром по экономическим делам, а позже министром иностранных дел Сардаром Асифом Али, посетила столицы центральноазиатских республик⁸³.

В ходе визита в Ташкент пакистанская сторона в целях развития двусторонних отношений предложила 30 миллионный долларовый кредит для закупки пакистанских промышленных товаров и обещала оказать дипломатическую поддержку в вопросах вступления Узбекистана в ООН и ОИК⁸⁴.

Как отмечал индийский исследователь Сурендра Чопра, «Пакистан прилагал усилия, чтобы использовать исторические, религиозные и культурные связи для расширения своего влияния в Центральной Азии. Главной целью этого визита была попытка придать пакистанским корням в сфере культуры новое географическое родство, продвинуть и укрепить мысль о том, что Афганистан и Пакистан являются культурным продолжением Центральной Азии»⁸⁵. Дальнейшее развитие событий показало, что эта оценка была призвана подвести определенный морально-политический фундамент под новую пакистанскую геополитику в Центральной Азии. Исламабад и в последующем предпринимал ряд усилий, чтобы склонить на свою сторо-

ну центральноазиатские государства в решении Кашмирской проблемы, обосновывая свои попытки необходимостью единого подхода в его противостоянии с Индией на основе культурно-исторической и религиозной близости народов, проживающих в этом регионе.

Учитывая влияние и вес Узбекистана в регионе, его политический и экономический потенциал, Исламабад стремился уделять первостепенное внимание развитию и укреплению двусторонних отношений с Ташкентом. Уже в июне 1992 года в ходе первого визита бывшего Премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа в Узбекистан между руководителями двух государств состоялся углубленный обмен мнениями по развитию двусторонних отношений, было подписано межправительственное соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве.

Довольно активно начали развиваться отношения Пакистана и с другими странами Центральной Азии. Так, в ходе ноябрьского 1992 года визита Президента Казахстана Н.Назарбаева в Исламабад был подписан ряд протоколов по сотрудничеству в сфере промышленности и созданию совместных предприятий в Казахстане⁸⁶. Среди них был и протокол намерений о строительстве гостиницы в Алматы и сотовой телекоммуникационной связи.

Пакистанский исследователь из Института стратегических исследований г. Исламабада Симбал А.Хан, раскрывая развитие связей своей страны с государствами Центральной Азии, отмечает, что Пакистан использовал каналы двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами Центральной Азии, уделяя главное внимание вопросам развития транспортной инфраструктуры, телекоммуникационных связей, созданию совместных предприятий⁸⁷.

Камнем преткновения в развитии этих отношений, как считает Симбал А.Хан, были финансовые проблемы. «Недостаток обмена иностранной валюты, кре-

дитоспособной банковской системы, неустойчивость валюты и медленный переход от централизованной экономики к рыночной — только некоторые факторы, замедляющие поступь пакистанской экономической активности в Центральной Азии»⁸⁸.

Пакистан в своей центральноазиатской геополитике стремился активно использовать и возможности ЭКО для развития и расширения своего влияния и связей с государствами региона. Однако и здесь Пакистан столкнулся с соперничеством других стран, главным образом Турции и Ирана.

В целом, Пакистаном предпринимались активные усилия по расширению многоплановых связей с центральноазиатскими государствами. В парламентских прениях по вопросам внешней политики Пакистана бывший посол этой страны Миан Абдул Вахид, выражая геополитические и геоэкономические интересы своей страны в отношении государств Центральной Азии, подчеркивал: «Чтобы создать себе экономические возможности и доступные рынки в этих странах, необходимо выправить и усилить такие инфраструктурные и коммуникационные объекты, как порты, железные дороги, автодороги, телефонные и воздушные услуги. Должна быть создана широкая сеть культурных, социальных, политических, дипломатических и экономических связей. Мы должны вторгнуться и работать для эры, когда будет свободное передвижение товаров и пассажиров, превращая отношения с соседями в состояние, близкое Европейскому экономическому общему рынку»⁸⁹.

Очевидно, в Пакистане начинает усиливаться стратегическое понимание того, что для дальнейшего расширения отношений с государствами Центральной Азии нужны действующие транспортные коммуникации, проходящие через территорию Афганистана. Это понимание в свое время было четко сформулировано генералом Мирзой Аслам Бекон — бывшим начальником штаба Вооруженных сил Пакистана в одном из

его выступлений в парламенте, где он заявил: «Пакистан чувствует, что афганское урегулирование облегчит его (Пакистана) торговые связи с центральноазиатскими государствами, предоставляя этим закрытым странам выход к морю»⁹⁰.

Однако, почти все свои шаги на центральноазиатском направлении Пакистан предпринимает с оглядкой на Индию, взаимоотношения с которой являются для Исламабада главным фактором, оказывающим решающее воздействие на формирование внешней политики страны. Соперничество Пакистана и Индии стало перманентным фактом международных отношений, в том числе и в Центральной Азии. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения, выраженной в журнале «Ауссенполитик»: «Там, где появлялась активность пакистанцев, незамедлительно следовала Индия и наоборот...»⁹¹.

Пакистан, развивая свои отношения с государствами Центральной Азии, преследовал, прежде всего, цель, которая заключалась в получении поддержки своей позиции в противостоянии с Индией, являющейся его главным стратегическим противником. Однако расчет на то, что мусульманские государства Центральной Азии безоговорочно поддержат Пакистан в Кашмирском споре на основе культурной и религиозной общности, не оправдался.

Тем не менее, используя свое выгодное геостратегическое положение, обусловленное наличием хорошо развитой портовой инфраструктуры и морских коммуникаций, Исламабад не отказывается от усилий по расширению своего влияния на геополитическом пространстве новых государств Центральной Азии, особенно учитывая их сохраняющиеся потребности в выходе к открытым мировым рынкам.

Вместе с тем, анализируя стратегию ИРП в макрорегионе Центральной и Южной Азии, следует помнить о том положении, в котором находятся собственно Пакистан, Афганистан, а также Индия. Реги-

он Южной Азии стал очень взрывоопасным, усилилось Индо-пакистанское ядерное противостояние. Ситуация усугубляется периодическими прямыми военными столкновениями на границе.

Следует напомнить, что еще задолго до того, как Индия и Пакистан испытали свое ядерное оружие, многие аналитики предупреждали о таком исходе в Южной Азии. Р. Оукли и Дж. Снайдер из Национального Оборонного Университета США, например, призывали пересмотреть стратегию США и подходы к региональной безопасности в Южной Азии перед угрозой растущего индо-пакистанского напряжения и приближающейся гонки ядерных вооружений в этом регионе⁹². В этой связи нынешняя ситуация в Афганистане, хрупкая стабильность в Пакистане, индо-пакистанское противостояние, а также существующие угрозы странам Центральной Азии не должны рассматриваться изолированно друг от друга, как некие самостоятельные и не связанные между собой явления. Все они должны рассматриваться в едином геополитическом контексте, особенно с учетом того, что после событий 11 сентября 2001 года роль Центральной Азии, несомненно, возросла.

ИНДИЯ

Изменение геополитической ситуации в начале 90-х годов прошлого века в Евразии на постсоветском пространстве подтолкнуло Индию к поиску новых партнеров в Центральной Азии и стало одной из главных причин активизации сотрудничества с государствами этого региона. Другой, не менее важной причиной роста геополитических интересов Дели в этой части мира, стали его опасения, вызванные не менее активными попытками Пакистана, направленными на формирование пропакистанских позиций и настроений в государствах Центральноазиатского региона.

«Отношения с этими республиками, как и с други-

ми государствами Центральной Азии, Индия хотела бы строить на той же основе, что и с Российской Федерацией», отмечал в беседе с корреспондентом ИТАР-ТАСС еще в 1995 году государственный министр иностранных дел республики С.Хуршид⁹³. Продолжая эту мысль государственный министр подчеркивал, что «Индии необходимо укреплять связи с центральноазиатскими республиками, которые в недалеком будущем смогут оказывать серьезное воздействие на обстановку в значительной части Азиатского континента»⁹⁴. За этим заявлением просматривалось беспокойство Индии за перспективу развития этих республик, — будут ли они продолжать секуляристский курс, ибо индийское руководство осознавало, что государства Центральноазиатского региона находятся в сфере интересов и влияния Ирана и Пакистана, внешняя политика которых испытывала сильное воздействие исламского фактора.

Опасения Индии начали возрастать особенно после появления в Афганистане в конце 1994—начале 1995 гг. движения «Талибан», поддерживаемого Пакистаном, являющегося региональным соперником Индии и поставившего своей целью свержение правительства Б.Раббани в Кабуле. Усилия Пакистана на приведение к власти в Афганистане пропакистански ориентированного движения «Талибан» сопровождалось активностью пакистанской стороны в вопросе получения поддержки своей позиции по Кашмиру со стороны США и государств Центральной Азии.

Приход к власти в Кабуле в конце сентября 1996 года пропакистанского движения «Талибан» вызвал негативную реакцию не только в Дели, но в Москве и Тегеране, которые предпочитали иметь дело с давно известным для них и предсказуемым Б.Раббани, нежели с радикальным руководством движения «Талибан». Как представляется, это обстоятельство способствовало сближению позиций Индии, России и Ирана в вопросах региональной безопасности. Поэтому не

случайно для Индии предпочтительным был именно «иранский коридор» для выхода центральноазиатских государств к открытым морским коммуникациям, минуя территорию Пакистана. Дели опасается, что прохождение будущих транспортных коридоров из Центральной Азии по территории Пакистана позволит последнему укрепить свои позиции в этом регионе в ущерб интересам Индии.

Из этого очевидно, что геополитические интересы Индии в Центральноазиатском регионе столкнулись уже не столько с «исламским фактором» в его классическом виде, сколько с ростом аналогичных интересов Пакистана.

В этих условиях индийское руководство стремилось активизировать курс на сближение с государствами Центральной Азии. В политическом плане этому содействует близость точек зрения Индии и центральноазиатских государств по проблемам региональной безопасности, в частности, по вопросам борьбы с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, а также приверженность государств региона сокращению и ликвидации оружия массового уничтожения. Кроме того, как и следовало ожидать, наращивание усилий Индии по укреплению своего влияния в государствах Центральной Азии посредством развития многопланового сотрудничества, подталкивается стремлением Дели расширить число сторонников решения Кашмирской проблемы в свою пользу.

Вышеизложенное говорит о том, что Центральная Азия постепенно превращается в поле столкновения геополитических интересов не только мировых держав, но и соседних государств региона, в частности Ирана, Турции, Пакистана и Индии, пытающихся оказывать влияние на процессы становления, развития и политической ориентации новых независимых государств региона.

Появление этой группы геополитических игроков коренным образом изменило геополитическую ситуа-

цию в этой части мира, положив начало развитию новой региональной системы международных отношений, процесс формирования которой происходит параллельно становлению государственности в этих странах, а также основ их внешней политики, испытывающих влияние как сопредельных государств региона, так и внерегиональных государств.

В целом, анализируя центральноазиатское направление индийской внешней политики и перспективы сотрудничества стран региона с Индией, следует принимать во внимание, что стратегическое значение этой страны в мире все более возрастает. Это обусловлено прежде всего следующими факторами:

— демографический рост в Индии в перспективе может вывести эту страну на первое место в мире по численности населения;

— Индия с мая 1998 года входит в число государств, обладающих ядерным оружием;

— влияние Индии на региональные процессы становится все более значительным, особенно в сфере безопасности, в частности, в деле урегулирования конфликта в Афганистане и его послевоенном обустройстве;

— экономические возможности Индии, ее активная вовлеченность в глобальный экономический и политический миропорядок порождает, соответственно, новые стратегические интересы этой страны, которые охватывают также и регион Центральной Азии;

— технологические возможности Индии, особенно ее лидирующее положение в мире в области компьютерных программ, служат еще одним важным фактором ее стратегической важности;

— многовековая история культурных, торговых и иных отношений между Индией и народами Центральной Азии приобретает в новых геополитических условиях особое значение.

Страны Центральной Азии и Индию также объединяет их общее членство в Движении неприсоедине-

ния, в котором она (Индия) является одной из лидирующих государств.

ЯПОНИЯ

Концепция «комплексного обеспечения национальной безопасности» преследует целью усиление политического влияния Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и мире, приведение его в соответствие с экономической мощью страны за счет комплексного использования дипломатических и экономических средств, активизации усилий в военной области. Реализация этой концепции должна обеспечить благоприятные внешние и внутренние условия для превращения Японии в XXI веке в «полноценную» мировую державу, занимающую ведущие позиции не только в экономике, но и в международной политике и активно влияющую на баланс сил в АТР и в мире в целом.

По мнению большинства аналитиков, в своей внешней политике в начале XXI века Япония руководствуется двумя принципами. Во-первых, это приоритет Азии и тех регионов мира, которые примыкают к этому континенту (Евразии, по определению Р.Хашимото)⁹⁵ в своей долговременной глобальной стратегии. Во-вторых, необходимость принятия новой роли Японии в региональной и мировой политике. Азиатский приоритет во внешней политике Японии вполне закономерен: именно здесь происходит апробация сил японской дипломатии на предмет вхождения страны в международное сообщество в качестве ведущей мировой державы.

Важное место в системе внешнеполитических связей Японии и все большую значимость приобретают ее отношения со странами Центральной Азии. Япония заинтересована в политической стабильности региона, ее целостности, в развитии с ней всех форм сотрудничества.

В основе растущего интереса Японии к региону лежат следующие факторы.

Япония, как одна из стран, зависящих от импорта природных ресурсов, в поисках дополнительных источников сырья формирует свою внешнюю политику в отношении альтернативных Ближнему Востоку районов, богатых нефтью и природным газом. В первую очередь, помимо некоторых государств АТР и Латинской Америки, новыми важными регионами являются Каспий и Сахалинский шельф России.

Согласно японским официальным источникам, импорт сырой нефти в Японию в настоящее время обеспечивается чуть более, чем на 80% поставками из политически нестабильного региона Ближнего Востока⁹⁶. Чрезмерная зависимость от данного региона в обеспечении энергоносителями, появившиеся в последнее время определенные разногласия между Японией и правительствами отдельных ближневосточных стран по поводу перспектив сотрудничества в энергетической сфере заставили японское правительство пересмотреть свою стратегию в сторону большей диверсификации источников импорта энергоносителей.

Особое внимание в этой связи обращено на регион Каспийского моря, богатый большими запасами нефти и привлекающего внимание многих стран мира — импортеров нефтепродуктов. По оценке японских экспертов, Японии предоставляется «блестящая возможность» для получения своей выгоды и реализации своих интересов в районе Каспия⁹⁷.

Япония способна заметно ускорить строительство нефте- и газопроводов, открывающих региону доступ к эффективным рынкам сбыта. Главное преимущество Японии в конкуренции за углеводородные ресурсы региона — ее огромная экономическая мощь. Япония является одним из ведущих кредиторов государств Центральной Азии. Кроме того, она является вторым крупнейшим после США акционером международных финансовых институтов, что позволяет ей оказывать серьезное влияние на их кредитную политику.

Таким образом, Япония стремится активизировать свое присутствие в Центральной Азии и Закавказье с целью обеспечения большей стабильности в поставках энергоресурсов для нужд своей экономики. В связи с этим, японские компании при поддержке правительства ведут активную работу по внедрению в энергетический сектор экономики новых независимых государств.

Последним по времени свидетельством этих усилий стало недавнее решение японского правительства направить т.н. «энергетическую миссию Шелкового пути» в Узбекистан, Казахстан, Туркменистан и Азербайджан с целью определения перспектив сотрудничества с этими странами в сфере освоения и переработки энергоресурсов.

Япония провозглашает первоочередной задачей достижение и укрепление здесь политической, экономической и социальной стабильности. Имея традиционные отношения в той или иной степени со всеми окружающими регион Центральной Азии странами — на севере с Россией, на западе — с Турцией, на юге — с Ираном, Пакистаном, Индией и Китаем, — Япония для решения этой задачи намерена и далее оказывать помощь и содействие центральноазиатским государствам.

Японская стратегия также исходит из представления, что опорой нового «Шелкового пути», возрождение которого должно позволить преодолеть географическую изоляцию Центральной Азии и экономически открыть ее миру, могут стать трансконтинентальные транспортные системы, призванные интенсифицировать интеграцию Центральной Азии в глобальный товарообмен, а также обеспечить доступ к разработке сырьевых ресурсов региона⁹⁸.

Не имея общей границы с регионом и будучи более зависимой от импорта углеводородов, чем другие ведущие государства мира, Япония заинтересована в скорейшем разблокировании «замкнутой» Централь-

ной Азии по любому из возможных маршрутов — через КНР, либо Турцию, либо Иран или Афганистан и Пакистан. Япония заинтересована в создании нескольких альтернативных маршрутов экспорта центральноазиатских углеводородов. Это позволило бы снизить критическую зависимость от какого-либо одного маршрута. Такую позицию Японии официально разделяет и Европейский Союз, который поддерживает прокладку нефте- и газопроводов через территорию любых соседних региону стран. Так, в частности, для Японии представляют практический интерес морские порты Ирана в Персидском заливе, соединенные железной дорогой со странами Центральной Азии. В этой связи Японией была оказана помощь Туркменистану по реконструкции его железной дороги, включенной в комплекс с трансиранскими коммуникациями.

Многие реализуемые в Центральной Азии проекты развития транспортных сетей финансируются Японией и Азиатским банком развития. В вопросе формирования современных транспортных коммуникаций Япония подходит к Центральной Азии как к единому целому, которое должно вписаться в евразийский макрорегион.

Первоочередное внимание уделяется железнодорожному транспорту. Во-первых, при перевозках на большие расстояния он более экономичен, чем автомобильный. Во-вторых, и это главное, только по железной дороге в Центральную Азию можно завезти многотонное оборудование и трубы, необходимые для запуска нефтегазовых контрактов и строительства магистральных трубопроводов.

За счет японских кредитов реконструировался железнодорожный перегон «Дружба—Алашанькоу» (Казахстан—Китай), был построен вагоноремонтный завод в Ташкенте, модернизируется железнодорожная система Туркменистана, вагонные депо в городах Алматы и Ашхабаде. Одновременно финансируется строительство автомобильных дорог и мостов региона. В

1997 г. японское правительство предоставило Казахстану кредит в размере 260 млн. долл. США для строительства нового моста через реку Иртыш.

Чрезвычайно важна для внутри- и межрегионального сообщения и всепогодная дорожная трасса Бишкек—Ош (Кыргызстан), практически заново создаваемая за счет кредитов Японии и Азиатского банка развития.

Корпорация Сумитомо выступила с инициативой создать в Центральной Азии центр интегрированного логистического комплекса в основных городах региона для управления всей центральноазиатской транспортной инфраструктурой. Его строительство запланировано осуществить за десять лет с поэтапным введением в эксплуатацию отдельных объектов⁹⁹.

Если принимать во внимание заинтересованность Японии к проектам модернизации, реконструкции и более эффективному использованию Транссибирской магистрали, становится очевидным, что наличие у Японии ряда альтернативных магистралей, ведущих в глубь евроазиатского континента приблизит ее к Центральной Азии. Японский бизнес также заинтересован в строительстве железной дороги Япония—Сахалин—материк, которая соединит ее с Европой.

Крупные кредиты японское правительство предоставило для реконструкции аэропортов в Бухаре, Ургенче и Самарканде. За счет японского кредита модернизировались аэропорты в Бишкеке и Астане. Помимо прочего, это означает, что воздушное сообщение между Европой и Азией будет постепенно смещаться на юг евразийского континента, а Центральная Азия превратится в важный транзитный пункт на этом пути.

Если реализация энергетических и транспортных коридоров — дело не самого близкого будущего, то включение Центральной Азии в глобальное телекоммуникационное пространство идет быстрыми темпами. В силу географического положения региона ему отведено важное место в глобальном проекте транс-

азиатско-трансевропейской оптико-волоконной магистрали, замыкающей в единую телекоммуникационную и информационную систему всю Европу и Азию, начиная от Франкфурт-на-Майне и кончая Шанхаем.

Важность поддержки Японии для активизации регионального взаимодействия при создании систем транспортного, коммуникационного и энергетического обеспечения, а также для освоения энергетических ресурсов региона отмечена бывшим премьер-министром Р.Хашимото, как одно из направлений новой евразийской дипломатии Японии. Эта внешнеполитическая доктрина¹⁰⁰, в отношении стран региона Центральной Азии и Закавказья, включает три направления:

- политический диалог;
- экономическое сотрудничество;
- сотрудничество в области демократизации, а также нераспространения ядерного оружия.

Практическим воплощением «евразийской дипломатии» стала «программа действий по дипломатии Шелкового пути», принятая кабинетом министров Японии в январе 1998 г. Экономическое сотрудничество в первую очередь предполагало участие Японии в совершенствовании инфраструктуры этих стран и оказание им помощи в разработке природных ресурсов.

Правительство Японии считает, что его активная поддержка процесса государственного строительства стран Центральной Азии будет способствовать также обеспечению региональной стабильности и развитию новых отношений этих стран с Россией, Китаем и соседними исламскими государствами. Оно поддержало мирные инициативы Узбекистана, в частности, по созданию в Центральной Азии зоны свободной от ядерного оружия. Япония высоко оценивает значимость этого шага и в плане оказания его положительного воздействия на другие регионы¹⁰¹.

Не подлежит сомнению, что помощь Японии, в конечном счете, также активно повлияет на интегра-

ционные процессы между странами Центральной Азии, усилит их региональное взаимодействие и сотрудничество. Япония в странах Центральной Азии, наряду с Индией и Пакистаном, хотела бы видеть такой регион, куда бы мог быть перенесен экономический динамизм стран Восточной Азии¹⁰².

С целью установления более тесных политических, экономических и гуманитарных отношений с Японией официальные визиты в эту страну совершили лидеры Кыргызстана (1993 г., 1998 г.), Казахстана (1994 г., 1999 г.), Узбекистана (1994 г., 2002 г.) и Таджикистана (2001 г.). Этой же цели служат и разнообразные презентационные конференции и семинары, регулярно проводимые в Японии правительственными и деловыми кругами центральноазиатских государств.

По итогам второго официального визита Президента И.А.Каримова в Японию в июле 2002 г. были подписаны совместные декларации о дружбе, стратегическом партнерстве и сотрудничестве, а также о поддержке реформ в Узбекистане. Таким образом был взят курс на стратегическое партнерство между Узбекистаном и Японией, предполагающее особое, более высокое качество по сравнению с обычными традиционными отношениями двух государств. Стратегическое партнерство — это более высокий уровень торгово-экономического сотрудничества, равнонаправленность геополитических интересов, внешнеполитическая взаимоподдержка, плюсовая динамика и эффективность контактов государственно-политических, финансово-промышленных, научных и культурных элит.

Во втором документе отражена взаимная заинтересованность сторон о сотрудничестве в области энергетики, подтверждена договоренность о развитии торгово-экономических связей, защите и стимулировании инвестиций, укреплении правовых основ во избежание двойного налогового обложения, воздушном сообщении. Стороны также договорились об укреплении

правовой базы для развития торгово-экономических связей.

Одной из стандартных характеристик международного сотрудничества обычно является объем взаимной торговли. В данном конкретном случае, несмотря на предпринимаемые сторонами усилия, объем торговли Японии с центральноазиатскими государствами пока незначителен.

Объективным препятствием росту торговли между Японией и Центральной Азией является географическая удаленность. Кроме того, японскую сторону не очень устраивает то, что практически все транспортные развязки Центральной Азии ориентированы на Россию. Существенными негативными факторами выступают высокие транспортные тарифы при транзите грузов через Китай и опасения Японии попасть в коммуникационную зависимость от него.

Более существенным фактором является традиционная осторожность японского бизнеса в освоении новых рынков. Японские эксперты, как известно, относят все постсоветское пространство к зоне повышенного риска при ведении деловых операций и, особенно, инвестировании. Как правило, сначала открываются представительства крупных универсальных торговых компаний, ведущие активную работу по сбору информации о торгово-инвестиционном климате данной страны, ее законодательстве и режиме льгот и преференций для иностранных компаний. Затем, при активной поддержке японского правительства и гарантиях со стороны страны-реципиента торговые компании начинают осваивать выделенные последней льготные кредиты в рамках программы Официальной помощи развитию (ОДА).

Одновременно эти универсальные торговые дома ведут свою основную торгово-закупочную деятельность: экспортируют различные товары, в основном, сырьевого характера, и ввозят из Японии преимущественно машины и другое высокотехнологичное обо-

рудование. И лишь затем, по прошествии достаточно большого времени, наступает этап прямых инвестиций японских компаний в интересующие их проекты.

В целом, по оценке многих экспертов, страны Центральной Азии (одни в большей степени, другие — в меньшей) проходят этап освоения льготных кредитов и овладения навыками работы с японскими деловыми кругами, которая имеет свою отличную от других стран специфику. Поэтому пока не получила должного развития такая обычно широко распространенная форма двустороннего сотрудничества, как создание совместных с Японией предприятий в регионе. Например, в Узбекистане пока имеются всего 10 совместных узбекско-японских предприятий¹⁰³.

Многолетний опыт Японии по оказанию помощи характеризуется достаточно отлаженным механизмом, позволяющим ей эффективно составлять и реализовывать пакеты своей помощи различным странам. С 1991 г. Япония превратилась и остается до сих пор в мире ведущим донором развивающихся стран. Суть японской помощи, прежде всего, заключается в поддержке собственных усилий государств по обеспечению экономического роста. Оказание официальной помощи рассматривается Японией как форма сотрудничества, взаимодействия, партнерства, основанная на учете и обеспечении взаимных интересов и выгод, а не как односторонний поток ресурсов. Определяющими при выборе страны для оказания помощи являются такие факторы, как региональное и международное значение государства, стадия его экономического развития и уровень его отношений с Японией.

В то же время в японской политике нетрудно заметить и такую цель — содействие установлению региональной безопасности в зоне ее экономических интересов, улучшение окружающей среды, углубление взаимозависимости стран. Благодаря целенаправленной помощи (прежде всего в сферы инфраструкту-

ры), взаимосвязи стран-партнеров Японии станут более тесными, что готовит устойчивую почву для последующих японских частных инвестиций.

Помощь является льготной и состоит из следующих основных частей: 1) безвозмездная финансовая и техническая помощь; 2) предоставление государственных (йеновых) льготных кредитов; 3) предоставление финансов и ссуд через международные организации.

Имея в виду современные аспекты японской внешней политики, бывший посол Японии в Узбекистане Укеру Магосаки писал: «Экономическая помощь странам является самым эффективным вкладом Японии на международной арене. Эта помощь обеспечивает политическую, социальную и экономическую стабильность каждого региона. И именно Средняя Азия нуждается в такой помощи больше всего. Если Япония сможет дать нужную помощь этому региону, то это будет доказательством нового направления японской дипломатии»¹⁰⁴.

Японское правительство уже вложило многомиллионные инвестиции в крупные инфраструктурные проекты в государствах Центральной Азии. Так, в настоящее время доля японского капитала в экономике Узбекистана превысила 1,6 млрд. долл.¹⁰⁵. Кроме того, Узбекистан находится на 1-м месте среди республик Центральной Азии по объему предоставляемой Японией льготной государственной экономической помощи (с 1995 г. по 2001 г. получил 312,4 млн. долларов), на 2-м месте Кыргызстан, который получил более 241 млн. долларов. На 3-м месте находится Казахстан, получивший около 222 млн. долларов¹⁰⁶.

Таким образом, сотрудничество Японии с регионом Центральной Азии в целом и с каждым из государств в отдельности, медленно, но неуклонно начинает занимать подобающее ему место в ее концепции «комплексного обеспечения национальной безопасности».

Страны ЕС

После обретения независимости странами Центральной Азии они стали представлять стратегический интерес для ЕС на Азиатском континенте, т.к. по мнению многих европейских специалистов¹⁰⁷, эти страны могут стать одним из главных альтернативных источников энергоносителей и других природно-сырьевых ресурсов для Европы.

Учитывая свои экономические интересы в Центральной Азии, ЕС придает важное значение трансформационным процессам в странах региона. ЕС считает крайне необходимым как по политическим, так и по экономическим причинам выработку общей политики в отношении государств региона, которая обеспечила бы геостратегический баланс в Центральноазиатском регионе, учитывающий также геополитические интересы других стран — США, России, Китая, Японии, Индии. По словам действующего председателя Совета ЕС Ж. Пике Кампса, «ЕС пришел к пониманию стратегического значения Центральной Азии»¹⁰⁸.

Для стран Центральной Азии ЕС также представляет большой интерес как весомый спонсор политико-экономических реформ, проводимых в регионе, значимый торгово-экономический партнер, возможный инвестор крупных проектов в регионе, а также как объект для изучения «трансформационного опыта».

Отношения между ЕС и суверенными государствами Центральной Азии интенсивно начали развиваться с 1991 года. К настоящему времени договорно-правовую основу сотрудничества составляют подписанные типовые соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС (СПС) с Казахстаном, Кыргызстаном (1995 г.), Узбекистаном (1996 г.), Туркменистаном (1998 г.)¹⁰⁹. В интересах заключения подобных соглашений ЕС ведет интенсивные переговоры с Республикой Таджикистан.

Институциональной основой для практической реализации целей и задач сотрудничества между ЕС и

государствами Центральной Азии являются созданные в соответствии с СПС Советы и Комитеты сотрудничества, а также Комитеты парламентского сотрудничества.

В марте 1999 года Европейский Парламент (ЕП) утвердил резолюцию «О стратегии Европейского Союза по развитию отношений с независимыми государствами Центральной Азии». В этом документе подчеркивается важность развития отношений между ЕС и новыми независимыми государствами Центральной Азии, имея в виду ключевое геостратегическое положение региона. В резолюции также отмечается, что успешное развитие стран Центральной Азии, находящихся на этапе переходного периода и стабильного развития демократических структур, чрезвычайно важно для ЕС. Как известно, осуществление фундаментальных демократических принципов и прав человека в этих странах считается приоритетной задачей для ЕС.

ЕС указывает на необходимость борьбы с незаконным оборотом наркотиков и решения сопутствующих проблем, связанных с транспортировкой наркотиков из Афганистана через территории стран Центральной Азии. Разработан «План действий ЕС — Центральная Азия по борьбе с распространением наркотиков», который был утвержден в начале 2001 г. На основе этого плана начата реализация конкретных проектов сотрудничества между Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном. Туркменистан еще не определился по участию в этой региональной программе.

ЕС регулярно отслеживает ситуацию, связанную с проблемами окружающей среды и такими угрозами для региона, как высыхание Аральского моря и высокий уровень радиации в районе г. Семипалатинска (Казахстан). ЕС разрабатывает специальные программы помощи для стран региона по смягчению проблемы дефицита питьевой воды. Наиболее успеш-

ное сотрудничество по экологическим проблемам между ЕС и странами региона осуществляется в рамках ТАСИС по проекту WARMAP (организация менеджмента водных ресурсов и сельскохозяйственного производства в республиках Центральной Азии). Кроме того, наиболее актуальное для региона сотрудничество формируется в сфере смягчения последствий засухи, где основной упор делается на приобретение опреснительных установок, насосного оборудования для водяных скважин, проекты, направленные на водоснабжение труднодоступных районов.

Основными геополитическими мотивами, определяющими стратегию ЕС в ЦА, являются:

— ЕС рассматривает данный регион в качестве зоны интересов ОБСЕ, имеющий выход на такие «полосы риска и интересов», как Россия, Китай, Афганистан, Иран;

— при развитии отношений с регионом, ЕС, как субъект международного права, выражающий интересы стран европейского континента, преследует цель обеспечить геополитический баланс в Центральноазиатском регионе. С учетом потенциального риска, связанного с конфликтом геополитических интересов, страны ЕС заинтересованы в укреплении политической и экономической независимости государств региона ЦА. При этом ЕС в качестве своей стратегической линии считает поддержку всесторонних внутрирегиональных интеграционных процессов в Центральной Азии, что позволит облегчить решение социально-экономических проблем, снизить уровень внутренней конфликтности и эффективно противостоять внешним угрозам. Так, по мнению европейских аналитиков, стремление центральноазиатских стран интегрироваться в мировое сообщество не должно превалировать над необходимостью развития межгосударственных отношений внутри региона. По их мнению, путем переговоров и нахождения определенных компромис-

сов, страны Центральной Азии могут прийти к единому знаменателю в своей интеграции¹¹⁰. Кроме того, думается, еще одной линией является стремление ЕС «апробировать» свой интеграционный опыт в мире, в том числе в регионе, для укрепления своего имиджа как нового, устоявшегося институционально-интегративного образования;

— придерживаясь принципа единого Евразийского континента и осознавая угрозы и вызовы новым независимым государствам региона (международный терроризм, религиозный экстремизм, наркобизнес, незаконная миграция и др.), ЕС рассматривает регион в качестве «буферной зоны» и предпринимает практические меры по оказанию необходимой помощи национальным правительствам стран Центральной Азии в нейтрализации этих вызовов в регионе в целях предотвращения распространения их на своей территории.

Между ЕС и странами Центральной Азии налаживается сотрудничество в военно-технической сфере. В Сообществе с пониманием относятся к стратегии государств региона по организации ими действенной и мобильной национальной армии. В связи с этим Германия, Франция, Англия, Италия тесно сотрудничают с военными ведомствами стран региона.

При непосредственном содействии КЕС (Комиссии ЕС) в регионе осуществляются долгосрочные и крупномасштабные проекты и программы, такие как ТРАСЕКА (проект строительства транспортного коридора Европа—Кавказ—Центральная Азия), ИНОГЕЙТ (проект транспортировки нефти и газа в Европу), ТЕМПУС (образование и наука) и др.

Практика показывает, что увеличение помощи ЕС в определенной степени зависит от углубления процесса демократизации и качества проводимых реформ в странах региона.

Техническая помощь ЕС осуществляется в таких

сферах, как либерализация двусторонней торговли, макроэкономическая стабилизация, реформа сельского хозяйства и др. Особой статьей сотрудничества является сфера гармонизации законодательств стран Центральной Азии с законодательством ЕС. Это может создать базу для долговременного и эффективного сотрудничества не только в двусторонних отношениях между ЕС и странами Центральной Азии, но и во внутрирегиональном сотрудничестве. В то же время в ЕС утвердилось мнение, что до сих пор программы, которые должны были сформировать основу стратегии организации европейского экономического присутствия в регионе, не смогли достичь желаемого эффекта, а в некоторых случаях даже находятся на стадии стагнации¹¹¹. При этом ЕС является одним из самых крупных в мире доноров, ее общий годовой объем инвестиций составляет приблизительно 9,6 млрд. евро.

Основными параметрами геоэкономических интересов ЕС в регионе являются следующие:

— в условиях жесткой конкуренции на традиционных для европейских государств рынках сырья, прежде всего, углеводородного (Ближний Восток, Россия, Латинская Америка), ЕС посредством поиска собственных «ниш» в экономике стран Центральной Азии, заинтересован в обеспечении гарантированного доступа к разработке и транспортировке «альтернативных» энергетических и других природных ресурсов. ЕС выступает за использование регионального подхода в вопросах развития транспортной и нефтегазовой инфраструктуры и в настоящее время предпринимает политические, финансово-экономические и иные усилия для планомерного развития транспортных путей из региона через кавказский коридор к ключевым европейским коммуникационным узлам;

— учитывая, что экономика европейских стран в большей степени ориентирована на экспорт, а процесс расширения рамок ЕС, возможно, увеличит так на-

зываемый его общий экспортный потенциал, то он заинтересован иметь сильную позицию на рынках стран центральноазиатских стран для сбыта своей продукции;

— с географической точки зрения страны Центральной Азии находятся на пересечении Востока и Запада. Это обстоятельство благоприятствует активному проявлению экономических интересов ЕС в направлении Китая и в перспективе (при благоприятном исходе афганской проблемы) в направлении Индии и Пакистана;

— претворение в жизнь политики «компенсационных экономических интересов» всегда находится в центре внимания стран ЕС. В этом плане учитывается ужесточение конкуренции между ЕС—США, ЕС—Японией в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. Проявляется стремление взять так называемый реванш в других геополитических точках мира, а именно в Центральной Азии и, в связи с этим, стремление обеспечить баланс геоэкономических интересов в регионе в конкуренции с США, Китаем, Россией, Японией.

Говоря о поддержке ЕС регионального развития, можно предположить, что в общей и единой внешней политике ЕС в отношении Центральной Азии будет преобладать так называемая «старая» стратегия по поддержке интеграционного взаимодействия между странами региона. Это объясняется также целями и задачами программ ЕС, нацеленных на Центральноазиатский регион. Так, в декабре 2001 года Комиссия ЕС приняла стратегию регионального сотрудничества в рамках программы ТАСИС, в соответствии с которой определены рамки технического содействия ЕС на период 2002—2006 гг.¹¹² Этим Комиссия ЕС пытается оказать содействие странам региона в организации совместного противостояния и решения проблем глобального, регионального и межграничного характера.

Уместно заметить, что в ЕС появляется тенденция прекращения практики использования политики «критического диалога» по вопросам прав человека и переориентирования внешнеполитических интересов на установление и укрепление более тесных связей со всеми странами Азии, в том числе со странами Центральной Азии¹¹³.

В ЕС полагают, что в странах региона невозможно искусственно культивировать западные взгляды на проблему демократизации общества¹¹⁴. Поэтому в странах ЕС все убедительнее звучат мнения о том, что необходимо учитывать степень влияния исторических, культурных и социальных традиций на проблему демократизации общества в государствах Центрально-азиатского региона.

В ближайшем будущем, как предполагается, внешнеэкономическая составляющая стратегии ЕС в отношении государств Центральной Азии усилится. Этому будет способствовать постепенная вовлеченность в мирохозяйственные связи и увеличение экономического потенциала стран региона и прежде всего Узбекистана, Казахстана и Туркменистана. Эти государства благодаря инвестиционной привлекательности своих проектов в таких сферах, как добыча золота, нефти, газа и их переработка, металлургия, переработка сельхозпродукции, увеличат свой так называемый запас экономической прочности. В свою очередь, такая ситуация заинтересует не только крупные европейские фирмы, но и малое и среднее звено европейского бизнеса. Кроме того, как ожидается, реализация проектов ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ перейдет в активную фазу и постепенно займет ведущее место в интеграции региона в мировое сообщество. При ожидаемом благоприятном исходе афганского конфликта, регион, возможно, заинтересует ЕС как основное транзитное звено в направлении: Европа—Кавказ—Центральная Азия—Индия—Пакистан. Этому будет способствовать

все усиливающееся мнение ЕС, что указанные проекты потенциально являются ключевыми факторами в экономическом развитии и интеграции Центрально-азиатского региона¹¹⁵.

Таким образом, усиление сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии в ближайшие годы является вопросом огромной важности как с политической и экономической, так и социальной и культурной точек зрения.

3.3. Афганский фактор в геополитике государств Центральной Азии

Для государств Центральной Азии жизненно важное значение имеет скорейшее урегулирование афганской проблемы. Взаимосвязь между Афганистаном и Центральной Азией обуславливается, как известно, рядом географических, исторических, социологических и политико-экономических факторов. В географическом плане, имея непосредственную общую границу с Центральной Азией, Афганистан прямо связывает этот регион со Средним Востоком — с юга на запад и с Индостаном — с юга на восток. В историческом плане, большие части территории и населения Центральной Азии и Афганистана в свое время были объединены под контролем того или иного правителя. Центральная Азия и Афганистан вместе были перекрестком Великого Шелкового Пути. Взаимосвязь между Афганистаном и Центральной Азией в социологическом плане обуславливается наличием родственных этнических групп и диаспор, живущих по обе стороны границы. В Афганистане живет почти столько же этнических таджиков, что и в Таджикистане. В этой стране проживает около 2 млн. этнических туркмен¹¹⁶ (примерно 9% населения), немало узбеков (6% населения), казахов и кыргызов¹¹⁷. Народы, живущие по обе стороны границы, связывают схожие

традиции, вековая историческая общность, нравственно-духовные и культурные ценности.

В последние десятилетия из Афганистана исходила угроза безопасности Центральной Азии, напряженная обстановка на ее южных рубежах обусловила то, что во внешней политике стран региона одним из приоритетных направлений стал поиск путей решения афганской проблемы. В частности, Президент Узбекистана И. Каримов подчеркивал крайнюю необходимость незамедлительного решения афганской проблемы уже в 1993 году на 48-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Была создана группа по улучшению связей между политическими силами Афганистана и установлению стабильности в стране — «6+2», в которую вошли непосредственно граничащие с Афганистаном Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также США и Россия. Ташкентская конференция по Афганистану группы «6+2», прошедшая в июле 1999 года и принятая на ней Декларация сыграли позитивную роль в поиске путей мирного урегулирования в стране. В попытках привлечения внимания международного сообщества к нарастающей угрозе международного терроризма из Афганистана Узбекистан в 1999 г. в Стамбуле на саммите ОБСЕ призвал объединить усилия в борьбе против этого зла и предложил создать международный антитеррористический центр. На «Саммите Тысячелетия» в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке Президент Узбекистана утверждал, что Афганистан «уже представляет угрозу не только центральноазиатским государствам, но и всему миру». Он выдвинул конкретные и важные инициативы по решению этой проблемы, обратился к мировому сообществу с призывом объявить эмбарго на поставки оружия в зоны военных противостояний в регионе. На этом же саммите Президент Казахстана Н. Назарбаев обратился с призывом созвать специальное заседание Совета Без-

опасности, посвященное рассмотрению ситуации в Афганистане и Центральной Азии и разработке практических мер по ее стабилизации.

Эскалация военной напряженности на южных рубежах Центральноазиатского геополитического пространства отвечало стратегическим и тактическим интересам некоторых разнонаправленных сил, которые, реализуя свои планы, пытались усилить влияние на регион извне. Афганистан, ранее игравший роль «буферной зоны» в «Большой игре», превратился в плацдарм для военной экспансии на север, базу для подготовки международных террористов и экстремистов, нелегального наркобизнеса, контрабанды оружием, источник распространения религиозного экстремизма. В военных лагерях в Мазари-Шарифе, Тахаре, Кундузе, Кабуле, Кандагаре, Джалалабаде обосновались международные террористы, в том числе из бандитской группировки, называющей себя «Исламским движением Узбекистана». Экспорт героина из Афганистана в Европу через страны Центральной Азии стал приоритетным маршрутом для наркоторговцев. Через территории Центральной Азии на мировые рынки проходило, по некоторым данным, около 65% наркотиков, производимых в Афганистане, и около 20% из этого объема оставалось в странах региона.

Возраставшая угроза безопасности привела к сближению позиций государств региона по этому вопросу. Главы государств-членов Центральноазиатского Экономического Сообщества в июне 2000 года подписали Обращение по ситуации в Афганистане, где они призывали ООН, ОБСЕ, ОИК, государства — постоянных членов Совета Безопасности ООН использовать свое влияние, авторитет и все имеющиеся возможности для скорейшего справедливого урегулирования афганского конфликта. В совместном Заявлении глав государств Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и специального представителя России —

участников Бишкекской встречи 20 августа 2001 года отмечалось: «Мы вновь обращаемся к Совету Безопасности ООН, ОБСЕ, ОИК, ко всем государствам мира не только решительно осудить международный терроризм и экстремизм, но и перейти от декларации к выработке скоординированных практических мер, направленных на искоренение этой глобальной угрозы».

Но, несмотря на тревогу, звучавшую с самых высоких трибун, международное сообщество не обратило должного серьезного внимания на эту проблему. Только после трагических событий 11 сентября 2001 года стала очевидной необходимость переоценки международной ситуации в целом и глобальной угрозы, исходящей из Афганистана, в частности. 7 октября 2001 года США и их союзники начали контртеррористическую операцию в Афганистане.

Ускорение дипломатических и военных процессов вокруг ситуации в Афганистане после 11 сентября выдвинуло на передний план центральноазиатских соседей этой страны, которые стали важными составляющими международной коалиции в борьбе против терроризма. Страны Центральной Азии участвуют, в основном, предоставлением силам международной коалиции своих воздушных пространств, некоторых автомобильных и железных дорог, военных аэродромов, а также играют важную роль в поставках гуманитарных грузов для афганского народа. Основная часть продовольствия, прибывающего в Афганистан в рамках международной гуманитарной помощи, проходит через — Мост «Дружбы» (Узбекистан), город Туркменабат (Туркменистан), погранпункты пропуска «Ишкашим», а также «Нижний Пяндж» (Таджикистан).

Исходящая из Афганистана угроза безопасности стран Центральной Азии пока сохраняется. Проблемы нестабильности, наркотрафика, беженцев еще не потеряли свою остроту. Несмотря на настойчивые

призывы афганского руководства расширить присутствие миротворцев на другие города страны, у МССБА (Международные силы содействия в безопасности в Афганистане) нет мандата на операции за пределами Кабула. Тем временем, ни «Талибан» и «Аль-Каида» как террористические организации, ни их главари пока еще не ликвидированы, а в стране после падения режима талибов возобновилась междоусобица между этническими, племенными и конфессиональными группировками.

В целом, можно утверждать, что возможность активизации международного терроризма и торговли наркотиками по сей день остается одним из главных вызовов не только региональной, но и международной безопасности. Сегодня все понимают, что участие международного сообщества, стран контртеррористической коалиции и особенно соседних стран в делах Афганистана не должно прекратиться с окончанием войны против терроризма. Поэтому наряду с военной операцией в Афганистане должны предприниматься решительные меры международного сообщества по восстановлению разрушенной экономики этой страны, а также необходимо выработать широкую и долгосрочную программу в целях развития стран данного региона для более успешной реализации процесса восстановления социальной и экономической инфраструктуры Афганистана.

Решение афганского вопроса, несомненно, будет стимулировать региональное сотрудничество и реализацию долгосрочных проектов по выходу стран Центральной Азии к морским коммуникациям. Со своей стороны временная афганская администрация также отметила, что Афганистан готов к всестороннему сотрудничеству со странами региона.

Следует особо отметить ключевую роль ООН в вопросах постконфликтной реабилитации Афганистана и возвращения афганского народа к мирной, сози-

дательной жизни, усилия международного сообщества в рамках различных конференций по Афганистану (Боннская, Вашингтонская, Токийская и др.), которые позволяют не только сблизить позиции основных общественно-политических и религиозных сил афганского общества по вопросам будущего государственного обустройства страны, но и разработать и выработать конкретные программы по восстановлению этой страны.

Государства Центральной Азии, в свою очередь, поддержали администрацию Афганистана во главе с Хамидом Карзаем как силу, способную консолидировать афганское общество, они установили дипломатические контакты и начали политико-экономические отношения с официальным Кабулом, заявили о готовности оказать помощь в подготовке афганских специалистов и начали направлять технический персонал для восстановления экономических объектов в Афганистане, создали некоторые СП с афганской стороной. В настоящее время рассматриваются вопросы сотрудничества в строительстве автомобильных дорог и сооружений топливно-энергетического комплекса Афганистана.

Прошедшая в июне 2002 г. «Лойя джирга» стала, несомненно, важнейшим этапом процесса стабилизации в Афганистане. Избрано переходное правительство Афганистана сроком на 1,5 года. Однако, в целом даже после проведения «Лойя джирги», общую ситуацию в Афганистане трудно будет назвать стабильной и устойчивой. Ключевые проблемы накапливались в течение десятков лет, и в первую очередь разлом по этническим линиям по-прежнему будут актуальными для страны. В связи с этим ряд экспертов не исключает в среднесрочной перспективе варианта распада Афганистана на разные части, тем более, что такой вариант сегодня все еще может быть в интересах ряда государств¹¹⁸.

Одним из главных выводов из анализа последних событий, связанных с Афганистаном, может быть следующее: ИГА превратилось в очаг международного терроризма и религиозного экстремизма из-за того, что территория страны оказалась неконтролируемой центральным правительством и, собственно, основные институты государства перестали функционировать. Поэтому искоренение тех глобальных угроз, которые исходили из этой страны, связано прежде всего с успехом строительства основ государственности при самой активной помощи со стороны мирового сообщества. А это, помимо прочего, означает необходимость не только постоянного присутствия миротворческих сил на территории Афганистана, но и расширения зоны их действия вплоть до восстановления дееспособной, стабильной и сильной государственной системы, а также создания необходимых условий обеспечения и поддержания мира и безопасности в макрорегионе Центральной и Южной Азии.

ГЛАВА 4. ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

4.1. Основные вызовы и угрозы безопасности в регионе

В целом одинаковые или схожие для стран Центральной Азии основные вызовы и угрозы международного терроризма, религиозного экстремизма и наркобизнеса обуславливают стремление государств региона объединить усилия в целях обеспечения региональной безопасности. Содействие антитеррористической операции в Афганистане, оказанное государствами Центральной Азии, во многом стало решающим фактором перемещения региона с периферии международной жизни в центр мирового внимания, превращения его в плацдарм противодействия дальнейшему распространению международного терроризма, религиозного экстремизма и наркобизнеса в мире.

Перспективы нормализации ситуации в Афганистане и формирование долгосрочных предпосылок для обеспечения безопасности в Центральной Азии, а также растущее внимание международного сообщества к региону создают практически уникальные возможности для его всестороннего развития. Международное сообщество при этом призвано оказать адекватное содействие странам Центральной Азии, поддержать их совместные усилия и выступить внешним гарантом развивающихся в регионе позитивных процессов.

Динамика дальнейшего развития сотрудничества в Центральной Азии будет во многом зависеть от готовности стран региона противостоять следующему ряду угроз и вызовов безопасности.

Первое. Несмотря на успехи завершающейся военной фазы антитеррористической операции в Афга-

нистане, сохраняется угроза проявлений терроризма как фактора дестабилизации обстановки в Центральном азиатском регионе. На территории Афганистана по-прежнему действуют разрозненные группы международных террористов и религиозных экстремистов. Несмотря на нейтрализацию военной и административной машины «Талибан», задачи, поставленные участниками международной антитеррористической коалиции, пока решены не полностью. Военная и террористическая угрозы, в том числе для стран Центральной Азии, исходившие с афганской территории, были лишь минимизированы.

В Афганистане пока не удалось создать сильную централизованную власть, которая была бы способна гарантировать процесс национального примирения в стране. По оценкам многих наблюдателей, Афганистан может вновь скатиться к анархии, поскольку полевые командиры возобновили междуусобицу, которую временное правительство не в силах остановить. Дальнейшая эскалация внутриафганского противостояния неизбежно будет выливаться в вооруженные стычки, что не только ставит под угрозу развитие в Афганистане мирных процессов, но и может привести к повторному превращению этой страны в прибежище международных террористов и рассадник экстремистских идей в глобальном масштабе.

На территории Афганистана остается большое количество оружия и боевой техники. По оценкам ООН, в руках у населения страны находится около 10 миллионов единиц легкого стрелкового оружия¹¹⁹. Данный факт в условиях отсутствия должного государственного контроля за его использованием и с учетом наличия стабильных каналов поставки новых вооружений является серьезной предпосылкой для перерастания практически любых конфликтов местного уровня в военное противостояние.

Сложная социально-экономическая обстановка и

отсутствие у афганского населения альтернативных источников существования является одним из главных условий процветания в Афганистане наркобизнеса. Несмотря на официальный запрет на выращивание опиумного мака, введенный временным правительством Афганистана, в стране по-прежнему огромное число плантаций наркокультуры. Финансовая выгода от выращивания опиумного мака для афганских крестьян очевидна: гектар опийного мака приносит почти в 10 раз больше дохода, чем гектар пшеницы. По расчетам Международного агентства по контролю за наркотиками ООН, урожай опиумного мака в Афганистане в 2002 году приблизится к уровню 2000 года и составит 1900—2700 тонн¹²⁰. Более того, в ходе антитеррористической операции в Афганистане ни запасы героина, ни мини-заводы по его производству не пострадали.

«Удобное» расположение Центральной Азии на пути транспортировки наркотиков на Запад продолжает оставаться одной из главных причин активизации террористических сил в регионе. Имеются убедительные доказательства того, что деятельность международных террористов во многом преследует целью формирование стабильных каналов наркотрафика из Афганистана через Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан в Россию и далее в Европу.

Известно, что до последнего момента в Афганистане производилось до 70 процентов всех опиатов в мире. Как показывает статистика, в последнее время центральноазиатский маршрут транспортировки героина из Афганистана в Европу становится приоритетным. Согласно статистическим данным, за последние 10 лет только таможенной службой Узбекистана задержано около 30 тонн наркотиков и 77 тонн уксусного ангидрида (одного из основных компонентов для промышленного производства героина)¹²¹. Российскими пограничниками в 2001 году на различных

участках таджикско-афганской границы было изъято около 4 тонн наркотиков, в том числе почти 1400 килограммов героина. Фактически, Центральная Азия уже стала крупной перевалочной базой для транспортировки наркотиков на Запад. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к увеличению потребления наркотиков в самих странах региона.

Таким образом, масштабы транспортировки наркотиков, а также причастность к наркобизнесу исламских радикальных групп свидетельствуют о том, что удар по наркобизнесу в регионе означает прямой удар по терроризму и наоборот.

Второе. Серьезную угрозу стабильности в Центральной Азии несет в себе также активность религиозно-экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир», которая, прикрываясь лозунгами ислама, стремится к достижению своих политических целей — свержению конституционного строя в центральноазиатских государствах.

Проявляемая со стороны международного сообщества решительность и последовательность в борьбе с терроризмом может привести к тактическому отказу экстремистских организаций от вооруженных форм борьбы и насильственных действий. При этом уже в ближне- и среднесрочной перспективе религиозные экстремистские и террористические центры могут сконцентрировать имеющиеся материальные и финансовые ресурсы на идеологических аспектах своей деятельности в различных регионах, в том числе и на центральноазиатском направлении.

«Хизб ут-Тахрир» потенциально может стать главным проводником интересов религиозно-экстремистских сил в регионе. Опасность, исходящая от «Хизб ут-Тахрир», заключается в том, что своей стратегической целью она считает построение единого теократического государства не только в отдельно взятых мусульманских странах или регионах, но и в мусульман-

ском мире в целом, так как в идеологию этой организации заложена идея создания всемирного халифата. Для достижения этой цели они призывают всех мусульман постоянно (до судного дня) жить в состоянии джихада.

Сохранение данной угрозы на территории Ферганской долины, расположенной на стыке трех стран Центральной Азии, накладывает на них особую ответственность за обеспечение как национальной, так и региональной безопасности. Единая позиция государств региона по данному вопросу, скорее всего, должна заключаться в том, что религиозный экстремизм и международный терроризм несут угрозу не только отдельным странам и регионам, но и всему цивилизованному миру, поэтому их следует нейтрализовать всеми доступными и законными путями.

Чтобы победить указанное зло, очевидно, потребуются комплекс военно-политических, финансовых, дипломатических, политико-правовых и других мер, а также усилия различных общественных и неправительственных организаций. Эти меры могут носить как межгосударственный двусторонний, так и региональный, международный характер. Причем большое значение имеют законные меры, предпринимаемые каждой страной, где проблемы экстремизма и терроризма являются общественно осознанными.

Третье. В геостратегическом отношении Центральная Азия входит в зону интересов крупнейших мировых держав и центров силы, ведущих борьбу за сферы влияния в этом регионе. Геоэкономические факторы, борьба за энергоресурсы региона могут создать предпосылки для превращения Центральной Азии в один из «нервных узлов» мировой политики в ближайшие годы.

В таком положении государства Центральной Азии должны проявить твердую заинтересованность в недопущении того, чтобы регион вновь стал «яблоком

раздора». Превращение региона в органическую составную часть глобального экономического и политического пространства, конечно, не снимет объективных противоречий. Тем не менее, это позволит придать развитию событий большую предсказуемость и управляемость. Образование в Центральной Азии зон взаимопересекающихся экономических интересов усилит приоритетность фактора стабильности для всех участников политического процесса.

Четвертое. Определенное негативное влияние на безопасность и стабильность Центральной Азии оказывает неурегулированность ряда аспектов межгосударственных отношений, например, вопросы, связанные с делимитацией границы, режимом совместной эксплуатации трансграничных рек и ряд других. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что ситуация в этой сфере зачастую чрезмерно драматизируется средствами массовой информации. В условиях динамично меняющейся ситуации в регионе и вокруг него центральноазиатские государства признают объективную необходимость развивать сотрудничество не только в политической сфере, но и расширять и углублять взаимодействие в экономической, научно-технической, культурно-гуманитарной сферах и др.

4.2. Стратегия обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии

В полной мере осознавая характер и глубину вышеуказанных угроз, центральноазиатские государства стремятся строить свою стратегию, исходя из объективной необходимости формирования целостной системы региональной безопасности на основе принципов взаимного доверия, открытости, соблюдения рационального баланса национальных и региональных интересов, неуклонного выполнения всех принимаемых решений.

В этих условиях, к примеру, Узбекистан, исходя из своего геополитического положения и потенциала, может стать главным инициатором комплекса мер по формированию системы безопасности в регионе. При этом важное место Республикой Узбекистан отводится практической реализации положений ташкентского Договора от 21 апреля 2000 года между Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью.

Данный акт может рассматриваться как основа для создания системы региональной безопасности в Центральной Азии, поскольку уже на начальном этапе в его рамках можно решить следующие задачи:

— сближение норм национальных законодательств в целях противодействия терроризму и любым проявлениям экстремизма, транснациональной организованной преступности;

— разработка и реализация практических мер, направленных на исключение любой возможности использования территории стран Центральной Азии для создания террористических баз;

— обмен информацией о готовящихся или совершенных преступлениях и причастных к ним лицах и организациях, о формах и методах террористической деятельности;

— осуществление при необходимости совместных специальных операций компетентных органов стран региона.

Однако, с учетом особенностей современной геополитической ситуации и сложившейся в регионе расстановки сил, система региональной безопасности в Центральной Азии должна гармонично сочетаться с существующими структурами международного сотрудничества в этой сфере.

В этом плане следует отметить региональную структуру — Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Вхождение в нее двух постоянных членов Совета Безопасности ООН — России и Китая дает дополнительную возможность странам Центральной Азии использовать потенциал этих двух государств в борьбе с терроризмом, религиозным экстремизмом, агрессивным сепаратизмом и наркобизнесом.

Вместе с тем, деятельность этой организации может оказаться не всегда эффективной. Это во многом будет зависеть от избранной самими центрально-азиатскими странами стратегии в рамках ШОС. В конечном итоге участие в этой организации этих стран не должно сводиться к преобладанию политического веса Москвы или Пекина в центральноазиатских делах, а их содействию делу укрепления региональной безопасности.

Актуальное значение для стран Центральной Азии приобретает военно-политическое сотрудничество с США и странами НАТО. Приоритетное значение на данном направлении имеет установление реального военно-технического сотрудничества между государствами региона и НАТО. Ключевым направлением такого сотрудничества могло бы стать взаимодействие стран по укреплению государственных границ, совершенствованию их инженерно-технической инфраструктуры.

США уже в течение продолжительного времени сотрудничают со странами региона в борьбе с терроризмом. С момента объявления Инициативы по охране центральноазиатских границ в апреле 2000 года правительство США выделило 70 млн. долларов на обучение таможенников и пограничников, антитеррористическую помощь и оборудование для связи, наблюдения и разведки. Эти программы создали основу для сотрудничества, на которой Соединенные Шта-

ты строили нынешние совместные усилия по проведению антитеррористической операции в Афганистане.

В настоящее время практически все государства Центральной Азии, так или иначе, рассматривают американское участие в системе региональной безопасности как необходимое, что подтверждается готовностью центральноазиатских государств предоставить Соединенным Штатам и их союзникам свое воздушное пространство и военные аэродромы. Подобные шаги свидетельствуют о начале принципиальных политических перемен в отношениях этих государств и США, показывают стремление стран Центральной Азии сблизиться с Западом и, в первую очередь, с Вашингтоном.

Согласие некоторых стран Центральной Азии на модернизацию целого ряда своих военных объектов в соответствии со стандартами НАТО подразумевает собой привлечение западных специалистов к созданию необходимой инфраструктуры, подготовке обслуживающего персонала, а также, возможно, обучению военных кадров. Это, в свою очередь, ведет к тому, что военная кооперация перерастет в долгосрочную программу сотрудничества по различным направлениям, в которую будут вовлечены практически все страны региона.

Налаживание более прочной и действенной кооперации между НАТО и центральноазиатскими странами-партнерами, введение новых механизмов проведения политических консультаций приведет к заметной активизации сотрудничества в рамках Совета евроатлантического партнерства (СЕАП). При этом в рамках СЕАП должны значительно расшириться масштабы инвестиций НАТО в сферу безопасности, выделяемые по программе «Партнерство ради мира» (ПРМ). В частности, инициативы НАТО по расширению и углублению ПРМ должны затронуть почти все аспек-

ты партнерства, вывести сотрудничество между НАТО и странами-партнерами на качественно новый уровень.

Как отмечалось, американское присутствие в Центральной Азии приобрело стратегический характер. В связи с участием центральноазиатских стран в составе антитеррористической коалиции, намечаемое долгосрочное сотрудничество США со странами региона выдвигает необходимость концентрации американских усилий на том, чтобы связать кооперацию в военной области с оказанием реального содействия осуществляемым реформам в государствах Центральной Азии.

Намерение Вашингтона сохранить свое присутствие в регионе во многом связано с пониманием сложности и долгосрочности задачи комплексного регулирования обстановки в Афганистане. Взамен военного присутствия в Центральной Азии США предложены варианты долгосрочного экономического и иного сотрудничества в целях содействия социально-экономическому развитию стран региона.

В ходе консультаций официальных представителей США с руководителями стран региона активно обсуждаются вопросы политического, экономического, гуманитарного и военного характера. При этом американская сторона неоднократно отмечала «качественно новый» характер формирующихся взаимоотношений между США и странами Центральной Азии. В частности, Узбекистан подтвердил свое намерение ускорить реализацию программы реформ для достижения экономической либерализации и рыночной экономики в стране¹²². Обоюдное стремление сторон к дальнейшему углублению сотрудничества привело к подписанию 30 ноября 2001 года Меморандума о взаимопонимании между правительствами Республики Узбекистан и США о дальнейшем развитии двустороннего сотрудничества и поддержке экономических реформ в Узбекистане. А в марте 2002 года в ходе официального визита Прези-

дента Узбекистана И. Каримова в Вашингтон была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между США и Республикой Узбекистан, которая провозглашает приверженность двух стран укреплению безопасности и стабильности в Центральной Азии. Аналогичный уровень американо-казахстанских отношений был достигнут во время визита Президента Казахстана Н. Назарбаева в Вашингтон в декабре 2001 года.

Как представляется, приверженность американской политики более глубокому и скоординированному взаимодействию по всему спектру вопросов, в том числе в области безопасности, торговли, энергетики и укрепления внутренней безопасности стран путем содействия политическим и экономическим реформам позволит создать предпосылки к обеспечению долгосрочной стабильности в Центральной Азии.

Вместе с тем, необходимость противодействия международному терроризму и религиозному экстремизму через решение социально-экономических и социально-политических проблем Центральной Азии диктует также необходимость вовлечения в региональные процессы таких организаций, как ООН, ОБСЕ и др.

С созданием Комитета по борьбе с терроризмом СБ ООН практически реализована инициатива Узбекистана о создании «Международного центра по борьбе с терроризмом в структурах ООН». Следует подчеркнуть, что вопросы координации всеобщей борьбы с терроризмом и афганского обустройства должны решаться под эгидой ООН. В этом отношении большое значение приобретает подписанный 14 декабря 2001 года в Ташкенте Протокол между правительством Республики Узбекистан и Организацией Объединенных Наций о содействии поставкам гуманитарной помощи из Узбекистана в Афганистан¹²³.

Данный документ не только способствовал усилиям международных неправительственных и межпра-

вительственных организаций в транзите соответствующего персонала и переправке грузов в Афганистан, но также ускорению реализации долгосрочных программ ПРООН в Узбекистане в следующих сферах: повышение уровня жизни населения посредством создания устойчивых источников дохода; охрана окружающей среды; развитие человеческих ресурсов, оказание содействия в более полном использовании достижений информационных и коммуникационных технологий в Узбекистане; оказание поддержки правительству по вопросам координации внешней помощи.

Одну из ключевых ролей в деле укрепления безопасности и стабильности в Центральной Азии может сыграть ОБСЕ. Принятие в 2001 году Бухарестского плана действий по борьбе с терроризмом, включающего предложения о практической поддержке центральноазиатских государств, подчеркивает решимость Организации общими силами противостоять террористической угрозе. При этом ОБСЕ, помимо прочего, обращает внимание также на проблемы преодоления причин возникновения терроризма — политического и социально-экономического неравенства, создающих питательную среду для экстремистской идеологии¹²⁴. Проведенная в декабре 2001 года в Бишкеке под эгидой ОБСЕ международная конференция «Укрепление безопасности и стабильности в Центральной Азии: наращивание всесторонних усилий по противодействию терроризму», организованная в развитие той работы, начало которой положила конференция по безопасности, совместно проведенная УКНПП и ОБСЕ в октябре 2000 года в Ташкенте, стала первым шагом в выполнении Бухарестского плана действий по борьбе с терроризмом¹²⁵.

Стратегия обеспечения региональной безопасности в ближайшей перспективе должна включать также оказание странам региона технического и финансово-

го содействия на основе комплексных национальных и региональных программ в следующих областях:

— расширение возможностей государств Центральной Азии в обеспечении пограничного контроля и недопущении пересечения границ террористическими и организованными преступными группами, учитывая ситуацию в Афганистане, в особенности в том, что касается незаконного оборота наркотиков, но не препятствуя нормальному ведению торговли и свободному передвижению людей;

— содействие устойчивому экономическому развитию посредством, среди прочего, укрепления сотрудничества между национальными банками стран региона, а также в рамках международных банковских структур, с целью поддержки экономических процессов, включая привлечение иностранных инвестиций, с одной стороны, и повышения потенциала по борьбе с отмыванием денег и пресечению финансирования терроризма, с другой стороны;

— организация совместной подготовки кадров и оперативной деятельности в различных областях, включая подготовку специалистов и рассмотрение возможности снабжения соответствующим оборудованием и технологиями;

— усиление потенциала государственных учреждений по борьбе с терроризмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков;

— рассмотрение возможности оказания подобной финансовой и иной помощи также в целях облегчения ратификации и выполнения соответствующих международных конвенций.

Как представляется, механизмы международного взаимодействия по построению устойчивой системы региональной безопасности в Центральной Азии должны обеспечивать участие в них основных центров силы и международных организаций, в рамках совместных действий. Международное содействие проводи-

мым центральноазиатскими странами реформам позволит достичь стабильности и мира не только в Центральной Азии, но и в других регионах, предотвратить в будущем появление новых очагов угроз глобальной безопасности.

Между тем, в конечном счете, решающую роль в процессе создания эффективной и надежной системы региональной безопасности должны сыграть сами центральноазиатские государства. Именно их активная и конструктивная позиция станет залогом формирования такой региональной среды, которая будет гарантировать устойчивое и стабильное развитие всей Центральной Азии. При этом, сотрудничество в сфере обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии должно быть основано не на декларативных заявлениях, спонтанных решениях и действиях, а на системной основе, заложенной ранее принятыми двусторонними и многосторонними документами.

В центре внимания государств Центральной Азии, наряду с организацией региональной системы противодействия угрозам безопасности, должны находиться проблемы углубления и развития многогранного экономического и гуманитарного сотрудничества.

В этой связи результаты двух последних саммитов глав государств Центральной Азии, состоявшихся 27-28 декабря 2001 года в Ташкенте и 28 февраля—1 марта 2002 года в Алматы, в ходе которых, как упоминалось выше, созданное в 1994 году Центральноазиатское экономическое сообщество было преобразовано в организацию Центральноазиатское сотрудничество (ЦАС), можно рассматривать как стремление государств Центральной Азии вывести региональное сотрудничество на качественно новый уровень. В частности, на ташкентском саммите 2001 года было подтверждено, что взаимовыгодное сотрудничество в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях, а также тесное взаимодей-

ствие на международной арене отвечают национальным интересам всех стран региона и играют важную роль в поддержании мира и стабильности на региональном и глобальном уровнях¹²⁶.

Достигнутые в ходе встреч в верхах договоренности уже внесли существенные изменения в динамику межгосударственных отношений в Центральноазиатском регионе. Так, например: 23 января 2002 г. посольства Узбекистана и Кыргызстана в Вашингтоне провели в министерстве торговли США круглый стол, посвященный теме инвестиций и бизнеса¹²⁷; по итогам визита в Ташкент правительственной делегации Таджикистана 12 февраля 2002 года был подписан ряд соглашений, в соответствии с которыми снижены тарифы на газ, поставляемый из Узбекистана в Таджикистан, а также сокращен на 12 млн. долларов государственный долг Таджикистана.

Необходимо подчеркнуть, что в ходе упомянутых саммитов главы центральноазиатских государств уделили внимание и укреплению взаимного доверия в регионе, которое является одним из ключевых факторов развития межгосударственного сотрудничества. В этой связи следует отметить инициативу Узбекистана о формировании единого информационного пространства посредством организации взаимной трансляции телепрограмм между странами региона. Между Узбекистаном и Таджикистаном уже существует соответствующая договоренность, которая была достигнута в ходе визита Президента Э.Рахмонова в Ташкент 27—28 декабря 2001 года¹²⁸. Как представляется, такие меры будут способствовать сближению народов, их осведомленности о жизни соседних стран, а также установлению более открытого диалога между государствами.

Процесс дальнейшего продвижения и диверсификации политического диалога, совершенствования форм и механизмов региональной экономической интеграции, углубления взаимопонимания по вопросам фор-

мирования единого пространства безопасности, выработки совместных действий по поддержанию мира и стабильности в регионе будет во многом зависеть от активизации многопланового сотрудничества в реализации международным сообществом программ экономического и общественно-политического развития региона Центральной Азии.

4.3. Об архитектуре безопасности в Центральной Азии

В Центральной Азии еще не создан эффективный механизм коллективной безопасности. Вопросы региональной безопасности во многом решаются в рамках различных международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ, ЦАС, СНГ, ОИК, ШОС.

Первой попыткой создать систему коллективной безопасности, которая покрывала бы регион Центральной Азии, было заключение 15 мая 1992 года шестью государствами-членами СНГ (РФ, Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном) Договора о коллективной безопасности. Туркменистан не входил в эту региональную структуру, позже, 12 декабря 1995 года, он обрел статус постоянного нейтралитета, закрепленный специальной резолюцией ООН. В сентябре—декабре 1993 года к ДКБ присоединились Азербайджан, Грузия и Беларусь. ДКБ был ратифицирован всеми участниками и вступил в силу 20 апреля 1994 года с условием возможности пролонгации срока действия через 5 лет.

Согласно Договору, стороны обязались согласовывать свои позиции в сфере безопасности. А согласно статье 4, агрессия против одной из сторон Договора должна рассматриваться всеми участниками как агрессия против всех участников соглашения. Важной составляющей ДКБ является также статья 1, согласно

которой государства-участницы обязываются не вступать в военные союзы, направленные против государства-участника. В то же время Договор оставляет возможность для участия в системах коллективной безопасности в Европе и Азии. Статья 10 оставляет открытой возможность для присоединения к Договору других государств.

Однако, ДКБ в практическом плане не оправдал надежды в условиях возникновения новых типов угроз и вызовов безопасности. ДКБ не проявил себя как структура, способная проводить миротворческие операции, осуществлять превентивную политику и ликвидировать конфликты внутри СНГ. Отношения внутри ДКБ развивались в рамках собственной логики стран-участниц, которая определялась рядом геополитических, военно-политических, внутривосточных и иных факторов, складывавшихся как на постсоветском пространстве, так и вокруг него.

Так, локальные конфликты в Таджикистане, в Приднестровье не решались с помощью ДКБ, а два участника Договора — Азербайджан и Армения — даже вступили в военный конфликт друг с другом. Вопросами Карабахского урегулирования занимаются, скорее, в рамках ОБСЕ (так называемая Минская группа ОБСЕ), чем в рамках ДКБ. Введенные в Абхазию российские миротворцы имели мандат СНГ, и в Приднестровье тоже присутствие российской армии не имело мандата ДКБ.

С конца 1994 года в самой России началась Чеченская война. В 1999 году угроза религиозного радикализма затронула Дагестан, началась вторая война в Чечне. С передвижением на север Афганистана сил движения «Талибан» в 1996 году и особенно их военным выдвижением к границам Центральной Азии в 1998 году положение в регионе стало крайне опасным. Новые виды угроз — международный терроризм, наркобизнес, неконтролируемая миграция, рас-

пространение подрывной литературы — стали главными факторами опасности в регионе, против которых ДКБ оставался бессильным. Баткентские события 1999 года и их повторение в 2000 году, когда вооруженные группировки исламистов сумели вторгнуться через Таджикистан на территории Кыргызстана и Узбекистана, показали, что Договор не в состоянии обеспечить безопасность в регионе.

Ситуация усугублялась межгосударственными противоречиями между участниками Договора по стратегически важным вопросам. Кроме того, российская сторона не всегда относилась к участникам Договора как к равноправным партнерам. В этих условиях постепенно ДКБ превращался во все более малоэффективную структуру и его сохранение оказалось, по существу, бессмысленным. Эти дезинтеграционные тенденции привели к тому, что ДКБ испытывал серьезнейший кризис, который вполне мог привести к его распаду. На сессии Совета коллективной безопасности (СКБ) государств-участниц ДКБ, прошедшей в Москве в апреле 1999 года, из ДКБ вышли Узбекистан, Азербайджан и Грузия, лидеры которых не подписали Протокол о продлении Договора.

Появилась тенденция к формированию в рамках СНГ другой структуры — ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова). Многие аналитики с самого начала усмотрели в этой организации прообраз формирующейся новой, альтернативной ДКБ структуры, призванной решать вопросы безопасности стран-участниц, если не стать военно-политическим блоком. В российских политических кругах прозвучали нотки подозрения типа: «Россия считает неприемлемым создание каких-либо военных структур в рамках интеграционного объединения ГУУАМ... Это разрушало бы пространство СНГ»¹²⁹. В российских СМИ велись рассуждения о, якобы, формирующейся «Южном фронте», «оборонительной дуге» на юге СНГ,

в которую осталось лишь встроить Туркменистан¹³⁰. Однако сами члены ГУУАМ пока не декларировали в своей повестке дня решение военных вопросов и вопросов коллективной безопасности, а подчеркивали глубоко экономические интересы как основную подоплеку создания этого объединения. Да и вряд ли возможен в рамках ГУУАМ какой-то военно-политический блок, поскольку он, будучи интегрированным (и даже не интегрированным) в западные силовые структуры, «неизбежно спровоцирует ответную реакцию России, в том числе в виде создания контр-блока из лояльных к ней государств. Тогда стихийное нарастание напряженности на юге бывшего СССР обеспечено»¹³¹.

В то же время, обращает на себя внимание позиция отдельных государств относительно перспектив этой организации. Так, в частности, на семинаре, проведенном в США РСЕ/РС по ГУУАМ, посол Грузии Т. Джапаридзе подчеркнул, что ГУУАМ не искусственная организация, основанная на принуждении, а отражение сближения пяти стран с «общими проблемами и представлениями об угрозах»¹³².

В таких условиях, государства-участники ДКБ, особенно российская сторона, в последние годы предпринимают шаги для сохранения этой структуры коллективной безопасности и придания ей нового импульса. Они конкретизировались, в основном, в саммитах глав государств-участников Договора — Минской сессии СКБ (май 2000 г.), Бишкекской сессии СКБ (октябрь 2000 г.), Ереванской сессии СКБ (май 2001 г.) и Московском юбилейном саммите государств-участников ДКБ (май 2002 г.). Одним из итогов этих усилий стало решение о создании Коллективных сил быстрого развертывания Центральноазиатского региона (КСБР), со штабом в Бишкеке. Впервые в истории ДКБ конкретно указывался регион, который находился под угрозой дестабилизации — Центральная Азия. В качестве основных задач перед КСБР

ставилось отражение внешней военной агрессии и проведение совместных контртеррористических операций.

В состав КСБР общей численностью 1500 военнослужащих были включены казахстанский штурмовой батальон «Казбат», кыргызский горно-стрелковый батальон, российская тактическая группа на уровне батальонных соединений и отдельный батальон связи, а также таджикский десантно-штурмовой батальон. Дислоцируются все они на территории собственных стран, за исключением российского батальона, расположенного в Таджикистане. Этим силам была передана авиатехника, в том числе транспортная и штурмовая авиация, вертолеты. Государства ДКБ увеличивают количество военных маневров и командно-штабных учений. Только в 2002 году их будет проведено не менее 10. Таким образом, КСБР пытаются приспособить к проведению мобильных операций по ликвидации ограниченных групп террористов.

Одним из главных итогов юбилейного саммита государств-участников ДКБ, прошедшего в мае 2002 года в Москве, стало принятие решения о преобразовании ДКБ в «Организацию договора о коллективной безопасности» (ОДКБ). Некоторые аналитики оценили это решение как попытку создать военный блок наподобие Варшавского пакта.

В Москве 14 мая 2002 года также проводилось совместное заседание Совета министров иностранных дел и Совета министров обороны государств-участниц ДКБ. Речь, в частности, шла о совместной разработке и производстве продукции военного назначения и совместной подготовке военных кадров. Принято решение, в соответствии с которым страны-участницы ДКБ будут покупать оружие и военную технику по внутренней цене ОДКБ.

Что касается перспектив ОДКБ в обеспечении безопасности в Центральной Азии, то они пока не одно-

значны. Во-первых, в нее входят не все государства региона. Во-вторых, в устранении основной угрозы военной опасности, исходившей из Афганистана, главную роль сыграли силы международной антитеррористической коалиции. И некоторые подразделения этих сил, дислоцирующиеся на территориях стран региона, в том числе входящих в ОДКБ, считаются гарантом безопасности в странах пребывания. Все это не может не отразиться на, так сказать, конкурентоспособности ОДКБ в обеспечении региональной безопасности.

Возвращаясь к вопросу об архитектуре региональной безопасности в Центральной Азии, следует заметить, что ее обеспечение, укрепление и сохранение — это прежде всего задача самих государств региона, поскольку это вопрос об их выживании и функционировании в качестве полноценных субъектов международных отношений. Нужна ли Центральной Азии система региональной безопасности? Если да, то как ее создавать, а если нет, то могут ли центральноазиатские государства ограничиваться своей системой национальной безопасности? Без ответа на эти фундаментальные вопросы, всякий анализ проблематики мира в регионе, предотвращения межгосударственных конфликтов, стабильности и устойчивого развития этих стран будет неполноценным.

Ответы на вышепоставленные вопросы следует искать с учетом следующих факторов. **Во-первых**, Центральная Азия в полной мере претендует на определение региона. Это географическое пространство выделено как естественными границами, определяемыми топографическими параметрами, так и историко-культурными процессами, присущими странам региона. Даже в бытность советского государства это пространство особо обозначалось как «Средняя Азия и Казахстан». Не случайно после распада Союзного государства и образования на его месте

СНГ одновременно было создано Содружество центральноазиатских стран.

Во-вторых, все пять стран региона испытывают целый набор общих вызовов и угроз их безопасности. Все внерегиональные страны, будь то Россия или Китай, испытывают вызовы и угрозы из этого набора лишь как вторичные объекты их распространения. Другими словами, как отмечалось выше, центральноазиатские страны первыми и одновременно подвержены таким вызовам и угрозам, как:

— война в Афганистане и нестабильность в Таджикистане;

— попытки использования территории стран региона в качестве транзитной для организации и осуществления контрабанды наркотиков и оружия;

— распространение идеологии религиозного экстремизма и терроризма;

— высыхание Аральского моря, природные и техногенные экологические проблемы в районах Семипалатинска, Майлуу Суу, острова Возрождения, Сарезского озера;

— большая вероятность роста незаконной миграции и неконтролируемых потоков беженцев как из зон экологического бедствия, так и из зон конфликтов;

— деструктивное воздействие как бывших, так и некоторых новых заинтересованных геополитических и криминальных сил на региональную стабильность, состояние межгосударственных отношений, попытки разжигания межнациональной и межгосударственной напряженности, недоверия и конфликтов;

— неурегулированность вопросов, связанных с делимитацией межгосударственных границ, распределением и использованием водных ресурсов;

— наметившаяся конкуренция за привлечение иностранных инвестиций;

— социально-экономическое положение в странах

региона, требующее совместных мер, направленных на преодоление отсталости, бедности, безработицы и обеспечение устойчивого развития, а также единого пакета мер в рамках международной помощи;

— информационное соперничество между центральноазиатскими странами, выражающееся в негативном отражении в их средствах массовой информации действий друг друга на региональной и международной арене, подчас огульном обвинении друг друга в различных недружелюбных поползновениях.

В-третьих, в Центральной Азии интеграционные и дезинтеграционные волны, накатываясь друг на друга, создают такую сложную гео-социо-культурно-политическую тектонику регионального развития, что порой трудно заметить, где проходит грань между национальным и региональным. В условиях общепланетарной тенденции к регионализации международных отношений, мы имеем не только незавершенность процесса составления политической карты Центральной Азии и не только непреодолимое препятствие для его завершения, которое несет в себе исторически сложившийся трансграничный образ жизни населения приграничных районов, для которых национальное самоопределение не уместится в пределы навязанных им межгосударственных границ, но и, собственно, экономическую нерациональность размежевания. Рассчитал ли кто-нибудь из экономистов, например, цену вопроса о создании полноценных границ (со следовой полосой, колючей проволокой, смотровыми вышками и прочими атрибутами), да еще в тех топографических условиях, которые имеются в регионе? Именно на примере Центральной Азии мы можем наблюдать абсолютную востребованность, актуальность и действительность принципа неделимости безопасности.

Другими словами, вся Центральная Азия представляет собой полноценный и самостоятельный «комплекс безопасности», если использовать термин Б. Бу-

зана. По его определению, комплекс безопасности — это группа государств, чьи интересы безопасности связывают их достаточно тесно, что их национальная безопасность не может реалистично рассматриваться отдельно друг от друга¹³³.

Исходя из такого видения центральноазиатского регионализма, нетрудно прийти к выводу о необходимости и возможности создания рассматриваемыми странами своей системы коллективной безопасности. Более того, такая система была бы объективна в интересах мировых держав, прежде всего традиционных соперников — США и РФ. «Сегодня долгосрочные стратегические интересы США, Европы, России, других стран настоятельно требуют объединения усилий (военных, разведывательных, финансовых, идеолого-пропагандистских) в поддержке среднеазиатских стран и, прежде всего, режима Ислама Каримова в Узбекистане в их борьбе с вооруженными отрядами исламских экстремистов. В конечном итоге, это борьба за мирное будущее международного сообщества»¹³⁴.

Более того, вряд ли будет целесообразным и эффективным, если на общие вызовы и угрозы региональной безопасности пять центральноазиатских государств дадут пять различных ответов. В последнем случае эти государства получают вместо укрепления своей безопасности лишь так называемую дилемму безопасности — следствие взаимного недоверия, подозрительности, автаркии и, если угодно, неуместного эгоизма. А гонка вооружений — естественный продукт дилеммы безопасности. Поэтому эти государства вряд ли должны ограничиваться лишь своими национальными системами безопасности.

А с другой стороны, также было бы не вполне последовательным для них искать так называемый зонтик безопасности, образно говоря, на стороне. Ведь какая держава решится на предоставление гарантий безопасности отдельным странам региона или даже

всем им вместе, если они сами не будут проявлять коллективной политической воли, общей стратегической готовности и конкретных коллективных действий в направлении обеспечения региональной безопасности?

Важно отметить, что система региональной безопасности в Центральной Азии должна не только гарантировать военно-политическую и социально-экономическую стабильность, основываться на проведении общей политической позиции, но и обеспечивать геополитический баланс между мировыми центрами сил. Это должна быть система коллективных действий государств региона, направленных на предотвращение угроз и реализацию национальных интересов на основе объективной взаимодополняемости и взаимозависимости.

Уместно, в этой связи, вспомнить важный пример такой общей воли и действий — принятое в 1997 году всеми пятью центральноазиатскими странами решение о создании в регионе зоны, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО). В условиях почти полного окружения региона государствами, обладающими ядерным оружием, особенно в свете испытаний Индией и Пакистаном своего ядерного оружия, единая воля центральноазиатских стран о создании ЗСЯО — не просто еще одно отражение исторически предопределенного интеграционного процесса в регионе, но и вполне ясный признак общего взгляда на основы и способы обеспечения региональной безопасности.

Центральной Азии нужна своя система региональной безопасности еще по следующим соображениям. Нельзя не заметить определенного противоречия в том, что страны этого региона решают вопросы национальной и региональной безопасности, одновременно участвуя (хотя и не все в одинаковой степени) в нескольких международных организациях, для которых специфическая, регионально ориентированная се-

кьюритологическая повестка дня либо является центральной, ключевой, либо присутствует опосредованно. Это ЦАС, ОДКБ СНГ, ОБСЕ, НАТО, ШОС, ЕврАзЭС, ГУУАМ, а также ЭКО и ОИК и даже Движение неприсоединения. Не исключая важности и ценности каждой из этих организаций в обсуждении проблем региональной безопасности, все же следует заметить, что их участие в центральноазиатских делах — это еще не формула и не архитектура безопасности региона. Более того, деятельность этих организаций распространяется на разные, пусть даже пересекающиеся географические пространства, не говоря уже о геополитической составляющей их деятельности.

Одновременно, необходимо учитывать, что пять центральноазиатских государств являются частью объективно существующего более широкого регионального комплекса безопасности, который включает также Каспийскую зону, Афганистан, Иран, Турцию, Пакистан, Индию, Россию и Китай. Все эти страны не могут рассматривать свою национальную безопасность отдельно друг от друга, так как они сталкиваются с теми же проблемами терроризма, наркобизнеса, религиозного экстремизма и сепаратизма, а также другими угрозами своей безопасности. Однако, следует отличать кооперативную безопасность от коллективной.

Все эти соображения приводят нас к заключению о том, что наиболее адекватной формулой безопасности для Центральной Азии может быть следующая: первичность ЦАС и вторичность других механизмов создания архитектуры региональной безопасности. Эту формулу не следует понимать как призыв не участвовать в каких-либо организациях в решении вопросов безопасности, не создав коллективную систему между собой, а как стратегическую установку на то, что всякое участие в вышеуказанных международных организациях и, в целом, мировой политике, стра-

ны Центральной Азии должны подчинить идею и перспективе обеспечения полюса безопасности в регионе.

Ответ на вопрос о том, как строить систему региональной безопасности, как видим, не может быть простым и быстрым. Это — предмет отдельного исследования. Обратим лишь внимание на то, что во всех странах Центральной Азии приняты концепции национальной безопасности, которые являются основой для разработки программных мер оперативного и долгосрочного характера. Новой разновидностью институционального воплощения идеологии национальной безопасности является функционирование в странах региона в качестве главного органа по стратегическим вопросам Советов национальной безопасности. В государствах Центральной Азии такие Советы имеют примерно одинаковое назначение. Поэтому многое будет зависеть от совместных усилий Советов национальной безопасности стран Центральной Азии и от того, насколько будут обоснованы их стратегические и локальные цели и рассчитаны последствия принятия того или иного решения в области межгосударственных отношений и обеспечения региональной безопасности.

В целом этот процесс может включать следующие направления:

— разработка/развитие правовой базы сотрудничества в сфере безопасности;

— создание «мозгового центра» — Института Центральной Азии — для проведения исследований, аналитической работы, экспертизы и выработки рекомендаций по вопросам региональной безопасности;

— разработка краткосрочной и долгосрочной программ политических, экономических, организационно-технических и иных мер по созданию и укреплению механизмов обеспечения региональной безопасности.

В целом, вся деятельность по созданию архитекту-

ры региональной безопасности должна быть системно связанной и последовательной. Она также должна включать такие самостоятельные и, в то же время, взаимодействующие комплексы, как военная безопасность, экономическая безопасность, общественно-политическая безопасность, экологическая безопасность, информационная и идеологическая безопасность и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1992 году американский ученый М. Хаунер поставил вопрос «Что такое Центральная Азия для нас?» и именно так назвал свою замечательную книгу о геополитической борьбе между двумя державами — Великобританией и Россией. Эта борьба получила название «Большая игра». Как писал автор этой книги, Индия была главным фактором так называемого центральноазиатского вопроса. «Движение к теплым морям и международный империализм» были двумя основными элементами этого вопроса.

Южный ряд государств еще в период Российской империи приобрел важную дуальную функцию: первая функция — это служить платформой для угрозы Британской Индии; вторая функция — поддерживать (обезопасить) уязвимую линию жизни, связывающую два полюса Империи¹³⁵.

Другой автор — Д. Пайпс — в 1994 году в своей статье «Событие нашей эры: бывшие советские мусульманские республики изменяют Средний Восток» утверждал, что независимость республик Закавказья и Центральной Азии имеет огромное влияние на Средний Восток и особенно на их четырех непосредственных соседей — Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан. Принимая во внимание тюрко-персидскую традицию народов Центральной Азии, он сделал вывод, что благодаря их вновь обретенной независимости, «карта от Турции до Бангладеш может претерпеть сильные изменения за короткое время»¹³⁵.

Сегодня мы видим, что выводы этих обоих авторов оказались верными в том смысле, что после распада бывшего советского государства макрорегион Центральной-Южной Азии испытывает фундаментальную геополитическую трансформацию, которая оказывает огромное воздействие не только на формирующийся

статус-кво в этой части мира, но и на сам процесс самоопределения народов Центральной Азии. События 11 сентября 2001 года и последовавшая затем антитеррористическая операция в Афганистане лишь ускорили этот процесс.

В мире сегодня складываются новые формы взаимоотношений между странами и различными цивилизациями, в новом миропорядке всеобщая и взаимная безопасность как в борьбе с международным терроризмом, так и с другими угрозами будет центральным вопросом международных отношений и иметь императивное значение в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Прежде всего естественным продолжением процесса глобализации является изменение и трансформация традиционной роли национального государства как во внутренних делах, так и в международных отношениях. Современные беспрецедентные тенденции стирания граней между классическим понятием национального государства и мировой системой, роста взаимозависимости между внутригосударственными процессами и общемировыми предполагают отказ от многих традиционных представлений и моделей международных отношений.

Между тем, главный урок «черного сентября» и афганской операции США и их союзников состоит в необходимости многосторонних решений и действий на основе систематического согласования интересов безопасности ведущих держав как в борьбе с международным терроризмом, так и в других вопросах. Солидной базой для взаимодействия государств и определенной гарантией от произвола или предвзятости отдельных держав могла бы стать многосторонняя конвенция о борьбе с международным терроризмом.

Вместе с тем, самая совершенная конвенция или хартия не гарантирует успеха без серьезного пересмотра практической политики безопасности, которая

наполняет содержанием рамки правовых документов. Так, отношение к странам-союзникам и партнерам должно теперь строиться исходя из позиций и поведения в отношении международного терроризма, а не наоборот, как раньше, когда подход к терроризму определялся в зависимости от того, против кого он направлен. Здесь немалую переоценку нужно сделать и Западу, и России, и центральноазиатским государствам.

Как представляется, основная геополитическая проблема для стран Центральной Азии будет возникать при отборе ими приоритетов в своей внешней политике, исходя из необходимости преодоления традиционной ориентации исключительно на Россию. Очевидно, теперь степень свободы в выборе партнеров, важных с геополитической точки зрения, для государств Центральной Азии существенно возрастет. В их число, помимо России, США, стран ЕС, войдут также Китай, Япония, Турция, Индия и Иран. При этом, с одной стороны, новым и, возможно, рискованным для них будет стремление к построению геополитических комбинаций ради создания и сохранения баланса сил в регионе. С другой стороны, рискованность выбора такой стратегии объясняется тем, что она может противоречить стратегии объединения Центральной Азии в единый регион и обеспечения на этой основе системы коллективной безопасности.

Поэтому, с одной стороны, для стран региона, несомненно, актуально выстраивание взаимодополняющих стратегических балансов, в которых должно найти место как партнерство с Россией, так и с США, НАТО и Китаем, вхождение как в ЕврАзЭС, ШОС, ГУУАМ, так и поиск других путей гарантирования региональной безопасности. А с другой стороны, формула «первичность ЦАС» диктует активизировать процесс внутрорегиональной интеграции.

Многое в реализации геополитического потенциала Центральной Азии зависит от экономического по-

ложения государств региона, связанного с процессами трансформации и интенсивной интеграции в мировые связи с подключением к международной системе транспортных коммуникаций Европа—Азия. В этом заинтересованы как страны Центральной Азии, так и Китай, страны ЕС. Россия также не сможет стоять в стороне от этого процесса интернационализации экономических взаимосвязей государств Центральной Азии, в конечном счете выгодного и ей. Ибо для нее только стабильные и экономически развитые государства-соседи способны создавать прочный пояс безопасности по периметру ее границ.

Заслуживает специального исследования вопрос об американских интересах в Центральной Азии. Стало общепринятым считать, что США проявили стратегический интерес к ситуации в регионе в силу того, что Центральная Азия расположена рядом с зонами жизненно важных интересов США (Россия, Каспийско-Кавказский регион, Иран, Китай). Однако, следует признать, как к этому призывает американский аналитик У. Мерри, что «если ее заденут, Москва может свести на нет все усилия США в регионе при помощи местных союзников, закулисных интриг, путем дестабилизации ситуации или скрытого насилия... Вашингтон не больше способен доминировать в России, чем Россия установить свое главенство в Центральной Америке... Надо смириться с мыслью, что Россия, Китай и Иран примут участие как в расходах, так и доходах от развития энергетики Центральной Азии... Это ведь и их континент тоже»¹³⁷.

Заслуживает дальнейшего системного исследования также вся проблематика Южной Азии. В этом регионе идут сложнейшие социально-политические, культурно-конфессиональные процессы, замешанные, к тому же, на геополитике. Так, для того, чтобы Афганистан мог эффективно развиваться в мирных условиях через экономические контакты с государствами

Центральной Азии, ему по сути надо стать «новым независимым государством». Национальное самоопределение — понятие столь же политически актуальное и первичное для афганцев, каким оно было совсем недавно (и во многом все еще остается и поныне) для их центральноазиатских соседей. Одновременно, включение Афганистана в международные транспортные связи, а также международная помощь способны внести импульс в процесс общественно-политической стабилизации и преодоления ситуации тупика во внутренней политике.

Возвращаясь к Центральной Азии, представляется важным заключить следующее. Несомненно, рост внешнеполитического авторитета стран региона в мировом сообществе возможен только, если они сами не вступят между собой в бессмысленную «маленькую игру» на фоне «Большой игры». Именно так региональный порядок в Центральной Азии будет фактором, все более влияющим на стабильность в Евразии, балансирующим геополитическое соперничество между США, Россией, Китаем, Турцией, Ираном, Пакистаном и Индией и превращающим это соперничество в сотрудничество.

Как подчеркивает Президент И. Каримов, «интеграция всегда была и остается народной по своей сути... Интеграция народов Центральной Азии — это не мечта или проект на будущее, это данность, это реальность, которая лишь нуждается в организационных, юридических и политических формах...»¹³⁸.

Поэтому, очевидно, путь один — от углубления сотрудничества в сфере региональной, в том числе экологической безопасности, через создание механизмов экономической взаимодополняемости и общего рынка к единой политической и цивилизационной целостности Центральной Азии.

СНОСКИ

¹ ЮСИА, 17.12.2001.

² Саммит в неформальной обстановке. Независимая газета, от 3 августа 2001 г., №141.

² US is offering and to improve Kazakh military infrastructure/11:53 22.04.2002/ RFE/RL Central Asia Report.

³ US military delegation negotiating with Azeri officials 23.05.2002/ CASPIAN NEWS AGENCY.

⁴ <http://www.uza.uz/business/2002/4/93.shtml>. Национальное информационное агентство Узбекистана.

⁵ <http://profi.gateway.kg/tracesa> «ТРАСЕКА» (Евросоюз) против коридора «СЕВЕР-ЮГ» (Россия, Иран, Индия).

⁶ <http://www.transcaspian.ru>. А.Акимов //Казахстан: транспортные артерии накануне третьего тысячелетия.

⁷ Н. Сахибов. «Коммуникационные проекты Республики Таджикистан» Журнал «Центральная Азия и Кавказ», № 2 (3), 1999 г., стр. 69.

⁸ <http://www.kabar.kg>. Агентство «Кабар».

⁹ И.А. Каримов. Узбекистан на пути углубления экономических реформ. Т.: «Узбекистон». 1995, с.10—11.

¹⁰ Послание Президента страны народу Казахстана, <http://www.president.kz/Articles>.

¹¹ «Внешняя политика нейтрального Туркменистана», Ашхабад. МИД, 1999, с.112.

¹² «Обзор экономического положения Европы. 2000 год», №1 // Подготовлено Секретариатом экономической комиссии. Женева, ООН. Нью-Йорк и Женева, 2000 г.

¹³ <http://nsc.bishkek.su/Rus/Home/analysis.html>.

¹⁴ Asian development outlook 2000 // Special Chapter As the Century Turns The Social Challenge in Asia, published for the Asian Development Bank by Oxford University Press.

¹⁵ Ислам Каримов. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.: «Узбекистан», 1997, с. 291.

¹⁶ «Казахстан и современный мир», 2001 г. №1, с. 23.

¹⁷ Акинер Ш. Региональное сотрудничество в Центральной Азии. «Аналитик» Аналитическое обозрение, №3—2001, с. 17.

¹⁸ См. например, Rumer B., Zhukov S., eds. Central Asia:

Challenges of Independence (N.Y.: M.E. Sharpe, 1998), p. 103-152.

¹⁹ *Кошанов А., Хусайнов Б.* Проблемы интеграции государств Центральной Азии. — Центральная Азия и Кавказ, №1, 2001.

²⁰ Water and conflicts in Central Asia. An international Crisis Group. Osh/Brussels, 30 May, 2002.

²¹ Экологическая безопасность Центральной Азии висит на волоске. — KYRGYZ-PRESS, 19.03.2002.

²² *Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal* 23/4 (1904), p.434. See also *M. Hauner.* What is Asia to Us. Russia's Asian Heartland Yesterday and Today (London, N.Y.: Routledge, 1992).

²³ *Ali Banuazizi and Myron Weiner, eds.* The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands (Bloomington: Indiana University Press, 1994), p. 11.

²⁴ *Brzezinski Zb.* The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives (BasicBooks — Harper Collins Publishers, Inc, 1997), p. 125, 148.

²⁵ *А. Дугин.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России, М.: Арктогея-центр, 1999, С. 354—355.

²⁶ *Brzezinski Zb.* Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21-st Century. (N.Y.: Macmillan Publishing Co., 1993, p. 155, 163.

²⁷ *Jentelson Bruce W.* American Foreign Policy: The Dynamic of Choice in 21st Century. —N.Y.: W.W, Norton&Co., 2000.

²⁸ *Brzezinski Zb.* Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. -New York: Scribners, 1993. P.156.

²⁹ *Brzezinski Zb.* The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives (BasicBooks — Harper Collins Publishers, Inc, 1997), p. xiv.

³⁰ *Bertsch Gary K., Craft Cassady, Jones Scott A., Beck Michael (eds.).* Crossroads and Conflicts. Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia. —N.Y.&L.: Routledge, 2000.

³¹ *Schoeberlein John.* Identity and the State: Nationalism and Sovereignty in a Changing World. //5th Annual World Convention, Association for the Study of the Nationalities. - April 13—15, 2000.

³² *Rumer Boris*. Disintegration and Reintegration in Central Asia: Dynamics and Prospects. //In B.Rumer (ed.) Central Asia in Transition. — N.Y.: M.E.Sharpe, 1996.

³³ *Cohen Ariel*. US Interests in Central Asia. //Testimony before the Subcommittee on Asia-pacific, House International Relations Committee. March 17, 1999. —Washington D.C.: US Government Printing Office, 1999.

³⁴ См.: *Wilson R.L.* US Policy in Central Asia and the Caucasus. //Central Asia and the Caucasus: A New Version of the Great Game. —Washington, D.C., 1998. P. 29—49.

³⁵ *Cohen Ariel*. Senior Policy Analyst of the Heritage Foundation, US Policy in the Caucasus and Central Asia: Building a New “Silk Road” to Economist Prosperity. // Draft. July 18, 1997.

³⁶ An interview with Zb. Brzezinski. Thoughts on the Political and Geostrategic Realities of the Caucasus and Central Asia, in The Cyber-Caravan, Vol.1, № 2, 25 January, 1999.

³⁷ *Lubin Nancy*. President JNA Associates Inc., US Policy Challenges in the Central Asian Republics. //Testimony before the Subcommittee on Asia and the Pacific, Committee on International Relations, US House of Representatives. March 17, 1999.

³⁸ *Starr F.* Making Eurasia Stable. //Foreign Affairs. Jan./Febr., 1996. P.81—83.

³⁹ Arms Export Control Act, Chemical and Biological Weapons Control and Warfare Elimination Act of 1991.

⁴⁰ См. материалы: The Committee on Foreign Relations of the Senate and the Committee on International Relations of the House of Representatives.

⁴¹ Brownback Sam, Senator. The Silk Road Strategy Act. // American-Uzbek Chamber of Commerce. January 15, 1999.

⁴² См: Не такая уж «Большая игра» в Центральной Азии. Эл. почта, 23 июля 2001 года (eurasia. org. ru).

⁴³ The National Security Strategy of the United States of America.

⁴⁴ *Солодовников С.* 28.12.01. Перспективы стабильности СНГ. Основные выводы для интересов России.

⁴⁵ *Дашичев В.И., Вахрамеев А.В.* Социально-политический кризис в России: причины и последствия. // Социально-гуманитарные знания, 1999, № 1. С.22.

⁴⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации // *Международная жизнь*. 2000, № 8—9. № 4.

⁴⁷ Полит.РУ. 9.01.2002; Полит.РУ. 12.01.2002.

⁴⁸ *Ариель Коэн*. EurasiaNet, 24.01.2002.

⁴⁹ Российская газета, www.rg.ru, 25 мая 2002.

⁵⁰ *Тренин Д.* Ненадежная стратегия. Pro et Contra, Том 6, № 1—2, 2001.

⁵¹ Син Гуанчэн, Чжао Чанцин, Сунь Чжуанчжи. Чжунго юй Чжунъя. (Китай и Центральная Азия). Пекин, 1999. С. 231.

⁵² *Син Гуанчэн.* Чжунго хэ синьдули дэ Чжунъя гоцзя гуаньси (Взаимоотношения Китая и новых независимых государств Центральной Азии). Харбин, 1996. С. 99.

⁵³ Там же. С. 102.

⁵⁴ *Сунь Чжуанчжи.* Чжунъя синьгэцзюй юй дичюй аньчюань (Новая ситуация в Центральной Азии и безопасность региона). Пекин, 2001. С. 208—209.

⁵⁵ *Сунь Чжуанчжи.* Чжунъя уго дуйвай гуанси. С.190—191.

⁵⁶ *Сунь Чжуанчжи.* Чжунъя синьгэцзюй юй дичюй аньчюань. С. 209.

⁵⁷ *Ци Хао.* Мэйго цзюнши дацзи Афухан ди йинсян (Последствие военного удара США по Афганистану) // «Ляован» («Обозрение»), 2001, № 42. С. 20.

⁵⁸ *Чжан Теган.* Э Мэй Чжунъя чжулун Афухан (Россия, Америка и Центральная Азия борются за Афганистаном) // «Ляован», № 43. С. 62.

⁵⁹ Син Гуанчэн. Чжунго хэ Чжунъя гоцзя синьньси (Китай и новые отношения с государствами Центральной Азии) // «Дуньюу чжунъя яньцзю», №1, 1996, С. 58—64.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 57—63.

⁶³ Чжунго 1997 — 1997 нян чянхоу ди чжэнчжи цзинци фэнси юй юйцэ (Китай 1997 — политико-экономический анализ и прогнозы периода до и после 1997 года).

⁶⁴ Там же. С.150.

⁶⁵ Син Гуанчэн Чжунго хэ синьдули дэ чжунъя гоцзя гуаньси. С. 96.

⁶⁶ Жэнминь жибао. 1994, 19.04; Син Гуанчэн Чжунго хэ синьдули дэ чжунъя гоцзя гуаньси. С. 90.

⁶⁷ Там же. С. 300.

⁶⁸ *Яо Циньхуа, Пань Гуан, Юй Цяньхуа и Дин Пэйхуа.* Чжунго юй Чжунъя гоцзя цзинмао хэцзуо дэ фачжань хэ шэнхуа (Развитие и углубление торгово-экономического сотрудничества Китая и государств Центральной Азии) // Дуньоу Чжунъя янцзю. 1998. № 6. С. 81.

⁶⁹ *Сунь Чжуанчжи.* Чжунъя уго дуйвай гуанси. С.209.

⁷⁰ Осиеи маркази ва Кавкоз. Техрон, 1995, №7. С. 390.

⁷¹ *Roy O.* The Failure Of Political Islam. London: I.B.Taurus, 1994. 238 p.

⁷² *Fuller Graham.* Central Asia, the New Geopolitics. Santa Monica: Rand Corporation, 1992. XVI+86pp.

⁷³ См., например, *Hunter Sh.T.* Central Asia since Independence (The Center for Strategic and International Studies, 1996).

⁷⁴ МЭиМО. 1994. №4., С. 39—40.

⁷⁵ *Khalid Duran.* Rivalries over. The New Muslim Countries. // Aussenpolitic. — IV/92.

⁷⁶ *Khalid Duran.* Rivalries over. The New Muslim Countries. // Aussenpolitic. — IV/92.

⁷⁷ *Hyman Antony.* Political change in post-Soviet Central Asia. London, 1994. 51p.

⁷⁸ Eurasian File: Republic of Turkey. Ministry of foreign affairs. Turkish international cooperation agency (TIKA). April 1996/2. №55.

⁷⁹ Eurasian File: Republic of Turkey. Ministry of foreign affairs. Turkish international cooperation agency (TIKA). April 1996/2. №55.

⁸⁰ Eurasian File: Republic of Turkey. Ministry of foreign affairs. Turkish international cooperation agency (TIKA). April 1996/2. №55.

⁸¹ *Warikoo K.* Central Asia. Emerging New Order. New Delhi: Har — Anand Publications. Under the auspices of Himalayan Research and Cultural Foundation (India), 1995. 352p.

⁸² *Hyman Antony.* Power and Politics in Central Asia's New Republics. — London: Research Institute for the Study of Conflict and Terrorism, 1994. 328p.

⁸³ *Hyman Antony.* Power and Politics in Central Asia's New Republics. London: Research Institute for the Study of Conflict and Terrorism, 1994. 18 p.

⁸⁴ *Hyman Antony*. Power and Politics in Central Asia's New Republics. — London: Research Institute for the Study of Conflict and Terrorism, 1994. 19 p.

⁸⁵ *Warikoo K.* Central Asia. Emerging New Order. New Delhi: Har — Anand Publications. Under the auspices of Himalayan Research and Cultural Foundation (India), 1995. 317p.

⁸⁶ *Hyman Antony*. Power and Politics in Central Asia's New Republics. — London: Research Institute for the Study of Conflict and Terrorism, 1994. 12 p.

⁸⁷ *Khan A. Simbal*. Pakistan's Relations with Central Asian States. // Strategic Perspective. 1994. Vol2. № 1—2. pp. 50—51.

⁸⁸ *Khan A. Simbal*. Pakistan's Relations with Central Asian States. // Strategic Perspective. 1994. Vol2. № 1—2. P. 51.

⁸⁹ Tarik jan et al. Foreign Policy Debate. The years ahead. Islamabad: Institute of policy studies., 1993. pp.159—160.

⁹⁰ Tarik jan et al. Foreign Policy Debate. The years ahead. Islamabad: Institute of policy studies., 1993. P. 129.

⁹¹ *Khalid Duran*. Rivalries over. The New Muslim Countries. // Aussenpolitic. — IV/92.

⁹² *Oakley R., Snyder J.* «Escalating Tensions in South Asia», in Strategic Forum (Institute for National Strategic Studies, USA), No. 71, April 1996.

⁹³ *Котов Л.* Индия и республики Центральной Азии: рождение нового партнерства. // Компас ИТАР-ТАСС, 1995. №46. С.20—26.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ «Независимая газета», 1997. 12 августа.

⁹⁶ «Проблемы Дальнего Востока», №1, 1997. С.34.

⁹⁷ «Караван», 29 мая 1998 года, № 22.

⁹⁸ «Мировая экономика и международные отношения», 1999, № 4. С. 103

⁹⁹ «Деловой партнер Узбекистана». 1999. №24.

¹⁰⁰ «Независимая газета», 12 августа, 1997.

¹⁰¹ «Пульс Планеты». М.:ИТАР—ТАСС. 7 апреля. 2000.

¹⁰² «Япония сегодня», январь, 1997 г.

¹⁰³ «Правда Востока», 25 июля, 2002 г.

¹⁰⁴ *Магосаки У.* Что происходит сейчас в Средней Азии. // Тью Корон.—Токио. 1994. №4. С.7. (на япон. яз.).

¹⁰⁵ «Правда Востока», 25 июля, 2002 г.

¹⁰⁶ [http://narod.yandex.ru/cgi-bin/yandmarkup? cluster](http://narod.yandex.ru/cgi-bin/yandmarkup?cluster).

¹⁰⁷ Материалы международной конференции «Европейский союз сегодня: текущие проблемы и перспективы», совместный Европейский проект программы ЕС Темпус Тасис «Евразия», 12.09.02, Ташкент.

¹⁰⁸ Материалы третьего заседания Совета сотрудничества Узбекистан-ЕС от 29 января 2002 года, Брюссель.

¹⁰⁹ Материалы программы ТАСИС Европейского Союза.

¹¹⁰ Материалы международной конференции «Европейский союз сегодня: текущие проблемы и перспективы», совместный Европейский проект программы ЕС Темпус Тасис «Евразия», 12.09.02, Ташкент.

¹¹¹ Пояснительная записка к проекту резолюции Комитета по иностранным делам, правам человека и общей политике в сфере безопасности и обороны Европейского парламента от 26 марта 2001 года, Страсбург, 2001.

¹¹² Материалы программы ТАСИС Европейского Союза.

¹¹³ Пояснительная записка к проекту резолюции Комитета по иностранным делам, правам человека и общей политике в сфере безопасности и обороны Европейского парламента от 26 марта 2001 года, Страсбург, 2001.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Резолюция Европейского парламента «О стратегии Европейского Союза по развитию отношений с независимыми государствами Центральной Азии» от 01.03.99 г, Страсбург.

¹¹⁶ «Afghanistan: ethnic Turkmen seek peace building role», Charles Recknagel,

1/4/02, <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/pp010602.shtml>.

¹¹⁷ Источник - **The World Factbook** (ЦРУ 2001 г.)

¹¹⁸ «Антитеррористическая операция и проблемы поствоенного устройства в Афганистане» *Сыздыков М.З.*, политолог, <http://www.kisi.kz>.

¹¹⁹ *Smith Daniel, Stohl Rachel, Huang Reyko / Afghanistan: Reemergence of State / Center for Defense Information / 21 декабря 2001 года.*

¹²⁰ ABC News 1 марта 2002 года.

¹²¹ Веб-сайт «Газета СНГ» 9 января 2002 года.

¹²² РИА «ОРЕАНДА» 29 декабря 2001 года.

¹²³ Газета «Правда Востока», 6 декабря 2001 года.

¹²⁴ Газета «Правда Востока», 15 декабря 2001 года.

- ¹²⁵ www.osce.org/romania2001/documents.
- ¹²⁶ www.osce.org/bishkek_conference.
- ¹²⁷ Информационное агентство «УзА» / 25 февраля 2002 года.
- ¹²⁸ Информационное агентство «УзА» / 27 декабря 2001 года.
- ¹²⁹ РИА «Новости», от 22.11.2001.
- ¹³⁰ *Дегоев В.* Игра на обоюдное поражение. — Независимая газета, 23.05.2001.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² ЮСИА, 22 мая 2000.
- ¹³³ *Buzar B.* People, Stares and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era (Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers, 1991), p. 17.
- ¹³⁴ *В. Кузнецhevский.* Кому и почему мешает режим Ислама Каримова? // Российская газета от 29.08.2000.
- ¹³⁵ *Hauer M.* What is Asia to Us. Russia's Asian Heartland Yesterday and Today (London, New York: Routledge, 1992). P. 75, 96, 98, 115.
- ¹³⁶ *Pipes D.* «The Event of Our Era: Former Soviet Muslim Republics Change the Middle East», in M. Mandelbaum, edited by, Central Asia and the World (Council of Foreign Relations Books, New York, 1994), P. 47—93.
- ¹³⁷ *Мерри У.* Не такая уж «Большая игра» в Центральной Азии. — Доклад, представленный на конференции Центра Маршалла в Алматы, июнь 2001г. Эл. Почта, 23.07.2001.
- ¹³⁸ *И. Каримов.* Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Т.: «Узбекистан», 1997, С. 310—311.

CONTENTS

Introduction	5
Chapter 1. Geostrategic position of Central Asian region	9
<i>1.1. Role of Central Asia in a changed world</i>	9
<i>1.2. Natural wealth and strategic significance of the Caspian zone</i>	16
<i>1.3. Investment climate of the region</i>	20
<i>1.4. Transport communications</i>	26
Chapter 2. Geoeconomic situation	41
<i>2.1. Economic transformation process in Central Asian countries</i>	41
<i>2.2. Integration and disintegration courses in Central Asia</i>	60
<i>2.3. Possibilities and perspectives of developing foreign economic relationships</i>	68
<i>2.4. Ecological problems of the region</i>	74
Chapter 3. Geopolitical balance of power in Central Asia	87
<i>3.1. Geopolitical transformation of Central Asia</i>	87
<i>3.2. The Great world and regional Powers geopolitical interests</i>	91
USA	91
Russia	99
China	111
Iran	118
Turkey	124
Pakistan	132
India	136
Japan	140
EU countries	150
<i>3.3. Afghan factor and its influence on Central Asia security</i>	157

Chapter 4. Politics in the field of security	164
<i>4.1. Challenges and threats to security in the region</i>	<i>164</i>
<i>4.2. Strategy on providing security and stability</i>	
<i>in Central Asia . . . . .</i>	<i>169</i>
<i>4.3. On security architecture in Central Asia . . . . .</i>	<i>179</i>
Conclusion	192

Editorial board:

R.M. Alimov

Sh.R. Arifkhanov

S.R. Rizaev

F.F. Tolipov

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
геоэкономика, геополитика,
безопасность

Ташкент
Главная редакция
ИПАК «Шарк»
2002

Редактор *Иргашева Э.*
Художественный редактор *Самойлов М.Н.*
Технический редактор *Габдрахманова Д. М.*
Компьютерная верстка *Атхамова М.*
Корректор *Русакова Л.*

Подписано в печать 10.12.2002. Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная.
Усл.п.л. 11,0. Уч.-изд.л. 9,8. Тираж 1000 экз. Заказ № 3739.

**Отпечатано в типографии издательско-полиграфической
акционерной компании «Шарк»
700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.**

CENTRAL ASIA:
geoeconomics,
geopolitics,
security

Main editorial office IPAK «Shark»
Tashkent — 2002

